

ISSN 2409-1014

Журнал

Российский колокол

№ 1-2
2018

Москва, 2018

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2Рос=Рус)6

Р 76

Главный редактор Максим Замшев

Первый заместитель главного редактора Александр Гриценко

Шеф-редактор Анастасия Лямина

Верстка Ольга Аврах

Корректор Вероника Лапина

Рабочая редколлегия:

Дмитрий Дарин, Виктор Перегудов, Андрей Щербак-Жуков,

Николай Калиниченко

Общественная редколлегия:

Владимир Бояринов, Альберт Иванов, Сергей Есин, Валентин Сорокин,

Алексей Проскурин, Лев Котюков, Альберт Оганян, Александр Фитц

(директор Западноевропейского бюро), Олег Гайданов, специальный

корреспондент

по Германии и Австрии Сергей Дербер

При перепечатке ссылка на Журнал «Российский колокол. Выпуск №3-4, 2018»

обязательна

Редакция не рецензирует присланные работы

и не вступает в переписку с авторами

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Учредители:

Московская городская организация Союза писателей России

Фонд «Литературный фонд Петра Проскурина»

Адрес редакции: 107023, г. Москва, Электrozаводская ул, д. 52, стр. 1-10

тел.: +7 (495) 988-89-79

info@inwriter.ru

Электронная версия: ros-kolokol.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением

законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного

наследия 9.11.04, ПИ № ФС 77-18759

Журнал выходит при содействии Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

ISSN 2409-1014

Тираж 5 000 экземпляров, формат 60×90/16. Бумага офсетная,

печать офсетная

Оглавление

СЛОВО РЕДАКТОРА

Анастасия Лямина

Текст

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Саша Кругосветов

Клетка

Ирина Ракша

А какой сегодня день?

Земляничная поляна

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ

Олег Ефимов

22 июня. Семейный альбом

Доченьке!

Машеньке приношение

А дело 16 лет назад было примерно так

Убийство Ёлки. Не для детей..18+

Я люблю людей!

Не из крепостных

Мы длинной вереницей идем за Синей птицей!

Девы не-мироносоицы

Песнь ко русскому, ко медведишке!

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Алексей Астафьев

Язык современной фантастики

БЛИЖНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Дмитрий Спирко

Счастливыи День

Вечность

Божественная Церемония

Вот такой Этиуд

Все вокруг Москва

Половинка

Калейдоскоп

Если не Бог!

Еще одно Предание

Лазурь

Лоно Карпат

Москва

На Крыльце Крыма

Между Берегом и Горизонтом

Пусть

Россия! Небо! Полет!

Самый Лазурный День

Совершенное Чудо

Это Ялта

Ялтинский Сонет

Будьмо!

ГОЛОСА ПРОВИНЦИИ

Максим Жуков

Бродские

ПУБЛИЦИСТИКА

Анатоли Ливри

Русисты-расисты

Елена Дегтярёва

«Мы обречены быть теми, кто мы есть...»

«История в событиях и лицах»

Маша Зяблова

Как детство писателя может превратиться в интересную

историю для ребят

Елена Муханова

«Тонкий психолог женской души»

Елизавета Булавина

Надежда Белякова – автор и художник сказок «Ругачевские

чудеса»

Эдуард Зуев: «В нашей жизни тесно переплетается и смеш-

ное, и грустное»

РЕЦЕНЗИИ

Елизавета Булавина

Сборник сказок Надежды Беляковой «Ругачевские чудеса»

«О грустном и смешном» – сборник басен и стихов Эдуарда

Зуева
Елена Дегтярёва
Путешествие с Татьяной Генис
Маша Зяблова
Увлекательное чтение о маленькой собачке
Елена Муханова
«Загадочная женская душа»
НАКАНУНЕ:
Светлана Ангарская
Николай Чепурин
Михаэль Казакевич

СЛОВО РЕДАКТОРА

*Анастасия
Лямина*

Член Интернационального
Союза писателей, журналист,
публицист.

???

???

Приятного чтения.

Современная проза

Российский
колокол

Саша Кругосветов

Саша Кругосветов, член Интернационального Союза писателей (ИСП), куратор петербургского отделения ИСП, член Международной ассоциации авторов и публицистов АРΙΑ (Лондон). Имеет медали имени А.С. Грибоедова, имени Адама Мицкевича, имени Мацуо Басё, имени С.Я. Надсона, Императорскую Медаль «Юбилей Всенародного подвига 1613–2013».

Дипломы и премии

Диплом победителя «Школы Букеровских лауреатов» по классу прозы (руководитель – В.В. Ерофеев) с вручением медали им. А.С. Грибоедова, Милан, 2012.

Дипломант Франкфуртской книжной ярмарки, 2012.

Дипломант Фестиваля Славянской Поэзии в Варшаве, 2012.

Дипломант Book Fair в Лондоне, 2013

Certificate of participating in Writer's Annual International Conference (New York City, 2016)

Гран-при Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг – 2013»: «Новое имя в фантастике». Лонг-листер премии «Золотой Дельвиг – 2014» «Литературной газеты». Победитель Всерос-

сийского литературного конкурса «Бумажный ранет – 2014». Премия Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг – 2014»: «Фаворит НИФа». Премия «Алиса» фестиваля фантастики «РосКон-2014» за лучшее детско-юношеское произведение года. Премия «Серебряный РосКон-2015» в номинации «Повести и рассказы». Лауреат Московской литературной премии 2014 года в номинации «Публицистика» имени Владимира Гиляровского. Премия «Изумрудный город» Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг – 2015» за лучшее произведение, обращенное к детской и подростковой аудитории. Премия «Созвездие Малой Медведицы», II место Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг – 2015». Лауреат премии «Специальный приз оргкомитета РосКон-2016» за крупный вклад в развитие фантастики. Лауреат гран-при международного музыкально-литературного фестиваля «Ялос-2016» в номинации «Проза». Диплом победителя (I место) международного музыкально-литературного фестиваля «Ялос-2016» в номинации «Публицистика». Финалист премии «Нонконформизм-2016» и «Нонконформизм-2017». Диплом премии-ордена Кирилла и Мефодия; Общество славянской словесности, ИСП, 2016. Международная литературная премия имени Владимира Гиляровского 1 степени, номинация «Художественная проза» (2016). Лауреат еженедельника «Литературная Россия» за 2016 год «За неутомимые жанровые эксперименты в художественной прозе». Премия «Рыцарь Фантастики» «РосКон-2017». Мемориальная премия «Орден Добра и Света» им. И.А. Соколова Фестиваля фантастики «Аэлита-2017». Гран-при «Белый лотос» литературного фестиваля «Поехали!» в Астрахани (2017). I место международной премии «Память предков» (Астрахань, 2017). Лауреат медали-премии Велимира Хлебникова журнала «Российский колокол» (Астрахань, 2017). Номинант премий Александра Грина, Ивана Хемницера, Ганса Христиана Андерсена, Даниила Хармса, Сергея Аксакова (издательство «Аэлита») и Международной медали-премии Эдгара По (РФ – США) (Астрахань, 2017). Специальный приз «РосКон-2018» «за книгу «Про-

гулки по Луне», стирающую грань между фантастикой будущего и реалиями настоящего».

Книги

Большие дети моря. М. : Интернациональный Союз писателей. Продюсерский центр Александра Гриценко, 2013.

Остров Дадо. Суеверная демократия. Электронная книга. М. : Московская городская организация Союза писателей России, 2012.

Dado Island. The Superstitious Democracy. APIA-London-2014. International Union of Writers-Moscow-2014.

А рыпаться все равно надо. Продюсерский центр Александра Гриценко. Издательство Виктора Ерофеева. Интернациональный Союз писателей, 2014.

Сто лет в России. Продюсерский центр Александра Гриценко. Издательство Виктора Ерофеева. Интернациональный Союз писателей, 2014.

Архипелаг Блуждающих Огней. Продюсерский центр Александра Гриценко. Издательство Виктора Ерофеева. Интернациональный Союз писателей, 2013.

Киты и люди. Серия «Новое имя в фантастике». МТА IV. Интернациональный Союз писателей. Оргкомитет «Роскон». Оргкомитет «Созвездие Аю-Даг». Оргкомитет «Басткон». Продюсерский центр Александра Гриценко, 2014.

Живите в России. Серия «Современники и классики». Интернациональный Союз писателей. Продюсерский центр Александра Гриценко, 2015.

Бывальщина и небывальщина. Морийские рассказы. Интернациональный Союз писателей. Продюсерский центр Александра Гриценко, 2015.

Киты и люди. Серия «Сергей Лукьяненко представляет автора». Интернациональный Союз писателей. Продюсерский центр Александра Гриценко, 2015.

Послания из прошлого. Библиотека журнала «Российский колокол». Интернациональный Союз писателей, 2015.

Путешествия капитана Александра. Тома 1–4. «Большие дети моря». «Киты и люди». «Архипелаг Блуждающих Огней». «Остров Дадо. Суеверная демократия». «Остров Мория. Пацанская демократия». Серия «Сергей Лукьяненко представляет автора». Интернациональный Союз писателей, 2015.

Птицы. Серия «Премия Владимира Гиляровского представляет публициста». Интернациональный Союз писателей, 2016.

Светящиеся ворота. Серия «Таврида». Интернациональный Союз писателей. 2015.

Заметки в ЖЖ. Серия «Премия Владимира Гиляровского представляет публициста». Интернациональный Союз писателей, 2016.

Сжечь мосты. Серия «Международный фестиваль Бориса и Глеба». Интернациональный Союз писателей, 2017.

Пора домой. Серия «Международный фестиваль Бориса и Глеба». Интернациональный Союз писателей, 2017.

Цветные рассказы. Том 1. Том 2. Серия «Современники и классики». Интернациональный Союз писателей, 2017.

Киты и люди. «Питер», 2017.

Остров Мория. Пацанская демократия. Том 1. Том 2. Серия «РосКон представляет автора». Интернациональный Союз писателей, 2017.

Прогулки по Луне. «Снежный Ком», 2018.

Клетка. Интернациональный Союз писателей. Серия «Золотые пески Болгарии». 2018.

Клетка

(Продолжение. Начало в журнале «Российский колокол» выпуск 1-2, 2018 г.)

...

7

Борис еще долго перед сном размышлял, что, наверное, зря он не поехал к матери. Колебался, колебался, да так и не поехал.

В жизни всегда что-нибудь да происходит, и каждый раз это «что-нибудь» кажется в тот момент самым важным. Именно для этого «чего-нибудь» и именно сейчас требуется напряжение всех сил. А потом, как правило, выясняется, что это всё такая чепуха, такая ерунда – «суета сует и всяческая суета», как сказал кто-то, Экклезиаст, что ли. В последнее время это дело сбilo его ориентацию. Ничего ведь особенного не произошло. Ни такого уж важного. И людей каких-то особо интересных и значительных он тоже не встретил. Скорее – мелких, суетливых и, как правило, отталкивающих. Разве что Марина Толоконникова. Она вела себя как все девушки ее круга, весьма доступные при ближайшем рассмотрении, но ему показалось, что в ней была какая-то недосказанность, какая-то тайна, что ли. Да нет, какая тайна? Видно, он и вправду становится сентиментальным. Говорят, что это бывает с годами. С годами. Но его... Какие его-то годы?

Ничего не произошло. Правда, вот отметина на лбу. Каждое утро он снимает пластырь и внимательно разглядывает в зеркале эту розовую отметину. Вначале ему казалось, что она постепенно бледнеет. Это было особенно заметно сразу после его романтической вечерней встречи с соседкой Мариной Толоконниковой. И он надеялся, что эта отметина постепенно исчезнет. Но ничего такого не произошло. Процесс осветления пятна как бы приостановился. И ему приходилось каждое утро вновь закрывать позорную отметину аккуратно вырезанным кусочком пластыря. Пусть лучше думают, что у

него травма: шишка, ссадина или синяк, – чем неизвестно откуда взявшееся родимое пятно. Инспектор ведь сказал, что пятно исчезнет, когда дело будет закрыто. КГ надеялся, что именно так оно и будет. «Все проходит, и это пройдет», – сказал мудрец. А жизнь продолжается. Надо честно исполнять свой долг перед обществом, любить прекрасную половину, да и о матери с сестрой не забывать.

Так что зря, наверное, он отказался от поездки к маме. Ну а раз так, надо тогда в воскресенье навестить мистический дом на Манежном. Придется заглянуть ему в этот загадочный дом, который, похоже, имеет разветвленные коридоры, выходы по всему Ленинграду, а может быть, и во все здания и все квартиры. Возможно, и к нему в квартиру у них есть ходы.

«Какая глупая, вздорная мысль. Ребячество и детские страхи», – подумал Борис, но тем не менее встал с постели, открыл глубокий встроенный шкаф в его спальне – почему, интересно, они сделали его таким глубоким? – и долго изучал заднюю стенку шкафа с внутренней стороны. В ней явно был виден прямоугольный абрис какой-то вставки размером точно с небольшую дверь. Щели вставки не были оштукатурены и покрашены, так что теоретически она вполне могла быть открывающейся дверью. Теоретически. Но там же нет какого-либо осязаемого свободного пространства. Сразу за задней стенкой шкафа шла прихожая. «Интересные иллюзии и причудливые фантазии случаются с людьми в момент перехода от бодрствования ко сну и наоборот. Красивая идея. Жизнь всегда много проще и грубее. Всё, Борис, спать. Хватит фантазий. Завтра пойдешь в свой любимый дом призраков и увидишь всё собственными глазами».

Утром в воскресенье без десяти девять он был уже в проходной.

– Зачастили к нам, – угрюмо сказал вахтер. – Я говорил вам, а вы не прислушались. Все вы, молодые, такие. Ни в грош не ставите опыт и прозорливость старших.

КГ ничего не ответил, лишь внимательно посмотрел в глаза вахтера.

– Идите уже, раз пришли. Паспорт можете не показывать. Паспорт у вас на лбу наклеен, – добавил он примирительно.

Борис хотел сразу пересечь двор и подняться на второй этаж к знакомой двери. Но пройти к высокой входной двери на противоположной стороне двора ему не удалось. Разрезая двор на две части, капотом почти вплотную к высокой двери припарковалась длинная правительственная «Чайка». Интересно, как сюда попал этот настоящий «членовоз»? Вдоль машины, справа и слева, стояли крепкие ребята в одинаковых пиджаках цвета мокрого асфальта. Над решеткой радиатора была установлена вычурная хромированная фигура, переставленная, видимо, с «Роллс-Ройса».

Открылась задняя боковая дверца машины. Вышел невысокий мужичок в мундире. Аккуратно подстриженная короткая рыжеватая бородка, усы, немного загибающиеся вверх, плойка над лысеющим лбом. Если не вглядываться в черты лица – Николай Второй. Неплохая осанка, неторопливые движения. Подводят только сломанный, продавленный посередине нос и маленькие настороженные глазки. Взгляд псевдо-Николая на мгновение уколол Бориса, вплотную приблизившегося уже к ряду охранников сумрачного вида. Выстрелил, уколол и исчез. Исчез взгляд, исчез и мужичок, будто его и не было. «Заскочил уже в парадную, наверное. Где-то я видел этого человека. Очень хорошо его знаю, – с удивлением подумал Борис. – Не Николая Второго и Кровавого, конечно, а того, кто прячется за стилизованной под него внешностью».

КГ попытался проскользнуть сквозь ряд охранников. У него ведь дело. Он не просто так здесь, не просто слоняется по двору. «Нельзя», – коротко отрезал стоящий рядом добрый молодец. Но он ведь по своим делам, его вызывали. Неужели они не понимают? «Ждите», – это было сказано столь резко и категорично, что Борис не решился на дальнейшее продолжение дискуссии.

Отошел в сторону. Мимо проходили жильцы дома, запомнившие его по прошлому посещению этого учреждения. С ним здоровались. Показывали глазами на чудище, перегородившее двор, удивленно хмыкали, но вслух комментарии не давали.

Псевдо-Николай недолго пробыл в недрах загадочного дома. Борис часто поглядывал на парадную дверь, очень хотел получше рассмотреть занятого рыжебородого мужичка, но он так и не заметил, когда этот как бы царь проскочил из двери в автомобиль. Просто внезапно охранники куда-то исчезли, – видимо разбежались по машинам сопровождения, вон там, под навесом, возможно, их «восьмерки» притаились – «Чайка» дала задний ход и медленно поползла к въездным воротам во двор, расположенным точно против «парадных дверей».

«Интересно, что это за человек, откуда я его знаю и что он здесь делает, в этом доме?» – мелькнула у Бориса мысль, но так же быстро исчезла, как и появилась, потому что он уже бегом через две ступени поднимался по лестнице на второй этаж.

Искать теперь ничего не надо. Вот она, нужная дверь.

На стук открыла Нюра. Борису было неприятно видеть ее – что за безобразие она устроила во время прошлого заседания! Он, конечно, не собирается судить ее – кто он такой, чтобы осуждать поведение взрослого, сложившегося человека? Нюра, наверное, любит этого юношу. То, что произошло с ними на прошлом заседании, случается между мужчиной и женщиной, даже в Советской России, где все делают вид, что в пролетарском государстве секса не может быть. Только в целях воспроизводства народонаселения. Просто для своих чувств эти двое вполне могли бы найти более подходящее место и время. Короче, он ее не осуждает. Но и разговаривать с ней тоже не намерен. Что у них общего, о чем им говорить? Борис, не здороваясь, направился сразу к двери зала заседаний.

– Сегодня заседания нет, – произнесла Нюра бесстрастным голосом.

– Как это нет? Ты обманываешь меня. Куда же делась комиссия?

Нюра ничего не ответила, просто открыла дверь. Пусто. Борису показалось, что эта огромная, пыльная, пугающая пустота угрожающе надвигается на него. В конце зала на подмостках стоял стол. В прошлый раз он не заметил эти подмостки. Хотя как-то он их все же преодолевал, когда Эсмеральда Вагиновна попросила его подойти к ней. На столе лежало несколько книг, в том числе знакомая амбарная книга. Не книга – скорее толстая тетрадь.

– Не разрешите, Нурбида Динмухамедовна, мне взглянуть на эти книжки? – спросил Борис, неизвестно почему вспомнив полное имя Нюры и переходя с ней на «вы». Зачем ему понадобились эти книги? Ну не уходить же так, как говорят, несолоно хлебавши.

– Нет, это не разрешается. Особенно вам, – ответила Нюра, закрыла дверь и повернула ключ в замке. – Книги принадлежат следователю.

– Вы имеете в виду дознавателя?

– Дознавателю разрешается пользоваться книгами. Она же должна быть детально знакома с делом. И справочную литературу иметь. А книги принадлежат следователю. Ленину Ивановичу Плоскому.

– При чем здесь следователь?

– При том, что Эсмеральда Вагиновна закончила свою работу над вашим делом. Составила отчет. И всё передала Ленину Ивановичу.

– Ах вот оно что! Со мной никто ни о чем не говорил, вопросов мне не задавал. А мое дело уже передано товарищу Плоскому. То ли Плоскому, то ли Ленину. А здесь лежит затертый и засаленный свод законов. По которому они работают. Осуществляют, так сказать, правосудие. Которое состоит, видимо, в том, чтобы *utique*, в любом случае, заведомо осудить и наказать человека не только невинного, но еще и *ignarus*, неосведомленного, не знающего ни в чем его обвиняют, ни что он нарушил. *Utique et ignarus!*

– Должно быть, это именно так и есть, – произнесла обалдевшая Нюра, которая, видимо, не до конца поняла смысл пылкой речи Бориса.

– Ну тогда моя сегодняшняя миссия исчерпана.

– Передать что-нибудь следователю?

– В прошлый раз я предстал перед светлые очи мадам Дознавательницы. Я мог бы многое ей передать помимо чувства глубокого восхищения ее женской привлекательностью. Но в деловом плане наш разговор, наверное, уже не имеет никакого смысла, потому что наши деловые отношения, я имею в виду отношения дознавателя с подозреваемым, так и не состоялись. Случился, так сказать, легкий служебный роман на расстоянии. Остался только дым, мираж, аромат и легкая грусть. Жаль. Что об этом говорить? Она передала мое дело следователю Плоскому. А что вы можете передать от меня Плоскому? Так же, как и Ленину? Вы хоть знакомы с этим «плоским Лениным»?

– Конечно, ведь мой муж работает инспектором в аппарате суда.

Борис осмотрелся по сторонам. Комната, в которой Нюра неделю назад мыла пол, в прошлый раз – абсолютно пустая комната, теперь казалась вполне обжитой и была обставлена наподобие настоящей жилой квартиры, правда очень маленькой.

– Да, вот здесь мы и живем. Нам предоставляется бесплатная жилплощадь. Но на время заседаний приходится освобождать комнату и даже мебель выносить в кладовку. Нравится вам такое льготное жилье? Работа мужа доставляет нам много ненужных хлопот и неудобств. Что поделаешь? Служба.

– Комната – разве в этом вопрос? Меня удивило то, что вы, оказывается, замужем. Вот что меня сейчас по-настоящему удивило.

– Не понимаю, на что вы намекаете. Может, обижены на меня за то, что вам пришлось прервать свою пылкую речь? За то, что я помешала. Прошла уже неделя, а вы всё еще помните об этом.

– Вы не подумайте, Нурбида Динмухамедовна, что я таю какую-то обиду. Правда, если вспомнить мое настроение в тот момент, то, честно говоря, я был просто вне себя от ярости, этот ваш поступок просто вывел меня из себя. А теперь говорите, что вы замужем. Как тогда понимать эти ваши объятия с тем довольно-таки несимпатичным студентом? Неужели вам нравится эта бороденка клинышком а-ля Яков Михайлович Свердлов? И эта впалая грудь, и колченогость с просветом в верхней части ног?

– Во-первых, он не студент. Младший специалист в аппарате суда. Хотя он, конечно, еще и студент. Это вы правильно определили. Учится на юрфаке на заочном. Но главное не это. Он племянник члена бюро обкома товарища Носикова. Так что очень скоро займет совсем другие посты и станет очень влиятельной фигурой. Сам Ленин Иванович будет бегать к нему на поклон и приносить на подпись бумаги.

А по поводу того, что вас якобы бесцеремонно прервали. Так вот, я вам скажу, Борис Илларионович: вы должны быть еще благодарны мне за это. А не ругать и не укорять за то, что, по вашему мнению, я что-то не так делала. Вы даже не понимаете, что я вас просто спасла. Причем в третий раз. Первый раз мне пришлось зайти в зал заседаний, чтобы избавить вас от напора и домогательств Эсмеральды Вагиновны. Эта ненасытная дознавательница, она вконец замучила бы вас, и это все могло плохо для вас кончиться. А я напомнила ей о служебных обязанностях, уговорила перевести стрелки часов назад и начать все-таки дознание. Это я спасла вас во второй раз. Но вы не воспользовались представившейся вам благоприятной возможностью. Фактически отказались от допроса и заявили, что ваша миссия – уничтожить СИСТЕМУ и завести здесь новые порядки. Уж вы поверьте мне, это очень хорошо, что вам пришлось прерваться. Это пошло только на пользу вам. Когда вы все-таки ушли, о вас долго говорили, и очень даже недоброжелательно. Очень недоброжелательно. А ведь ваша судьба теперь напрямую зависит от этих людей. В том числе и от Эсмеральды Вагиновны. Она, как могла, пыталась помочь вам

выпутаться из этой неприятной ситуации, в которой вы оказались. А вы этого не поняли. Она потом весь вечер и всю ночь работала. Писала отчет о вас. Писала и плакала. Она понимает, что теперь ваше положение бесперспективно. А она, видимо, прониклась почему-то к вам душевной симпатией и, как женщина с горячим сердцем, искренне жалела вас.

Почему я так точно знаю об этом?

Видите ли, в этом доме в целях экономии ночью отключают электричество. Говорят, что для повышения рождаемости. А на самом деле – в целях экономии. Так вот, Эсмеральда Вагиновна очень хотела написать отчет о вас. И она нашла свечу и писала при свече. А потом свеча догорела, а ей надо было закончить отчет. Она взяла и пришла в нашу комнату, попросить свечу. Ну и, конечно, как всегда...

– Что «как всегда»?

– Зачем вы спрашиваете? Вы же знаете, ей очень нравится моя грудь. Многим нравится. А тут она увидела меня спящую и притом полураздетую. Но муж не против. Во-первых, женщина, какая же тут должна быть ревность! И потом, она ведь начальство. Может, он и против, но не говорит. Мы люди подневольные. К тому же он спит, его просто так не разбудишь.

– Вы все время пытаетесь увести наш разговор в сторону. Навести тень на плетень. А дело-то совсем в другом.

– Это я-то тень на плетень? – прервала его Нюра. – Я трижды спасала вас. Вы даже не понимаете, как все это может плохо кончиться для вас. А вы – «тень на плетень». Если вы хотите знать, Борис Илларионович, я не просто так вас спасала. Дело прошлое, но я еще в школе была тайно влюблена в вас. Мне казалось, что я вам тоже нравлюсь, но вы скрывали это. А я была сама не своя и по ночам даже плакала иногда.

– Слушай, Нюра, хватит ломать комедию. Не верю ни одному твоему слову. Может, ты мне и нравилась. А вот я тебе – вряд ли. Ты же все время ходила в обнимочку с Вадиком Щагиным. Он, конечно, был двоечником и второгодником, но зато самым широкоплечим в нашем классе. И я даже однажды видел, как вы целовались.

– Какой же ты глупый, Боренька! Да я специально целовалась с ним у тебя на глазах, чтобы ты проявил ко мне интерес. А ты оказался робким. Но, видно, это у меня осталось в душе до сих пор. Прошло десять лет, а я, как увидела тебя, так сердце у меня и упало. И я сказала сама себе: «Вот, Нюра, твой принц сам пришел за тобой и теперь твоя жизнь резко изменится».

Борис сделал вид, что эти ее последние слова совсем его не касаются:

– Это все, конечно, очень интересно. Возможно, Нюра, ты именно так и подумала. Наверное, ты действительно хотела мне помочь, наверное, тобой руководили самые лучшие побуждения. И по отношению ко мне, и по отношению к этому студенту. У нас в обществе принято говорить, что цель оправдывает средства. Но я лично так не думаю. И все это никак не оправдывает твои публичные, – согласен, довольно неординарные, но в первую очередь, сама подумай, достаточно неприличные – экзерсисы, и я бы даже сказал – эксцессы.

– Не только твое мнение существует на свете, Боренька. А мои знакомые... Мои знакомые, все, как один, оправдывают меня. Этот студент Олег Васильевич, который меня обнимал, он давно меня домогается, если хочешь знать. Может, для тебя я совсем не привлекательна, а для него я самая желанная женщина на свете. Он просто с ума по мне сходит. Наверное, это любовь. А любовь – она как поток, который крушит и сметает все, что оказывается у него на пути. Даже моему мужу пришлось смириться. А что он может поделать? Жить-то надо. Надо службу сохранить. Служба – это жилплощадь и какая-никакая зарплата. Пусть невысокая. Какая есть. Ему приходится терпеть. Раз уж Олег Василича дядя – член бюро обкома. Значит, он добьется самых высоких должностей. Это надо понимать. А он, этот младший Носиков, просто проходу мне не дает. Вот и сейчас, он только что ушел, как раз перед твоим приходом.

– Хорошее к хорошему. А у тебя, Нюра, как раз наоборот – мерзость к мерзости. Подобное притягивает подобное.

– Ты всегда был слишком ученым для меня. Не понимаю, к чему ты клонишь.

Нюра сделала паузу, а потом заговорила, речь ее стала вдруг совсем тягучей и осторожной. Она, видимо, решила прикоснуться к какой-то очень опасной для всех теме:

– Ты что, Боря, как я поняла, ты решил навести порядок в нашей выгребной яме? Я так подумала, когда ты толкал свою пламенную речь. Мне лично она очень понравилась. Правда, я поздно вошла и пропустила самое начало. А было очень интересно. Но этот младший специалист – всегда он не вовремя – не дал мне дослушать. Самое интересное ты говорил, когда я лежала с ним на полу.

«Вот сама и виновата. Не дослушала, потому что дико верещала. Лежала бы тихо – все бы и услышала», – подумал Борис, но ничего не сказал.

– Ты не представляешь, Боренька, ты просто не можешь себе представить, как здесь все ужасно. За что мне это, за что? Ведь я же была хорошая, – она схватила Бориса за руку.

«Боже, какие нежные и мягкие у нее пальцы!» – подумал он.

– Ты такой смелый. Неужели тебе кажется, что ты сможешь здесь все переменить?

Борис рассмеялся и нехотя расстался с ее мягкой рукой:

– Опасные разговоры, Нюра. Мне-то что, я и так уже подследственный. Ваш вахтер говорит, что СИСТЕМА не берется за дела, которые она не сможет довести до конца. У меня-то на этот счет другое мнение. В любом случае, я и так уже клейменный и можно сказать, что хоть и не доказанный, но явный правонарушитель, преступник. Чуть больше вины, чуть меньше, семь бед – один ответ. А вот если твои слова дойдут до следователя или даже до майора-дознателя... В лучшем случае посмеются, а то и наказать могут. Ты зависишь от них гораздо больше, чем я. И ты, и твой муж. Так что будь поосторожней.

Что касается моей заинтересованности в каких-то изменениях. Ни за какие коврижки я не стал бы заниматься реформированием процедур ваших процессов и всей СИСТЕМЫ

в целом. Вызвали бы меня, к примеру, и сказали: вот, дайте предложения, оптимизируйте, сделайте процедуры справедливыми и обоснованными. Вот вам поездка в санаторий «Лесные дали» под Москвой, для номенклатурных работников, вот вам новенькая «восьмерка» Жигули... Ни за что – ломать голову, придумывать, а потом внедрять, ломая косность СИСТЕМЫ и борясь с ее ожесточенным противодействием.

Будто нет ничего на свете интереснее этого. Пусть СИСТЕМУ перестраивают те, кто ее создавал. Так, казалось бы, я должен был рассуждать. Но вот ведь какой казус. У меня совсем другие обстоятельства. Я ведь арестован. Без причин и объяснений. Utique et ignarus! Теперь я сам должен бороться за собственные интересы. И никто, кроме меня самого, не поможет изменить эту ситуацию к лучшему. Но раз я решил этим заняться, то, как я понял, могу быть полезен своей школьной соученице. И не только из бескорыстия, столь характерного для меня и с детства внушаемого мне моими благородными родителями, но и в расчете на твою, Нюра, ответную помощь.

– Интересно, чем же я, во всех отношениях вполне обыкновенная женщина, могу тебе помочь?

– Многим. Ну для начала хотя бы покажи мне вон те книги.

– Да, пожалуйста! – весело прокричала Нюра, открыла дверь и впорхнула в зал заседаний.

Книги были старые, потрепанные, затертые, обложки еле держались. Нюра быстро смахнула фартуком слой пыли с нескольких верхних книг. Сверху лежала та самая амбарная книга, которую в прошлый раз так сосредоточенно изучала Эсмеральда Вагиновна. Борис открыл клеенчатую обложку и на двух разлинованных страницах увидел несколько грубо нарисованных картинок. На одной из них толстым фломастером были изображены раздетые мужчина и женщина в довольно неприличных позах. И, хотя рисунок был неумело исполнен и казался топорным и аляповатым, в мужчине тем не менее можно было угадать его, Бориса, а в женщине – Клару. На втором рисунке была представлена пара на столе, в так называемой офицерской позе. И снова Борис, – интересно, с

кем же он? – девушка очень похожа на секретаря начальника отдела.

«Безобразие, фальсификат, клевета, – мысленно возмутился КГ, – ничего такого не было». Возмущенно перелистнул страницу конторской книги: там были вполне одетые фигуры, но тоже в абсолютно недвусмысленной позе.

«Какое хамство, какая беспардонность. Марину-то они зачем сюда приплели?»

Ему хотелось перелистнуть книгу дальше, но он не решился: а вдруг там Эсмеральда Вагиновна с ним и с Нюрой фигурирует? Лучше не знать. Меньше знаешь – лучше спишь. Борис с возмущением захлопнул амбарную книгу, – скорее тетрадь, чем книгу, – из нее прыснули сполохи пыли, и открыл следующую – на этот раз уже настоящую, типографски изданную. «Краткое описание книг маркиза де Сада». Потом шли «Камасутра», «Декамерон» и отпечатанная на машинке, скомпонованная в переплетной мастерской самопальная книга Баркова «Приношение Белинде». «Меж двух зыблеющих гор, в долине меж кустов прелестных, имеешь ты свой храм и двор, в пределах ты живешь чудесных». Дальше читать было невозможно, и КГ возмущенно закрыл книгу:

– Ничего себе юриспруденция. О, горе мне, горе! Вот какие книги, оказывается, они изучают. И эти люди... Эти люди будут судить меня. Сами не знают за что, но судить будут. Меня и многих-многих других. Будут судить, распинать, выносить приговоры, вытравливать, уничтожать.

– Не расстраивайся, Борис. Я помогу тебе. Не зря же я помнила тебя все эти прошедшие десять лет.

– Ты чудесный человек, Нюра. Но чем же, моя дорогая, ты сможешь мне помочь? Сама же сказала, муж твой – подневольный и бесправный служащий, находится всецело во власти своего многочисленного начальства. В том числе этого ничтожного студента – извини, если этим высказыванием я, возможно, как-то тебя обидел. И ты таким образом навлечешь опалу на свою семью и сама огребешь ворох неприятностей.

– Если мне нужно чего-то напугаться, я так испугаюсь, что соберется население всего нашего огромного дома. А если мне пугаться не нужно, я и не подумаю пугаться. И, конечно, я смогу на самом деле тебе помочь, верь мне. Кому же мне помогать, если не тебе? Мне сейчас кажется, что ты для меня самый близкий человек на свете. Це дило, как говорят на Украине, надо хорошенько обмозговать. Чтобы не с бухты-барахты.

Она поудобней уселась на подмостки:

– Иди сюда. Какие у тебя все-таки красивые глаза. И зубы. И ослепительная улыбка. Десять лет мне снилась твоя улыбка. Я сразу вспомнила ее, как только ты здесь появился. А как увидела, что Эсмеральда глаз на тебя положила, сразу подумала, что ты пропал. Потому и вошла в зал без спросу. И потом, когда ты выступал, – тоже. Только ради тебя. Мне ведь не разрешается входить в зал заседаний. Только чтобы прибрать и порядок навести. Чудесные зеленовато-карие глаза. У меня тоже красивые, но не такие, как у тебя. Зато у меня есть другие достоинства.

Нюра положила руку на его бедро и принялась ласково гладить ногу Бориса:

– О, а ты, оказывается, реагируешь на меня. Не думала. О-о, о-го-го! Нехорошо, Борис Илларионович, так реагировать на замужнюю женщину. Некрасиво вы себя ведете. О-о-о-го-го!

«Вот теперь ясно, к чему она клонит. Перепробовала всех судебных чиновников, и теперь, будьте любезны, подавай ей разнообразие. Теперь каждый посетитель для нее представляет собой предмет потенциального расширения ассортимента. Она просто предлагает мне себя, до мозга костей испорченная женщина», – подумал Борис и резко встал. Встал резко. Но ничего такого объяснять ей он не стал:

– Не буду кривить душой, Нюра, я мало верю в то, что ты действительно сможешь мне помочь. Будешь пытаться что-то сделать – от тебя отвернутся друзья. Те, о которых ты только что говорила. А как проживешь без друзей? От друзей нельзя отказываться, ведь их помощь тебе еще наверняка

понадобится. Сама же говорила, что ваша с мужем жизнь в этом огромном доме – я называю его мистическим, и поверь, у меня есть для этого предостаточно оснований – очень даже сложная и трудная. Прекрасно понимаю тебя, потому что муж твой работает в СИСТЕМЕ, в которой нормального человека на каждом шагу ждут ловушки и подводные ямы, созданные злобными членами этой организации, людьми, десятилетиями накапливавшими злобу и ненависть ко всему живому, мыслящему и чувствующему.

Откровенно говоря, мне нелегко отказываться от твоего предложения, потому что ты – не просто молодая женщина, ты личность, умеющая глубоко переживать – страдать и радоваться, и наговорила мне столько разных комплиментов, а ты, не стану скрывать, мне тоже нравишься, особенно сейчас, когда сидишь опустив ресницы и как бы пригорюнившись неизвестно отчего, хотя, по моему разумению, у тебя совершенно нет никаких причин всерьез горевать.

Отчего горевать? Вокруг тебя разные люди, прямо или косвенно имеющие отношение к этой СИСТЕМЕ подавления и осуждения. И ты чувствуешь себя среди них словно рыба в воде. И более того. Тебе, уверен, очень хорошо с этим студентом, с этим младшим Носиковым, которого ты, видимо, по-настоящему любишь, хотя я, например, никак в толк не возьму, что ты могла в нем найти. А если уж и не любишь, то, во всяком случае, явно предпочитаешь его своему мужу и даже не скрываешь этого факта перед широкой публикой.

Что же касается того, чтобы помочь мне, так это твое заблуждение, хотя, безусловно, вполне искреннее заблуждение. Нет никаких сомнений, что очень многие твои знакомые, служащие этой конторы, пошли бы навстречу, если бы ты попросила их об этом. Более того, думаю, сделали бы буквально всё, что ты от них попросила бы. Но кто они, эти твои знакомые? Служащие нижнего звена. А возможность решительного изменения хода моего судебного дела лежит далеко за пределами их полномочий. Здесь требуется вмешательство чиновников самого верхнего уровня, имеющих

доступ к тайным пружинам и механизмам этой огромной машины. Так что вот тебе мой низкий поклон, мы расходимся, как в море корабли. Я буду делать то, что мне по силам, и смогу, наверное, свершить то, что на роду написано. А тебе, как это ни прискорбно, следует оставаться в объятиях своего скверного мальчишки, который почему-то для тебя важнее всего нашего необъятного, свободного и довольно-таки совершенного мира.

– Нет, нет, не уходи, прекрасный, необыкновенный человек! – закричала Нюра и схватила Бориса за руку. Ее маленькие ноздри раздулись и округлились от переживания, а губы раскрылись будто бы в ожидании поцелуя. – Неужели ты вот так возьмешь и уйдешь? Неужели я зря тебя встретила после десяти лет ожидания? Ты неверно обо мне думаешь, я совсем не такая. Совсем, совсем не такая. Побудь еще со мной хоть недолго, умоляю тебя. Если ты был влюблен в меня в школе, как ты сказал, неужели теперь я совсем ничего для тебя не значу, что ты не хочешь побыть со мной хоть немного времени?

– Тебе действительно необходимо, чтобы я остался? Пожалуйста, останусь. Времени у меня предостаточно, я ведь освободил день, считая, что сегодня будет заседание комиссии. Тебе совсем не нужно на меня обижаться. Я сказал только лишь о том, чтобы ты ничего не предпринимала в отношении моего дела. Поверь мне, милая, милая Нюрочка, мне совершенно безразлично, как будет идти и чем закончится начатый ими этот бездарный процесс. Все, что происходит в отношении меня в недрах этого гигантского спрута, вызывает у меня только гомерический хохот. Я не удивлюсь, если вскоре выяснится, что мое дело по чьей-то небрежности, лени или недомыслию уже давно закрыто. Но не исключено, что здесь принято совсем другое – делать вид, что расследование идет полным ходом, в надежде окончательно запутать и запугать несчастного обвиняемого с тем, чтобы подтолкнуть его дать им приличную взятку. Вот здесь, Нюрочка, ты была бы очень полезна, если бы сообщила какому-нибудь

скользкому типу вашей конторы, любящему распускать слухи, сообщила бы ему, что на меня в этом смысле они никак не могут рассчитывать, что бы они там ни вытворяли и как бы они ни фордыбачили. Не получают они от меня ничего, а я уж позабочусь, чтобы ударить по ним, да так, чтобы все огромное, но хрупкое здание этой конторы затряслось и рассыпалось бы до основания. Я уж об этом всяко позабочусь. Забыл тебя спросить, интересно, ты вообще-то знакома с этим следователем Плоским?

– Какой ты, Боря, все-таки смешной. Я же предложила свою помощь не просто так. Я как раз и рассчитывала на Ленина Ивановича. Ты, правда, посчитал, что это совсем ничемный человек и его мнение ровно ничего не значит. Кто я такая, чтобы сомневаться в твоих словах? Раз ты сказал, то, возможно, ты и прав. Но ты, верно, судишь по Эсмеральде Вагиновне. Здесь я с тобой, может, и соглашусь. Она приходит сюда не каждый день, а только тогда, когда вызывают. Остальное время она занимается семьей. И мне кажется, что там, в семье, она глубоко несчастна. Мне очень жаль ее. У нее муж... Он такой человек, ты знаешь... Мне неудобно говорить. Получается как бы обо всех кавказцах, это вообще-то нехорошо. Одним словом, он предпочитает мужчин. Но к жене остаются требования – приberi, купи, приготовь, накорми. Живет без ласки. Как Мистер Икс: «Живу без ласки, боль свою затаю...» Я, например, жалею ее и потому многое прощаю. А Ленин Иванович – это совсем другое дело.

– Да, я хотел спросить тебя об этом мальчишке, который провожал меня в зал заседаний. Это не твой сын?

– Нет, это как раз сын Ленина Ивановича. Он часто здесь бывает, все знает, и ему нравится участвовать в работе комиссии. Ну не в работе...

– Так, я понял это. И что Ленин Иванович? Продолжай.

– Дознаватель приносит ему огромный отчет. А он перерабатывает, что-то добавляет, делает выводы. И его доклады поступают наверх. Если он пишет такие большие доклады, значит, для кого-то наверху это все-таки имеет какое-то значение.

Не стоит этого недооценивать. Он тоже часто работает по ночам, чтобы вовремя выполнить задание высшего руководства. У нас много проблем из-за этого. Вот заседание закончилось. Мы перенесли из кладовки всю нашу мебель, вещи, я люблю, чтобы дома все было удобно и уютно. Перенесли, поставили, разложили. Ложимся спать. А посреди ночи Ленин Иванович приходит. То ему свечу надо, то ночник на батареечке. Я тебе уже говорила: муж спит – хоть из пушек пали. Мне кажется, я понравилась ему сонная. Ну еще и в почти раздетом виде. Вот он и повадился приходить по ночам. Не подумай чего. Видимо, посмотреть хочется. То он, то Эсмеральда. Но мне кажется, он ко мне не просто так ходит. Сказал, что, как увидел меня в постели... В общем, что я такая, что он теперь меня всю жизнь не забудет. Так и сказал мне, не в присутствии мужа, конечно.

Вот он пишет, пишет доклады весь вечер и полночи, а потом ко мне – поддержать за ручку – и только. А доклады он о тебе пишет, я это точно знаю, ты главный его подозреваемый.

Но мной он явно интересуется, так что, думаю, у меня есть шанс через него как-то повлиять на решение твоего вопроса. Удивлен? Не удивляйся. Ты для меня важнее всех остальных. Потому что, если ты прислушаешься ко мне и поверишь в мою искренность, тогда, может быть, когда-нибудь ты захочешь забрать меня отсюда. А я уж буду тебе верной подружкой, только с одним тобой буду спать. А может, если, конечно, я тебе понравлюсь и ты захочешь этого, могу стать тебе верной женой. Я уверена, что тебе будет хорошо со мной. Потому что – смотри, видишь, какое у меня гибкое и мягкое тело? Для семейной жизни это очень даже важно.

Борису было крайне любопытно все, что она говорила. Но ему совсем не хотелось показывать, что это хоть как-то его заинтриговало, он решил больше ни о чем Нюру не расспрашивать, однако неизвестно по какой причине с его языка сам собой соскочил вопрос:

– Почему ты так уверена, что следователь тобой интересуется? То, что он говорит, – это просто слова, это ровно ничего не значит.

– Что же я – совсем глупенькая? Вчера приходил ко мне Олег по его поручению и принес пару чулок. Будто бы за то, что я убираю зал заседаний. Такое объяснение – это, конечно, полная ерунда, а не объяснение вовсе. Убирать зал – моя обязанность, и мужу за это идет прибавка к зарплате. И потом, я вижу, как он на меня каждый раз при встрече смотрит масляными глазами. Что же ты считаешь, чулочки – это просто так?

Нюра подняла юбку и вытянула ноги:

– Тебе нравится?

– Что, чулки или ноги?

– Ноги, ноги, – Нюра повторяла это нежно и вкрадчиво, поднимая юбку все выше и выше. До тех пор, пока не стали видны ее бельевые трусики. – Положи сюда руку, попробуй на ощупь, какие у меня нежные шелковистые трусики, приятные, правда?

Вдруг она остановилась, тихонько отвела руку Бориса в сторону, но не отпустила и прошептала:

– Не нервничай, все в порядке. Но ты должен знать, что мы сейчас не одни, за нами следят.

Борис обернулся и увидел в двери зала бледного, с впалой грудью и рыжеватой бородкой, младшего специалиста, любовника Нюры. Видимо, он понимал тщедушность своего телосложения и для пущей важности задумчиво теребил редкую бородку а-ля Свердлов. Борису было интересно без спешки и обстоятельно рассмотреть студента – инициатора скандального происшествия в зале заседаний на прошлой неделе. И этот никчемный, неряшливо одетый, совершенно нереспектабельный человек обречен со временем занять самые высокие посты в СИСТЕМЕ, а то, глядишь, и в государстве рабочих и крестьян. Тот еще типчик.

Типчик же, напротив, даже и не думал замечать присутствие КГ в качестве персонажа, пусть и не самого важного, этой мизансцены. Самым важным здесь, безусловно, он считал самого себя. Вытащил указательный палец из жидкой бороденки, поманил им к себе Нюру и не спеша отошел к окошку, считая, что он свою задачу выполнил.

– Боренька, милый мой дружок, умоляю тебя! Если у тебя есть хоть что-то дорогое на свете. Мама твоя жива? Очень хорошо, если тебе дорога твоя мать, умоляю, именем твоей матери умоляю тебя, заклинаю, ради всего святого, не думай обо мне плохо. Но сейчас я должна идти к нему. Что за гнусный тип – прыщавый, бледный, впалая грудь, дырка между ногами! Как ты мог подумать, что я люблю его, как ты мог подумать, что я способна предпочесть его кому-то другому? Какая мерзость, какая гнусность! Я на минуту – и сразу вернусь. И мы уйдем вместе. Эсмеральда говорила мне, что ты не уважаешь женщин, – в материалах дела есть много такого рода компромата на тебя. Что ты заставляешь их делать ровно то, что тебе надо, принуждаешь к сожительству, издеваешься. Не любишь платить женщинам за работу. Хочу, чтобы ты знал: я пойду с тобой, куда ты скажешь, поступай со мной, как захочешь, я на все согласна. Ты можешь сделать меня счастливой – лишь бы уйти отсюда, из этого гадюшника. Хотя бы на время – на неделю, на месяц, а лучше – навсегда.

Нюра погладила руку Бориса и убежала к окошку.

В этой женщине было для него что-то притягательное. А может быть, ее специально подослали? Чтобы он совершил какую-то ошибку. И вот тогда у них все бы стало на свои места. Вот обвиняемый, вот ошибка. Желание ввести в заблуждение, помешать, а вовсе даже не содействовать работе следственных органов.

Постарался втереться в доверие к жене служащего, надеялся любовной лаской размягчить и задобрить бедную женщину-дознавательницу, пытался подобрать ключи к следователю, всеми правдами и неправдами рвался к секретным служебным документам, хотел... Клец – захлопнулись зубья капкана. Попался, голубчик, теперь ты от нас не отвертишься. Как бы то ни было, этим хитрованам не удастся подловить его даже с помощью Нюры. Он в себе уверен – так называемое дело Кулагина построено на столь шаткой основе, что ему не составит никакого труда взорвать все это и дело рассыплется как карточный домик.

Нет, все же она была очень и очень искренна с ним. Она действительно хочет ему помочь. Никто не знает, как лягут карты. А что, если она все-таки окажется ему полезной? Он сумеет отомстить. Гениальное всегда просто. Он отнимет столь притягательную для всех женщину у своры жалких негодяев. У мужа, у студента, у Эсмеральды, у следователя Плоского, у других желающих полакомиться на дармовщинку. Этот как бы Ленин по фамилии Плоский будет писать очередную цидулю о том, как из пальца высосать вину КГ, поздно ночью придет к ней, чтобы, не будя мужа, усладить себя созерцанием прекрасной nereиды и прикосновениями к ее живой плоти, и вместо этого обнаружит, что ее постель пуста и холодна. Потому что пышная, гибкая, соблазнительная Нурбида Динмухамедовна будет уже с ним, будет принадлежать только ему одному. Вот это будет месть.

Сомненья прочь. Правда и любовь на его стороне.

Борису надоело это долгое перешептывание у окна. Он побарабанил костяшками пальцев по деревянному настилу помоста. А напоследок громко стукнул кулаком. Причем не один раз. Нет, все-таки этот недоучившийся младший специалист имеет над ней какую-то необъяснимую власть. Чем громче стучал КГ, тем сильнее студент прижимал к себе Нюру, изредка оборачиваясь к Борису, и целовал ее то в шею, то в полное оголившееся плечо. А она наклонилась головой и внимательно прислушивалась к тому, что тот шептал ей на ухо.

Неожиданно студент произнес достаточно громко – так, чтобы Борис мог это услышать:

– Послушайте, если вы уж так спешите, никто не мешает вам уйти. Почему вам было не уйти именно тогда, когда я пришел? Никто бы этого даже не заметил, и всем стало бы от этого легче. Правда, Нурбида Динмухамедовна?

В его словах Борис услышал сдержанную злобу, но главным образом – высокомерие будущего высокого чиновника по отношению к неприятному и безродному – как бы без имени, без племени – арестованному обвиняемому. «Я для

него просто обвиняемый с позорной отметиной, наклейкой на лбу, просто ненужная помеха, чужой человек, на котором уже все давно поставили крест, а он, то есть я, еще что-то изображает и продолжает крутиться под ногами». Борис подошел поближе к парочке:

– Как же вы правы, мой дорогой. Мне не терпится, мне ужасно не терпится, чтобы наконец закончилась эта ужасная, постыдная сцена. И знаете, какой самый простой способ прервать это бесстыдство? Вы ведь пришли сюда заниматься? Пожалуйста. Не знаю, чему вы учитесь и чему вы вообще способны научиться. Если вы учитесь бесстыдству и наглости, то в этом вы вполне уже преуспели, в этом вы полный профессор. А если ваша задача – юриспруденция, боюсь, что с вашими мозговыми извилинами вы одолеете только «кукареку» из «Сказки о золотом петушке» Александра Сергеевича Пушкина. Но мне-то какое до всего этого дело? Охотно уступаю вам эту аудиторию. Приступайте к штудии своего безупречного в будущем «кукареку», а я уйду с этой женщиной. Так что считайте, что вы теперь вполне свободны.

Студент наклонился к Нюре и сказал нарочито громко – так, чтобы Борис не только услышал его, но и понял, что его, Бориса, обидные слова не имеют для него ровно никакого значения:

– Вы видите, Нурбида Динмухамедовна, я говорил следователю, что этого отмеченного надо было держать под домашним арестом. Он старше меня, но каждый раз совершает одни и те же ошибки. Придется мне поговорить с дядей. Надо бы, чтобы он сделал Ленину Ивановичу серьезное внушение. Не помешает немного промыть ему мозги. Да и этому арестованному тоже не помешало бы.

– Трепач, ничтожество, хватит пустопорожних разговоров, – сказал КГ и протянул руку к женщине. – Мы уходим, и немедленно. Пойдем отсюда, Нюра.

– Хулиган, уголовник! – заверещал студент. – Не видать вам Нурбиды Динмухамедовны как своих ушей.

Он повернул Нюру спиной к себе, словно она была неживым предметом, схватил ее за талию, приподнял и кинулся

бежать. КГ рванулся вслед за ним, схватил за плечо, оторвал студента от его жертвы. Он готов был давить похитителя или разбить его голову о первый попавшийся столб. Тот был явно испуган, но, чтобы не подавать виду и наоборот, подразнить Бориса, он продолжал гладить и целовать оголившееся плечо своей пленницы.

Нюра неожиданно развернулась, выпрямилась и встала на ноги:

– Временами жизнь слишком жестока, Борис. Не все получается так, как нам хочется. И любящие сердца внезапно разлучаются железной логикой обстоятельств. Обстоятельства изменились. Теперь, когда за мной прислал следователь, я уже никак не смогу уйти с вами. Он знал, кого присылать, – этого маленького, безобразного негодяя. – Нюра ласково провела рукой по лицу студента, а тот успел сопроводить ее руку слюнявым поцелуем. – И уж что бы мы ни говорили, что бы мы с вами сейчас ни придумали, этот маленький негодяй никак меня не отпустит. Потому что он облечен властью. И не только своей, не только следователя, но и властью всего нашего весьма серьезного предприятия. Неужели вы этого не понимаете?

После этих слов студент звучно поцеловал Нюру в шею и в голову за ухом.

Борис рассвирепел, схватил студента за воротник, встряхнул и заорал:

– Сейчас мы посмотрим, что это – просто оправдание или вы на самом деле совсем не хотите от него освободиться!

Студент хотел укунить Бориса за руку, но промахнулся.

– Борис Илларионович, вы с ума сошли. Вы хоть понимаете, что делаете? – Нюра сильно толкнула Бориса в грудь двумя руками. – Только не это! Драка в стенах учреждения! У Олега слабые сосуды. У него пойдет горлом кровь, и он умрет. Вы погубите всех: и его, и меня, и себя. Вы даже не представляете, что значит попасть в комнаты «торжествующей истины». Оставьте его, умоляю вас. Он ни в чем не виноват. И следователь ни в чем не виноват. У него тоже есть сердце. И

я ни в чем не виновата. Вы тоже ни в чем не виноваты. Олег выполняет приказ следователя, он обязан принести меня к нему. Вы должны смириться. Мы оба должны смириться.

– Смириться? Да меня это вовсе не волнует. – Борис на этот раз покрепче взял студента за шиворот, пихнул – тот не удержался на ногах, упал на живот, вскочил, подпрыгнул вверх и, воспользовавшись короткой паузой, схватил Нюру двумя руками поперек талии и побежал с ней – вначале к лестнице, а потом – вниз по ступенькам.

– Пусть убирается со своими слабыми сосудами. И вы вместе с ним. Десять лет я вас не видел. Как бы мне хотелось еще десять лет вас не видеть! А лучше – никогда больше. Вместе с вашей такой важной, такой надутой и такой, прямо скажем, никчемной и ненужной конторой. Вместе с ее комнатами «торжествующей истины», уж не знаю, что это такое. Думаю, правильно было бы называть их комнатами «торжествующего тщеславия».

Зачем он вообще пришел сюда? Сидел бы дома, или не дома, просто вел бы свой обычный образ жизни – не было бы этого позора, этого постыдного фиаско. Любого из этих людей, если бы кто-то из них решил вторгнуться в его жизнь, он убрал бы одним пинком. Да что они о себе возомнили? Вот был бы смех, если бы этот тощий-бородатенький оказался бы у ног его Клары в ее спальне, целовал бы ее ноги и просил бы войти в его положение и сжалиться над ним. Эта воображаемая сцена очень рассмешила его, и он решил при случае взять студента в гости к своей юной очаровательной Кларе.

Борису хотелось узнать, куда все-таки студент понес его бывшую соученицу Нюру. Побежал вслед за ними. Рядом с дверью в коридор начиналась узкая ветхая лестница, пропитанная кошачьими запахами. Ступеньки вели вниз. КГ ускорил шаг, стараясь не потерять из виду сладкую парочку. Миновали первый этаж, лестница продолжалась и вела вниз в подвал – либо это подвал, либо цокольный этаж, что-то в этом роде.

Студент шел все медленнее, кряхтел, ему явно были не по силам эти нехитрые акробатические упражнения в паре.

Нюра уютно облокотилась руками на плечи новоявленного Геркулеса и с грустью смотрела на идущего вслед за ними Бориса. Махала ему рукой, пожимала плечами, пыталась жестами как-то ему показать и объяснить, что все это делается противу ее воли, противу ее желания. Но особого сожаления на ее лице КГ так и не заметил.

КГ постарался показать, что все это ему абсолютно безразлично. Куда бы это годилось, если бы Нюра заметила его разочарование? Она сразу сообщила бы об этом своему похитителю, а он, несомненно, – следователю. И они оба весело посмеялись бы над незадачливым арестованным, который не смог увести от них обычную, ничем не примечательную – разве только то, что аппетитную, но это, по большому счету, не так уж и важно – и не очень образованную бабенку. Но и показать, что он это так просто принял, типа это прошло мимо его сознания, показывать такое ему тоже не хотелось. Он понимает, что эта женщина обманула его, обманула и солгала. И он это очень хорошо понимает. Она тоже должна понимать, что ее притворная мимика ломаного гроша не стоит. Должна осознать, что он прекрасно разобрался в том, что его обманули самым бессовестным образом. Таковы эти люди.

Что же там, в этом подвале? Может, там и нет никакого следователя?

КГ спустился еще ниже и обнаружил у входа небольшую бумажку. На ней по трафарету были неровно покрашены грубые буквы: «СУДЕБНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ».

Так, судебную канцелярию загнали в подвал. Куда нищие жители других этажей, равномерно распределенные вдоль бесконечных коридоров этого дома, сносят ненужный хлам: старую мебель, матрасы, отработавшие свой срок холодильники и телевизоры. Да уж, особого уважения такой суд вызывать не может. Нищета, унижительная нищета. Хотя вряд ли. Наверное, им выделяют средства. Просто воруют. Если судить по охранникам, то верхушка тоже, наверное, такая же. Только воруют по-крупному.

Насколько же он лучше и достойней живет, чем следователь. У него шикарный кабинет с видом на улицу, куча рассыльных, кладовщиков, курьеров и прочих исполнителей. Все достаточно хорошо одеты и получают достойную зарплату. А следователя запихнули в мусорный подвал. Неудивительно, если окажется, что там сырость и крысы.

У Бориса, однако, нет того, что есть у следователя. Возможности гнобить, чморить, судить, осуждать и приговаривать. Он не может, подобно следователю, дать указание принести для утех в его кабинет приглянувшуюся ему бабенку, не спрашивая ее вовсе о том, хочет ли она этого или нет. Впрочем, сам КГ без труда готов был бы отказаться от таких сомнительных развлечений, если бы даже кто-то предложил ему нечто подобное. Отказался бы. А если бы это была Нюра? Обманула, надсмеялась... Он был на чужой территории, принял их правила игры, все дело в этом. Постарается впредь быть начеку, постарается, чтобы ничего подобного больше уже не повторялось.

8

КГ был явно обескуражен. В его голове все перемешалось. Никак не мог понять, что же теперь ему делать. Но почему-то ноги сами собой привели его к исходной позиции. Он поднялся вверх и остановился у двери, ведущей в комнату Нюры и в зал заседаний.

Вслед за ним по лестнице поднялся какой-то человек, вошел в жилую комнату, открыл дверь зала, долго что-то рассматривал, стоя в дверях и не заходя, – что он мог там высматривать, там же пусто? – потом вышел и растерянно остановился.

Так они и стояли у двери недалеко друг от друга, оба потерянные и обескураженные. Борис решил нарушить эту непонятную тишину и спросил о первом, что пришло в голову:

– Извините, уважаемый, вы не подскажете, что такое комната «торжествующей истины»? Что это за фрукт такой и с чем его едят?

Вместо ответа этот незнакомец спросил о своем, о том, что в данный момент его, видимо, волновало больше «торжествующей истины»:

– Вы не видели здесь женщину – в комнате или в зале заседаний?

– Правильно ли я понимаю, что вы, стало быть, специалист и работаете в аппарате суда?

– Не просто в аппарате суда, а конкретно в аппарате следователя Ленина Ивановича Плоского. Да, именно так и обстоят мои дела, я специалист – не младший, не старший, просто специалист. Точно так оно и есть. Может, оно и неплохо, – ответил он Борису и посмотрел на кусочек пластика над виском КГ. – А вы, как я понял, обвиняемый Кулаков?

– Кулагин.

– Это не имеет значения. Для суда и следствия это не имеет никакого значения. Я узнал вас. Вы, наверно, удивитесь, но я, представьте себе, очень рад вас видеть. – И он с улыбкой протянул Борису руку. – Только непонятно, отчего вы пришли. Сегодня же нет заседания.

Борис посмотрел на специалиста и подумал, что тот никогда не станет объектом нападения бандитов. Ходит в обносках, с первого взгляда ясно, что порядочному бандиту взять у него нечего. Фирменные значки, обязательно должны быть фирменные значки. Это же у всех было. Разве что это – две верхние обычные пуговицы его пиджака заменены на желтые металлические, снятые, видимо, с чьей-то военной формы.

– Вижу, что нет. Так вот что. Пришел и увидел, конечно, что нет заседания. Вашу жену тоже, кстати, видел. Имел с ней длительную и весьма обстоятельную беседу. А теперь ее нет. И заседания нет, и жены специалиста тоже нет. Все вы, служащие и обычные жители дома, – просто вещи, которые СИСТЕМА переставляет по своему усмотрению. Вот и жену вашу взяли да и унесли. Как шахматную фигуру. Пешку женского рода унесли к офицеру мужского рода. Студент с ошипанной бородашкой унес ее к следователю.

– Вечно ее от меня уносят. А я-то думаю, чего это в воскресенье – я и работать-то не должен – меня с утра пораньше усылают куда-то с поручением? Бегу, бегу, чтобы исполнить все да вернуться поскорее, а младший специалист все-таки пришел раньше меня. Каждый раз не успеваю, каждый раз опаздываю. Ему-то совсем близко: из подвала поднялся по ступенькам – и здесь он, наш пострел везде поспел. Я бы этого младшего, студентом его величают, – где он может учиться, интересно, с его-то куриными мозгами? – раздавил бы прямо об этот угол. И смотрел бы, как из головы его высохшие дистрофичные мозги вылезают, ножки тощие раскорячены, а впалая грудь к позвоночнику прилипла. Но я человек подневольный, а он – племянник самого Носикова из бюро обкома. – Он поднял палец вверх. – Так что об этом мне пока только мечтать приходится.

И с каждым днем все хуже. Раньше он к себе таскал, теперь вон к следователю стал носить. Эта наглая Эсмеральда сама к нам в спальню заглядывает, так я делаю вид, что меня это не касается. Женщина все-таки. А что этот Плоский глаз на нее положил, я давно знал.

Бориса аж затрясло, так сильно он ревновал Нюру. Он постарался взять себя в руки, но у него ничего не получилось, и он сказал довольно взволнованно:

– Нурбида Динмухамедовна сама же и виновата во всем этом.

– Конечно, а то как же. Сама и вешалась на него. У него не юриспруденция, а одни лишь любовные утехы на уме. За юбками только и бегают. Его уже выставили из 137-й квартиры, из 206-й, из 007-й выставили, и поколотили даже, остальные забыл. Все за то, чтобы не лез в чужие постели. Его уже несколько раз поколотили. А моя Нюра... Она самая красивая в доме. А я как раз и не могу постоять за семейную честь. Потому что кто я перед племянником дядюшки из обкома? Мне как раз и нельзя защищаться. И кто другие тоже не могут помочь мне, все боятся его. Он просто позвонит следователю, необязательно даже в обком, вот непослушного и отправят

в комнату «торжествующей истины», которой вы, дорогой товарищ, так интересуетесь – чем она так уж вам интересна? Вы как раз о ней сами и заговорили. Так-то вряд ли их туда отправят. И вас тоже не отправят. Туда отводят только врагов народа. Раньше это из Кремля контролировали. А теперь все забросили. Еще в хрущевские времена. Давно уже не используют эту комнату. Но припугнуть при случае – это вполне. А вот вы, кстати, всяко могли бы хорошенько проучить этого хлюста. Потому что вы уже обвиняемый.

– Но тем больше мне оснований бояться какого-никакого наказания за вмешательство в дела следователей, да и дознавателя тоже. Если не отдельного наказания, то это может повлиять на исход следствия по моему делу или даже решения суда.

– Да нет, как на ваше дело это повлияет? Никак. Его конец всегда заранее известен. У нас любят статистику и стараются ее не портить. А статистика у нас всегда стопроцентная. Потому что берут в работу только такие дела, которые однозначно завершаются приговором. Поэтому для вас это так и так ничего не изменит. Не вынесут же вам сразу два приговора. У нас не ведут безнадежных процессов, где обвиняемый еще может как-то выпутаться и выйти сухим из нашей грязной воды.

– Бывает и безнадежность наоборот, так сказать. Мое дело для них как раз такое. Ничего они мне не сделают по моему делу. А за самоуправство и рукоприкладство вполне могут упечь, но это мне не помешает как следует отдубасить вашего студента а-ля Свердлов. Думаю, что многие ваши чиновники заслуживают того же самого.

– Знаете, если бы вы решились, я был бы очень вам благодарен, – ответил муж Нюры, но Борис не почувствовал большой уверенности в его словах. Ответил вроде, а потом добавил совсем невпопад:

– Относительно других чиновников вы очень даже правы. Их следовало бы проучить: чего это они вдруг решили бунтовать против СИСТЕМЫ? Им платят, дают работу, жилье, некоторым и услуги чужих жен переплаждают.

Мужчина взглянул на Бориса как-то особенно доброжелательно, а потом вдруг испугался и заторопился, якобы ему надо срочно в канцелярию.

– Хотите со мной? – спросил он доверительно. – Это интересно.

– Мне там делать нечего.

– Но вы же хотели посмотреть комнату «торжествующей истины». Когда-нибудь там устроят музей наподобие Казанского собора, где орудия средневековых пыток показывают. Эта комната рядом с кабинетом следователя. Иногда он беседует с обвиняемыми в этой комнате. Там такая обстановка, это само по себе производит впечатление. В канцелярии не только это, там вообще много всего такого, что вы, наверное, никогда и не видели. Пойдемте.

– Вы считаете, стоит? – осторожно спросил КГ. Ему не хотелось, чтобы этот симпатичный, в общем-то, мужчина – со всеми из этой конторы следует востро ухо держать! – догадался, что Борису действительно хочется посмотреть эту комнату. Специалист кивнул и что-то буркнул утвердительно.

– Вы меня уговорили, – сказал КГ и решительно двинулся по лестнице вниз, впереди мужа Ньюры.

Запах застойного воздуха и гнили встретил их в подвале за дверью канцелярии. Здесь было душно, пыльно, влажные испарения размывали перспективу коридора. Коридор убежал вдаль в сопровождении двух рядов – справа и слева – старых, дощатых перекошенных дверей. Пол покрыт наскоро прибитыми кривыми досками. Оштукатуренные стены окрашивались последний раз, видимо, лет тридцать назад. Они все уже пошли пятнами сырости, грибка, сохранившейся краски и были экзотически декорированы дырками от выпавшей и утраченной штукатурки, открывающими старую, потемневшую дранку.

«Если посмотреть на это особым образом, – подумал Борис, – то это очень даже красиво. Стены напоминают ташизм, особый вид американской абстрактной живописи, но посетители, да и клерки тоже, об этом ничего не знают. Сама жизнь

создает для нас потрясающие произведения искусства, а кто-то проходит мимо и даже не догадывается».

Коридор было плохо освещен. Некоторые двери оставались открытыми, в комнатах и кабинетах сидели служащие, они что-то писали или наблюдали сквозь решетки в стенах за посетителями, притулившись в проходе у стен или сидящими на всем, на чем в принципе можно было сидеть.

Муж Ньюры придержал КГ за плечо:

– Мы туда пока не пойдем. Наша дверь сразу налево.

На двери никакой надписи не было. Комната оказалась довольно большой. Не такой большой, как зал заседаний, но значительно больше обычных квартир в коридорах дома на Манежном. Потолок был как в зале заседаний – такой же низкий, может, еще ниже. Комната была очень хорошо освещена, но могла бы при желании освещаться еще лучше: вдоль всех стен стояли металлические стойки, каждая – с несколькими прожекторами, выключенными в настоящее время. Пол покрывала метлахская плитка, а стены – неровно положенный кафель, раздавленный кое-где, видимо, ударами тяжелых предметов. Такого же рода отметины были и на полу. Посредине сиротливо стояли обшарпанный письменный стол и два стула – по всей вероятности, для следователя и обвиняемого.

«Когда включаются все прожектора, – подумал Борис, – именно в этот момент, возможно, и наступает долгожданный момент торжества истины».

Помимо двери, в которую вошел Борис со своим сопровождающим, – «экскурсовод» местного значения, мысленно окрестил его КГ, – в комнате были еще две небольшие двери.

– Одна – в кабинет следователя, вторая – в медпункт, – объяснил «экскурсовод», заметив взгляд Бориса.

– Видимо, для большинства посетителей не так просто перенести момент финального аккорда «торжествующей истины». Поэтому и завели здесь медпункт, поближе к этому залу, – сказал Борис.

– Что вы, что вы, эта комната, можете считать ее залом, уже почти не используется. А медпункт нужен канцелярии.

Расположили его здесь, потому что другого места просто не нашлось.

Из стен комнаты торчало несколько водопроводных труб с ржавыми чугунными кранами. К металлическим трубам были присоединены резиновые – грязные резиновые трубы, которые беспорядочно змеились по полу. Стены и пол тоже были в ржавых потеках.

«Куда стекает вода? – подумал Борис. – А, вот, я вижу, несколько металлических решеток в углублениях пола. Сюда уходит вода». Рядом с решетками он заметил сгустки крови, куски окровавленной ваты. «Может, это просто кажется так издали, – подумал он, но рассматривать такие детали поближе ему почему-то не захотелось. – Да, когда включен свет и на обвиняемого направлены потоки воды – ведь мне говорили об этом по телефону – вот тогда именно и наступает момент «торжествующей истины». Откуда взялись ужасающие вмятины на полу и стенах?»

Борису захотелось как можно скорее покинуть эту комнату, но он заметил в углу некое странное сооружение, и это остановило его. Сооружение напоминало небольшое пианино. У него была стандартная клавиатура, но с уменьшенным звукоядром – всего на две октавы. Из задней стенки того, что напоминало пианино, выходили длинные стальные тросики, соединенные, видимо, с механическим приводом клавиш. Тросики были аккуратно собраны в четыре пучка и развешаны на специальных крючках на стенах.

– Кто играет на этом пианино и зачем? – спросил Борис «экскурсовода».

– Допрос – дело хлопотное и утомительное. Товарищ Плохский любит иногда прерваться и послушать музыку. Классическую или советскую. Гимн Советского Союза, например. Или «Широка страна моя родная». Обвиняемый тоже устает, ему, как и всем, следует отдыхать иногда. Для этого всего приглашают инспектора. Конечно, этот человек должен иметь хотя бы начальное музыкальное образование. Можно назвать его и музыкальным инспектором. Здесь не требуются

ся особые музыкальные знания. Пятую симфонию Шостаковича на этом инструменте не играют, да и не получится.

– А что это за пучки стальных струн на стенах?

– Здесь не все оборудование. Есть специальные приспособления, которые присоединяются к рукам и ногам обвиняемого. Такие типа кожаных перчаток на руки и ботинок на ноги. Они предназначены для того, чтобы обвиняемый в минуту музыкальной паузы, если можно так выразиться, имел возможность лучше воспринимать исполняемую музыку. Как видите, СИСТЕМА, при всех ее недостатках, подчас оказывается очень гуманной и не забывает, что обвиняемый тоже человек и у него есть обычные человеческие потребности. У нас в организации производится много подобного оборудования. Это наше ноу-хау. Правда, по отношению к обвиняемым эти методы используются редко. Как правило, в комнату «торжествующей истины» попадают для проведения профилактических бесед, в основном провинившиеся работники конторы. Необходимо, чтобы наш персонал был абсолютно предан СИСТЕМЕ.

Борис не очень хорошо понял работу музыкального ящика, но решил не пытаться разобраться в этом более подробно. «До меня очередь посещения этой комнаты, видимо, не дойдет. Потому что я не работник СИСТЕМЫ, да и вины на мне нет никакой. А вот что касается Нюры... Она, конечно, поступила со мной подло и непорядочно. Но Кулагин – человек не злопамятный. В какой-то степени я ее даже понимаю. И не хотел бы, чтобы решением следователя ее направили сюда для профилактической беседы. Хотя и непонятно, как все здесь устроено».

– Ну и как, насколько действенными оказываются эти профилактические беседы?

– Очень эффективны. Никто не хочет сюда попадать. А после проведения первой профилактической беседы – тем более. Во второй раз сюда попадают очень и очень редко.

– Это всё ваши дела. Они меня совершенно не интересуют. Я хотел бы выйти отсюда.

Они покинули комнату и оказались опять в коридоре канцелярии. «Экскурсовод» двинулся дальше по своим делам, а Борис никак не мог прийти в себя после увиденного. Словно сомнамбула, он шел по коридору вслед за «экскурсоводом». Неожиданно для самого себя Борис спросил:

– Я вот иду вслед за вами. У вас не будет от этого неприятностей?

– Идемте, идемте, вам будет интересно. А что до неприятностей, так никто вас и не заметит, никто на вас внимания не обратит.

Видимо по случаю воскресенья, посетителей было немного. Они сидели по обе стороны от прохода на ветхих стульях, на деревянных скамейках, покрытых пятнами старого цемента, и на грубых необструганных досках, положенных на стопки кирпичей. Вешалок не было. Некоторые сидели в пальто. Иные держали пальто на руке. Те, кто пришел в шляпе, шляпу тоже держал в руках. Одеты были посредственно и держались очень и очень скромно. Однако многие, видимо, совсем недавно были людьми с положением в обществе, состояли на высоких постах и ворочали большими государственными и партийными делами. Были руководителями организаций, партработниками, известными изобретателями, актерами. Об этом говорили манера держаться, осанка, аккуратные стрижки и холеные усы, хорошо начищенные, хоть и старые туфли и множество других еле уловимых, почти незаметных признаков. Но сейчас эти люди казались вконец сломенными.

Первым заметил «экскурсовода» и КГ посетитель, сидевший у самой двери в коридор. Он поспешно встал и поздоровался с ними. Высокий когда-то мужчина стоял перед ними согнувшись и был чуть ли не ниже КГ. Несколько человек, сидевших дальше, нервно повскакивали и стали наперебой здороваться. Их приветствия, сопровождаемые приниженной позой, согнутыми коленками и спиной, заискивающим поглядыванием в глаза, напоминало просьбу нищих о милостыне.

– Что сделали с этими людьми? Через какие унижения пришлось им пройти?

«Экскурсовод» ответил, как всегда, не попадая:

– Это всё обвиняемые.

«Может быть, он ответил и точно, очень умно и немногословно, – подумал КГ. – Просто он знает положение и статус обвиняемого значительно лучше меня».

– Неужели они все мои коллеги? Мы – товарищи по несчастью. У некоторых из них такие же наклейки на лбу, как у меня. Но у многих их нет вовсе.

– Все обвиняемые чем-нибудь отмечены. У кого нет наклейки на лбу, у того металлическое кольцо на запястье или на щиколотке. Не знаю, как оно работает, но, если они где-то останавливаются, они должны включить кольцо в электрическую розетку с помощью специальных проводов. А вы разве не видите тонкие проволоочки, идущие от них к стенам? И тогда следственный аппарат всегда точно знает, где находится конкретно этот обвиняемый.

– Может быть, это и лучше. С наклейкой все видят, что я обвиняемый. А если бы у меня было кольцо, то на улице, в такси, при переходе из кабинета в кабинет на работе мое кольцо под рукавом пиджака или под брючиной было бы незаметно. Почему мне не поставили кольцо?

– Это зависело от охранников, которые вас арестовывали, и от их инспектора. Они должны были предложить вам варианты.

– Удивительное дело – мне никто ничего не предлагал. Они даже не сказали, что есть варианты.

– Не знаю даже, как это можно объяснить. Это была их обязанность.

– Они мне совершенно ничего не объясняли. Всё пытались забрать мои вещи или получить деньги. Но у них ничего не вышло. И я обо всем этом безобразии доложил дознавателю.

– Вот видите, вы сами все и объяснили. Вам надо было сразу, в тот же момент, писать ходатайство. Мол, согласен на другую меру пресечения. Прошу отменить и снять с меня бактерицидное локальное заражение.

– И что, ничего теперь нельзя сделать?

– Все надо делать вовремя. Но вы проявили нерасторопность. Теперь изменить это уже значительно труднее.

– А вы знаете, как снимается пятно со лба?

– Конечно. Здесь нет никаких загадок. Есть такая наклейка – нейтрализатор. Она блокирует и уничтожает бактерии-имплантаты на лбу обвиняемого. Две минуты – и шито-крыто.

– Вы можете мне в этом помочь?

– Боюсь, что будут проблемы. Но можно попробовать. Только для начала надо сделать то, что вы обещали, – хорошенько проучить студента.

– Как я понимаю, вы не хотите мне помочь. Делаете вид, что не хотите. А на самом деле все обстоит совсем не так – просто не можете, это вам не по силам. Вы никогда этого не сделаете. Это же поступок. А вы не любите совершать поступки. Даже свою жену защитить не смеете. Она в руках негодяев, а вы смотрите на это сквозь пальцы.

КГ неожиданно обратился к стоящему рядом высокому пожилому человеку с вдавленными, плохо выбритыми щеками:

– Вот вы стоите и ждете. Похоже, давно – чего вы ждете?

Высокий человек был явно напуган этим вопросом, руки у него дрожали, глаза бегали. Он не мог ответить на самый простой вопрос и все время как бы обращался к соседям, чтобы они помогли ему, потому что без них он явно не справится с этой задачей.

– Послушайте, гражданин, – сказал «экскурсовод». – Мой спутник спрашивает вас, для чего вы, собственно, пришли сюда и чего вы сейчас ожидаете? Отвечайте же, наконец. Вам говорят по-хорошему. Отвечайте без промедления.

Высокий немного приободрился:

– Да, да, вы правы. Именно, я жду, так оно и есть.

Несколько посетителей подтянулись ближе. Они делали вид, что их это совсем не интересует. На самом деле они хотели узнать, что все-таки происходит, и пытались перешептываться друг с другом.

– Разойдитесь, разойдитесь, – властно сказал «экскурсовод». – У нас, конечно, есть свобода собраний и много всяческих других свобод. Но не здесь. Устроили толпу и восточный базар – расходитесь, здесь и так тесно. Освободите проход.

Посетители немного оторопели и отошли в сторону – совсем недалеко, им хотелось услышать, что будет дальше. Высокий немного пришел в себя после неожиданного обращения. Он встрепенулся и сказал:

– Я нашел нужных людей, собрал аргументы в свою пользу и сдал в канцелярию. Это было вчера.

– Здесь ответы дают только через неделю, а то и через месяц, – сказал «экскурсовод». – Зачем, скажите на милость, вы пришли сегодня?

– Мне хотелось поскорее узнать решение, и я решил прийти раньше и подождать. Мне так хотелось... Вот стою и жду.

– Я смотрю, вы серьезно настроены добиться результата в своем деле, – вставил Борис.

– А как же иначе? Это мое дело, моя судьба и судьба моей семьи.

– Абсолютно с вами не согласен! – сказал КГ, сказал громко, специально, чтобы все слышали. – Я, например, тоже обвиняемый, точно так же, как и вы. Но я ничего не собираю, ходатайств не пишу, ничего не предпринимаю. Если, например, вы мне не верите, могу поклясться именем партии и правительства. Не знаю уж, что для вас свято в этой жизни. Клянусь своей матерью. Достаточно этого вам или нет? Ничего, ровным счетом НИ-ЧЕ-ГО я не предпринимаю. А вы... «нашел нужных людей», «собрал аргументы». Неужели вы считаете, что это необходимо, неужели вы считаете, что этим всем надо заниматься?

Высокий вконец растерялся, он не знал, как себя вести. Согнулся еще больше и опустил голову. Не знал точно, вышучивают ли его или ему сказали действительно что-то важное, а он просто не понял этого, не уловил чего-то, что, наверное, и есть самое главное.

Что он мог сделать? Ему очень хотелось еще раз повторить именно то, что он уже ответил Борису. Повторять одно

и то же – это выглядело бы глупо. Но КГ уперся в него взглядом, и несчастный обвиняемый растерянно пробормотал:

– Возможно, именно вы и правы. Но что касается моего дела, то я подал свои справки в канцелярию.

– Я что-то вас не понял. Вы не верите мне, что я обвиняемый? Видите, вон у меня наклейка, вы видите это на лбу у меня или нет?

Высокий посмотрел на лоб КГ и совсем уже тихо пролепетал:

– Почему вы так решили? Конечно, верю. – Но в голосе его слышался только страх и полное непонимание того, что происходит. Униженный вид этого человека вывел КГ из себя. Ему было обидно и за высокого, и за себя самого, и за всех присутствующих.

– Да почему же вы так покорно принимаете все, что с вами вытворяют? Вы кто, человек, в конце концов, или тварь дрожащая? Почему так безропотно пришли и включили свое кольцо в их розетку? Что бы случилось, если бы вы никогда не включались в их розетки? Что бы случилось, что произошло бы? Да ничего, ровным счетом ничего не произошло бы. Неужели вы не понимаете, что они вам голову морочат?

Кто они такие? Они сами не знают, как они называются. СИСТЕМА. Сказать можно что угодно. СИСТЕМА. Суд. Вершители судеб. Суд – это просто слово и больше ничего. Они нас судят, а их просто не существует. Их нет, это фу. Это воздух. Они существуют только потому, что мы верим в их существование. Мы поддерживаем их своей уверенностью в их существовании и сами создаем их из ничего. Это наш материализованный, овеянный страхом. Мы перестанем следовать их сигналам, угрозам, требованиям, и они сами рассыплются. А потом мы все будем смеяться над нашими страхами.

Посмотрите на этот вонючий коридор, на эту ничтожную канцелярию. Это уже почти пыль. Если бы мы сюда не пришли, все нормальные люди давно уже забыли бы про их так называемую СИСТЕМУ! Это смешно. У меня начинаются колики от смеха, когда я смотрю на всех вас. Да отключите же

вы, черт возьми, ваши провода! – Борис выдернул провода, идущие из-под штанины высокого к розетке.

Высокий пытался включить провода обратно в розетку, Борис взял его за запястье и удержал. Взял нельзя сказать, чтобы сильно. Высокий в страхе отдернул руку так, будто его электрическим током ударило, и дико закричал.

«Что мне напоминает этот крик? – подумал Борис. – Напоминает об инциденте на комиссии. Крик Ньюры в экстазе. Что-то в этом есть очень сексуальное. Боль, страдание, предчувствие смерти – с одной стороны, чувственность, наслаждение, экстаз – с другой, они идут бок о бок, совсем рядом. Что-то слишком часто эти чувства – и то, и другое – посещают меня».

– Вы ведете себя просто как маленькая девочка. Такой чувствительный. Проснитесь. Идите домой и возьмите справочник. Посмотрите – есть ли где-нибудь хоть какое-то упоминание о СИСТЕМЕ? Нет, упоминания о ней нигде нет. Все карающие системы, поименованные как правоохранительные органы, перечислены в Конституции Советского Союза. Где там СИСТЕМА? Ее нет, хоть в брежневской, хоть в сталинской конституции. Ее там нет. СИСТЕМА – это преступная организация, которая паразитирует на здоровом теле нашего социалистического общества и пытается навязывать нам свои правила.

Борис крепко взял высокого за плечо, толкнул его на скамейку и пошел дальше. За его спиной вокруг высокого сразу образовалась группа из посетителей. Кричать тот уже перестал, а посетители, видимо, принялись расспрашивать его о том, что же здесь произошло.

«Экскурсовод» догнал КГ и сказал:

– Откровенно говоря, мне очень понравилось многое из того, что вы говорили. Но в одном, я думаю, вы не совсем правы. Бесполезно говорить о сталинской или о брежневской конституции. Я, как специалист, работающий в СИСТЕМЕ, должен, конечно, сказать несколько слов в ее защиту. Дело в том, что СИСТЕМА существовала задолго до всех этих консти-

туций. Задолго до революции. Даже до николаевской России. Она существовала всегда. С тех самых пор, как люди стали осознавать себя. Я человек маленький, может, чего-то не понимаю. Но скажите мне, дорогой товарищ, откуда произошли десять казней египетских? Кто принял решение о наказании египтян, кто определил эти наказания и кто, наконец, был их искусным и бесстрастным исполнителем? Кто-то ведь был тогда вершителем правосудия. Помимо обычных земных судов. Подумайте об этом. Существовала всегда. Но вот кто ее возглавляет... Я, во всяком случае, не знаю.

Из боковой двери им навстречу вышел пузатый человек с бычьей шеей, с короткими руками и ногами, охранник, судя по всему. В рубашке защитного цвета с двумя рубиновыми ромбиками на концах воротника и в брюках военного образца. К широкому поясному ремню с латунной пряжкой, на которой была изображена пятиконечная звезда, была прикреплена плоская кобура из кожаменителя. Было очевидно, что пистолета там никогда не было. КГ удивился и не стеснясь ошупал пустую кобуру.

Охранник, отдуваясь, спросил, что случилось. Он слышал шум и даже крики. «Экскурсовод», как мог, постарался успокоить его и объяснить, отчего возникли шум и крики.

– Нет, так дело не пойдет, – сказал охранник. – Я отвечаю здесь за порядок, и я лично должен все проверить и удалить из помещения нарушителя спокойствия, если таковой имеется.

Он приложил руку к голове, как бы отдавая честь, и посетил маленькими шажками к группе посетителей, громко отдуваясь и пыхтя.

КГ решил, что он больше не будет ни с кем разговаривать и ни на кого смотреть тоже не будет. Предостаточно насмотрелся. Он спросил «экскурсовода», в какую сторону надо идти к выходу, потому что коридор несколько раз поворачивал вправо и влево и он совсем запутался. «Экскурсовод» ответил, что ему по делам надо идти дальше и что он был бы рад, если бы товарищ Кулаков пошел бы вместе с ним, потому что ему нра-

вятся их беседы, и еще потому, что товарищ Кулаков еще не все видел и есть на самом деле много такого, на что стоит посмотреть. КГ ответил, что ему и этого достаточно, что хватило бы и комнаты «торжествующей истины» и тех колец на руках и ногах обвиняемых, которые следует почему-то обязательно включать в розетки, к некоторым из которых, он думает, забыли подвести электропитание. Трудно представить себе большую нелепость и издевательство над здравым смыслом.

– Нет, я все-таки хочу уйти отсюда. Покажите, где выход. Здесь столько дверей, голова идет кругом. Я не знаю, как идти. Проводите меня, и немедленно.

– Но послушайте, мне непременно надо пройти дальше, чтобы исполнить до конца поручения, которые мне дали утром. В конце концов, это моя работа и моя обязанность. Вы могли бы пойти направо, потом налево, там только один выход. Или, если боитесь, постойте здесь, я пойду исполню поручение, а потом вернусь и провожу вас до выхода.

– Вы заманили меня в подвал, именуемый высокопарно канцелярией, и собираетесь бросить здесь. Я настаиваю – немедленно проводите меня к выходу! – резко сказал КГ.

– Да не кричите вы так. Тут везде канцелярии, здесь нельзя шуметь.

Это было сказано как раз вовремя. Одна из ветхих дверей открылась. Вышла симпатичная девушка с толстой косой и в синем лабораторном халате, образцовая отличница по внешнему виду, и строго спросила:

– В чем дело, товарищ? Ваше появление здесь оказалось сопряженным с непонятным шумом и выкриками, несовместимыми с требованиями нормальной работы канцелярии. Потрудитесь, пожалуйста, объяснить, в чем тут у вас дело и какие возникли проблемы. У нас образцовое ведомство, и в наших недрах не могут возникать проблемы, несовместимые с правилами поведения в социалистическом обществе.

В темном дверном проеме появилась громоздкая фигура в белом халате с засученными рукавами. Мужчина молча встал за спиной девушки.

Борис вопросительно посмотрел на «экскурсовода»: тот ведь говорил, что никто не обратит внимания на КГ, даже при том, что у него на лбу эта надоевшая блямба. А вон уже подошли два человека. Конечно, они с «экскурсоводом» выглядели весьма подозрительно. Впереди идет обвиняемый, он же и арестованный. Куда ведут арестованного? Вот вопросы и возникли.

И что ему теперь отвечать? Надо ответить, и к тому же его ответ должен быть приемлемым для этих людей в халатах. Кто он, этот второй – врач, санитар? Может, палач? Огромный, с толстыми мясистыми руками – коновал какой-то. Можно было бы сказать, например, что он обвиняемый – это и так видно – и что пришел выяснить дату следующего заседания комиссии по его делу. А дальше они посмотрят документы – и последуют вопросы: по какому делу, в чем обвиняетесь, почему вы решили, что будет комиссия? Вы же отказались от допроса, Эсмеральда Вагиновна записала в протоколе, что вы оскорбляли всю нашу систему судопроизводства... Да нет, вопросы последуют любые, и ни на один он не сможет ответить.

А если сейчас из-за поворота выскочит какой-то важный служащий? Служащий, так сказать, высокого звена. Борис не чувствовал никаких моральных и физических сил разговаривать с чиновниками высшего ранга, да и с этими двумя, пожалуй, тоже. Все, что бы он им ни сказал, было бы неправдой.

Он ведь пришел из чистого любопытства. И убедился, что их безымянная судебная система изнутри выглядит так же отвратительно, как и снаружи. Он больше не хочет вникать во все это. Посмотрел – и хватит: более чем достаточно, сыт всем этим по горло. Подтвердились его самые худшие подозрения. Но не может же он говорить этим двоим именно то, что он сейчас думает.

Нет, единственный выход – немедленно уйти с мужем Нюры или одному. И безо всяких объяснений.

Его упорное молчание вызвало полное недоумение у девушки в синем и у «экскурсовода». Недоумение, близкое к изумлению. Оба они смотрели на него во все глаза, будто

ощущали, что этот посетитель отличается не только нестандартным поведением – он вообще явно нарушал законы природы, и можно было ожидать, что он прямо на их глазах вот-вот превратится в чудище лесное или просто взорвется и обольет всех какой-нибудь зеленоватой слизью.

Врач в белом халате предчувствовал лучше всех возможные неприятности от этого посетителя, своего – ему сразу так показалось – потенциального клиента. Он зацепился руками за верхнюю планку дверной коробки, согнул ноги в коленях и нетерпеливо покачивался на носках, ожидая окончания этой затянувшейся паузы.

Борису казалось, что он уже на грани потери сознания. Девушка первая догадалась, что посетителю не по себе:

– Немного кружится голова? Может, вам посидеть?

Она вынесла в коридор выдавшее виды расхлябанное деревянное кресло. Борис, ни слова не говоря, тяжело плюхнулся в него и навалился обеими руками на подлокотники.

Девушка наклонилась к нему. Ее лицо с детским пушком на щеках оказалось совсем рядом с его лицом. На мгновение их щеки соприкоснулись.

«Какой прекрасный весенний запах от ее кожи, от ее юного рта. Как можно было сохранить этот аромат в затхлой атмосфере подвала? – подумал Борис. – Откуда в такое подземелье пришел этот нежный ангел?»

– Вы не должны волноваться, – шептала она ему на ухо. – Все волнуются, когда приходят сюда. Все ведь живые люди, и как они могут не волноваться? Они же обвиняемые, они же арестованные. Думают, что мы все, кто здесь работает, очень черствые люди, некоторые думают, что мы злые люди, а некоторые даже – что мы жестокие. Что мы никому не хотим помогать. А мы на самом деле хотели бы всем помочь. Но вы, вы должны тоже правильно нас понять. Мы же в суде работаем. И у нас не всегда есть возможность помочь всем и каждому. А все думают, что мы какие-то особенно злые люди. Я так страдаю из-за этого. Иногда я даже плохо сплю ночью.

Но, может быть, это совсем по другой причине. Может быть, это просто из-за того, что у меня не устроена личная жизнь. У всех свои проблемы. У вас, наверное, есть девушка, а может быть, и любимая жена. Которая за вас переживает и беспокоится.

А у меня никого нет. Думаете, я не хотела бы, чтобы у меня был молодой человек? Например, такой, как вы? Я бы его любила. И он никогда бы не подумал, что я злой человек, только из-за того, что я работаю в суде.

Борис ничего ей не ответил. Ему было неприятно, что из-за внезапно возникшей слабости он оказался в полной зависимости от этих людей. Ему сейчас хотелось только одного – чтобы он мог хоть немного спокойно посидеть и прийти в себя, чтобы его оставили в покое, – какое ему дело, что у нее нет молодого человека? – прийти в себя и спокойно уйти отсюда.

– Кто бы сюда ни приходил в первый раз, всем становится не по себе. Здесь очень плохой воздух, сырость, деревянные скамейки и полы гниют. Все обветшало и сыплется.

Здесь крысы. Они шуршат за обшивкой батарей и под полами. А когда крыса умирает, несколько недель в этом месте пахнет мертвечиной.

И потом, жильцы выносят сюда свой хлам. А некоторые сушат белье. А где они должны сушить? В доме чердака нет. На улице можно сушить, если солнце. А если дождь? Поэтому здесь всегда душно. Еще сегодня ничего. Потому что воскресенье и мало народу.

А в будний день здесь битком. Вообще дышать невозможно. Так что это помещение не очень подходит для канцелярии. Сколько раз говорили, что надо бы подобрать помещение получше. Ничего не меняется. Начальство деньги экономит.

К такому воздуху привыкаешь. Мы этого не чувствуем. Мы же все время здесь. Работы уж очень много. Кто-то ведь должен ее делать. Вот мы и делаем. Мы вообще почти что не выходим отсюда. Как я могу завести молодого человека? У меня на это совсем нет времени. Здесь и ночуем. Вот и при-

выкли. Вы тоже привыкнете. Это попервоначалу все так. А на второй, третий раз привыкнете. Вам уже немного лучше?

Девушка посмотрела на посеревшее лицо Бориса и решила, что вряд ли ему стало лучше. Она нашла глазами под потолком расположенное как раз над головой Бориса низкое горизонтальное окошко, которое скорее можно было бы назвать форточкой. Все-таки это был, видимо, цокольный этаж, а не подвал, то есть потолок канцелярии был расположен чуть выше тротуара: через окошко можно было увидеть ботинки и туфли прохожих. Девушка взяла с пола ржавую длинную арматуру для бетонирования и приподняла ей форточку, чтобы в помещение попал свежий воздух. С окна и потолка полетели плотные хлопья пыли, от окна отклеился и упал старый слежавшийся войлок. Все это посыпалось на Бориса и немного на ее синий халат, она тут же отпустила арматуру, и окно захлопнулось. «Благими намерениями...»

Почему-то эти манипуляции в целях проветривания очень рассердили девушку. Возможно, она подумала о том, что вряд ли из Бориса получится молодой человек для нее. Да и зачем ей такой дефективный – осужденный, молчаливый и совсем, совсем слабый?

– Здесь вам нельзя сидеть. Здесь должно быть свободно для движения. А мы с вами мешаем, – строго сказала она.

Борис взглянул на нее удивленно: что-то никакого движения здесь пока не было заметно.

– Эй, доктор, послушайте, вы что, не видите? – обратилась она к человеку в белом халате. – Я уже полчаса бьюсь с этим посетителем. А вы палец о палец не ударили, чтобы привести его в порядок. Помогите же мне отвести его в медпункт.

Борис вспомнил, что в медпункт можно пройти только через комнату «торжествующей истины». Ему совсем не хотелось еще раз побывать в ней. Да и там, в этом медпункте, неизвестно еще, что там его ждет. Может, там еще хуже, чем в коридоре.

– Мне уже лучше, я сейчас пойду... Пожалуй, я уже в состоянии сам добраться до выхода.

Он с трудом поднялся на дрожащих ногах, лоб заливало липким потом, голова кружилась. Попытался устоять, немного покачался – нет, пока он не в силах был стоять – и снова рухнул в кресло.

– Нет, не могу, – пробормотал он.

Борис подумал о том, что муж Нюры мог бы ему сейчас помочь, но «экскурсовода» не было, он благополучно исчез. И теперь ему следует рассчитывать только на этих двоих.

Тот, кого девушка назвала доктором, перестал раскачиваться на носках, но продолжал все-таки раскачиваться – теперь уже на пятках.

– Послушайте-ка, вы, дохляк залетный. Почему вы отказываетесь от моей помощи? Почему вы отказываетесь от всего, что бы мы вам ни предлагали? Тратим на вас время, а у нас, между прочим, есть своя работа. Я сейчас вколю вам порцию нейролептиков и транквилизаторов – и вы отключитесь на сутки. А потом, когда очухаетесь, будете уже на все согласны, – ха-ха-ха – навсегда на все согласны. – Он продолжал смеяться, сотрясая свое огромное породистое тело. – Только кто будет отвечать, если вы не проснетесь? Если вы прямо здесь у нас и очучитесь? Как крыса под той батареей.

Девушка улыбнулась, пробежала пальцами по плечу доктора, намекая на то, что надо бы изъясняться повежливей и уменьшить свой напор.

– Не волнуйтесь, вы оба неправильно меня поняли. Я просто хочу помочь этому залетному товарищу, который, видимо, еще не понимает, куда он залетел, – добавил доктор и снова захохотал во все горло.

– Вот это правильно, – ласково сказала девушка. – Мы поступили бы нетактично и несоразмерно использовали бы преимущества своего служебного положения, если бы не объяснили вам причину нашего смеха. Этого доктора мы специально готовили, чтобы не было эксцессов. За свой счет направили его на обучение. А потом сложились и купили ему всякий медицинский инструмент, фармакологию, вату, бинты и всякое такое. За свой счет – потому что нам для этого

денег не дают. Так что мы о вашем благе печемся, не такие уж мы и недобрые, как вы думаете. И нашего доктора упаковали очень даже хорошо. А он своим неуместным смехом все портит.

– Как, однако, вы подробно рассказываете про наши канцелярские дела, – насмешливо сказал доктор. – Только ему-то это зачем? Ему наплевать на нас с высокой колокольни. Он только о себе любимом думает, только о себе и печется. Правильно я говорю? Молчание – знак согласия. Лучше всего было бы просто проводить его до выхода. И ему лучше, а уж нам с вами и вообще будет наипрекраснейше. Вывести из канцелярии – и делу конец.

Борис обрадовался:

– Вот именно. У меня никогда таких припадков не было. Дойду, не настолько слаб, только поддержите меня немного, с вашей помощью я доковыляю. А там, на выходе, посижу на ступеньках и отойду. Я ведь сам в некотором смысле канцелярский работник. И привык к духоте. Но здесь, у вас, духота какая-то особенная. Будьте любезны, проводите меня, у меня голова кружится и дурнота подступает, поддержите меня под мышки, я сам дойду.

Девушка было подошла к нему, чтобы помочь встать и добраться до выхода. Но доктор даже не пошевелился. Он смеялся так, что слезы так и катились из его глаз:

– Ой, уморил, уморил. Этому товарищу так плохо, так плохо... Но не вообще плохо. На самом деле у него прекрасное, отменное здоровье. Мы думали, что он задохлик. Ничего-то мы с вами не понимаем. Он ведь форменный здоровяк. А плохо ему здесь, именно здесь и именно с нами. Давайте наконец мы с вами пойдем наконец по нашим делам, – что у нас дел мало, что ли? – и ему сразу станет легче.

– Послушайте, доктор, зачем вы все время смеетесь над ним? Он ведь может и обидеться. Нет ничего страшного в том, что я объяснила ему что-то из нашего общежития и распорядка. И ничего смешного в этом я, кстати, не вижу. Ни к чему его обижать.

КГ никак не хотел комментировать ее слова. У девушки явно были самые лучшие намерения: она хотела отвлечь Бориса, помочь ему собраться с мыслями.

– Мы тут с вами работаем день и ночь. А он только пришел, и вот вам, будьте-нате, обиделись мы, кисейные барышни. Сказать по правде, я лично думаю, что он готов вынести любые обиды, лишь бы мы помогли ему выйти отсюда, точнее – вывели бы его.

Борис ничего не ответил.

«Пусть они говорят обо мне, как о неодоушевленном предмете. Как будто меня здесь нет. Или будто я просто полено и еще неизвестно, вырежет ли кто-нибудь из меня Буратино. Или, например, клетчатая тряпка и неизвестно, сошьет ли кто-нибудь из меня веселого Арлекина. Это даже неплохо. Я могу не реагировать ни на какие их насмешки и издевательства».

Неожиданно руки доктора и девушки легли на его плечи.

– Ну хватит расслаживаться, слабый и никчемный вы человек. Эх, гнилая у нас интеллигенция. Пролетарских детей надо слать в рабфак, а этих гнать отовсюду поганой метлой.

Борис очень обрадовался: он уже и не чаял, что эти двое ему помогут.

– Премного благодарен, – сказал он, медленно поднялся и передвинул эти неожиданно пришедшие ему на помощь руки так, чтобы он действительно мог на них опираться.

– Вам могло показаться, – прошептала ему на ухо девушка, – что я пытаюсь представить доктора в выгодном свете. Но он совсем не злой человек. Он ведь не обязан выводить больных на улицу. Так что не надо думать о нем плохо.

Они постепенно дошли до того места в коридоре, где сидели неизвестно чего ожидающие посетители, и остановились как раз напротив того самого – посетителя высокого роста, с которым КГ недавно говорил. Борису было стыдно перед ним. Только что он стоял перед этим человеком, был таким уверенным, непогрешимым и обличающим всё и вся. А теперь еле идет, его поддерживают двое, доктор вертит в руках его шляпу, и сам он бледный, встрепанный, потный и

абсолютно несчастный. Но высокий ничего этого не заметил или просто забыл. Он обратился к девушке и пытался объяснить ей, зачем пришел. Но девушка словно не замечала – ни его слов, ни его самого.

– А, еще один доходяга, – привычно захохотал доктор. – Посмотрите на них, – обратился он к девушке. – Они уже как тени. Еле ходят. Мы с вами идем, будто в царство мертвых попали, забираю мою в качель, ха-ха-ха-ха! Шо ж ко мне, к дохтуру, никто не йдет? Сил нет, а лечиться не хотят. Пианины боитесь, что ли? Так я не музыкант в той комнате. Я на шприцах играю – кому в вену, кому в руку, а кому и в попу. Приходите ко мне, уж я вас всех нашприцую.

– Это ведь вам я сдавал заявление, – лепетал высокий, не обращая внимания на доктора. – Я хорошо понимаю, что по моему прошению еще не может быть никакого решения. И все же я пришел. Время у меня есть. Посижу, мне кажется, я никому не помешаю.

– Вот это правильно – продолжал смеяться доктор. – Пока вы нам не мешаете. А то бывают наглецы, сладу с ними никакого.

– Так я посижу здесь? – еще раз спросил девушку посетитель. Та словно очнулась, внимательно посмотрела на высокого и сказала:

– Посидите. А я обязательно поговорю с заведующим канцелярией о вашем деле. Как только будет ответ, сразу скажем вам.

– А вы, подопеченький, – обратился доктор к Борису. – Не изволите ли присесть, не приспичило ли вам отдохнуть?

Борис напрягся и постарался ответить как можно более решительно:

– Нет, спасибо, я хотел бы покинуть вашу богомерзкую канцелярию, и как можно скорее. А за помощь вам отдельное спасибо. И особенно этой милейшей и добрейшей девушке.

Он вложил в эти слова последние силы. В голове свистел ветер, пол качало, порывы ветра бросали его то вправо, то влево. Почему они так спокойны, эта девушка с красивым лицом и наглый боров, не тронутый искусами образования

и постоянно изображающий из себя врача? Коновал он, а не доктор. Но хорошо, что они есть. Если они отпустят Бориса, он тут же упадет. Надо постараться попасть в такт их шагов, но это не получается. Его ноги тащатся где-то сзади, волочатся по полу, эти двое почти несут его. Наверное, это ступеньки вверх. Что-то они говорят ему. Ничего не понять. Свист и вой. И через эту свистопляску прорывается откуда-то издали что-то типа крика. Помесь нейтрального крика высокого тона и любовного стоны Нурбиды Динмухамедовны. Все равно не доходит до слуха. Как же это стыдно! Они орут Борису изо всех сил, а он их не понимает. Борис поднял голову и пытался внятно сказать, получился еле слышный шепот:

– Да говорите же вы громче!

И тут он очнулся. Девушка открыла настежь дверь во двор, на КГ повеяло воздухом. И он услышал слова доктора:

– И слабак, и сумасброд. Таких надо в пропасть, как в Спарте. То он уверяет, что хочет уйти. А теперь мы сто раз повторяем: «Вот дверь, вот дверь». А он – ни с места.

Борис почувствовал, что силы разом вернулись к нему. Заболел внезапно – и так же внезапно выздоровел. Он свободен. Не зависит от этих двоих, не зависит ни от кого. И, самое главное – он не зависит от СИСТЕМЫ.

Чтобы полностью почувствовать свободу, Борис выскочил на крыльцо. Он сам выскочил или это доктор поддал ему под зад коленом? Как он посмел? Как же это возмутительно, это переходит все границы... А с другой стороны, какая разница – благословенный удар под зад коленом, спасибо тебе, доктор.

Обернувшись с крыльца, он без конца повторял: «Спасибо, спасибо, спасибо вам, добрый доктор, спасибо вам, милейшая и добрейшая девушка». Пожимал и пожимал им руки, и делал бы это, наверное, еще очень долго, если бы не заметил, что его добрые ангелы, дети Аида, которые вытаскивали его из подземелья, уже еле двигались, им непривычен был чистый воздух, и девушка, наверное, упала бы в обморок, если бы КГ, внезапно осознавший это, не захлопнул бы

поспешно дверь, разделив этой дверью наконец подземный и надземный миры, а также столь чуждых друг другу обитателей этих миров.

Борис огляделся, подобрал свою шляпу, выброшенную на ступеньки, видимо, доктором подземелья, привел себя в порядок и очень бодро, через две ступеньки сбежал с крыльца. «Медицинский казус, – подумал он. – Со мной приключился совершенно непредвиденный медицинский казус. Надо бы при случае показаться врачу». Это какой-то бунт тела, которое он прежде считал вполне здоровым и до сих пор абсолютно безотказным. В этом подземелье в его теле запустился физиологический процесс, совершенно отличный от того процесса, который протекал в нем во время его обычной жизни. Какой вывод можно сделать? Он постарается более взвешенно относиться к выбору времяпровождения в воскресное утро, с тем, чтобы утро, подобное сегодняшнему, больше не повторилось. «Любопытство тебя погубит, Борис, – сказал он сам себе. – Меня больше СИСТЕМА не интересует. Пусть они интересуются мной, если им надо. Пусть интересуются. Но впредь никаких контактов. Чем меньше я буду заниматься и думать о своем деле, тем меньше «дело» и его «делопроизводители» будут думать обо мне. Я убедился в том, что СИСТЕМА – это только фантом, который живет за счет мыслей и страхов обвиняемых. В том числе и моих страхов. Мне это ясно как божий день. И никакие советы – ни чеченцев, ни адвокатов, ни даже моей матушки, матушки в первую очередь – мне в этом вопросе больше не нужны».

9

Однажды вечером КГ задержался на работе позже обычного. Он уходил последним. Впереди, недалеко от лестницы, еще работали кладовщики. Они стягивали большие тяжелые упаковки тонкими металлическими лентами, чтобы эти упаковки и готовые изделия, приготовленные для поставки смежникам, не рассыпались при транспортировке. Свет в здании уже был выключен, и только там, где работали кла-

довщики, оставались включенными небольшие лампы для подсветки.

Проходя мимо одного из помещений, КГ услышал за дверью странные вздохи и стоны. Он помнил эту кладовку, однажды он туда заглядывал. Кладовка была предназначена не для товара, не для электрических или электротехнических изделий, которые обычно отправлялись по договорам. Там хранилась картонная тара, клей, скрепки, степлеры, кроме того, стояли и какие-то крупные изделия непонятного назначения. Так ему казалось. Но он никогда не придавал этому значения, поэтому ничего особенного и не зафиксировал в памяти. Помнил лишь, что после осмотра кладовки у него осталось ощущение какого-то бардака. Обычно, проходя мимо этого помещения, он с досадой думал, что надо бы прислать кладовщиков и навести наконец здесь порядок.

Что за вздохи могут быть за этой дверью? И даже, кажется, стоны. КГ остановился у двери: там ведь нет никого и в принципе быть не может! Если там, за дверью, кто-то и был, если там сейчас какие-то люди, то они почему-то на минуту затихли. Но потом звуки повторились.

«Может, прислать кого-нибудь из персонала? Здесь происходит какой-то нештатный процесс, что-то, не определенное статусом нашей солидной организации. Похоже, что потребуются свидетели».

В этот момент послышался тихий стон. Волна непреодолимого любопытства захватила КГ, это было сильнее его осторожности, выше его понимания правильного стиля поведения в его конторе. Борис открыл дверь. То, что он увидел, изумило его еще больше, чем эти неожиданные стоны, проникающие в коридор.

Да, как он и ожидал, там был беспорядок, громоздились картонные коробки, целые и разломанные, полиэтиленовая упаковка, везде были разбросаны мотки веревки и оторванные деревянные планки, когда-то скреплявшие ребра и углы отслуживших уже свой срок коробок. Но там ведь действительно были люди – трое мужчин, освещенных небольшой

лампой, закрепленной в самом дальнем углу кладовки, почти что на полу.

– Позвольте! – закричал Борис срывающимся на фальцет голосом: он, несомненно, был крайне скандализован всей этой нештатной ситуацией. – Что все это значит, прошу немедленно дать отчет о том, что здесь, в конце концов, происходит?

Один из мужчин был в длинной одежде, напоминающей, по мнению Бориса, судейскую мантию, на его голове была конфедератка с огромным помпоном – что за маскарад, черт побери?

– Что здесь у вас, кружок художественной самодеятельности?

Рядом с этим странно одетым человеком стоял небольшой черный ящик, напоминающий укороченное пианино с клавиатурой на две октавы. «Один к одному – пианино в комнате «торжествующей истины», – подумал Борис. Но только из этого инструмента не выходили наружу длинные стальные тросики. Вместо пучков тросиков – смотанные кабели разноцветных проводов.

«Так это же органист, – с ходу решил КГ. – Где же его органные трубы? Возможно, этого и не надо вовсе. Внутри пианино есть молоточки, которые ударяют по струнам. И тогда звучит положенное, например «Ах, мой милый Августин, Августин...»

Концы проводов были прикреплены... Ах вот оно что! На полу лежали черные кожаные перчатки, с концами их пальцев и были соединены провода. Две пары перчаток.

«Органист» молчал, ничего не говорил. Борис подошел ближе, поднял перчатки с пола и приступил к тщательному их изучению. В октаве 12 тонов и полутонов, в двух октавах – 24. А пальцев в двух парах перчаток, получается, 20. Куда же подходят еще четыре провода? Вот же они. К каждой перчатке, помимо пяти проводов, подходил шестой провод, который соединялся с перчаткой где-то посередине между большим и указательным пальцем. В углу еще лежали две пары ботинок. Из каждого ботинка выходило шесть медных

штырей, к которым, видимо, тоже можно было присоединять провода от пианино.

«Почему же там, в суде, были тросики? Наверное, здесь какие-то электрические воздействия, а там – механические, – подумал Борис. – Воздействия на что?»

– Что это все значит, черт побери? Чем это вы здесь занимаетесь и на каком основании? Извольте отвечать, если вас спрашивает должностное лицо!

КГ внимательно посмотрел на двух других мужчин, униженно стоящих перед «органистом», который, видимо, был здесь главным, и в тот же момент узнал своих мучителей, охранников, которые приходили его арестовывать, – Вована и Димона. Как же они были непохожи на себя. Куда делись их важность и невозмутимость? Да, в первую очередь он осознал, насколько ему неприятно их снова видеть. Решил ничего не выяснять – ни как они сюда попали, в такую секретную контору, как «Базальт», ни что они здесь делают, ни зачем все эти приспособления. Он же решил, что больше не интересуется СИСТЕМОЙ, ни во что не вникает и ни на что не реагирует. Вызовет сейчас охрану предприятия – и пусть те сами все выясняют.

Как только охранники поняли, что он узнал их и собирается уйти, они тут же вскочили и стали возбужденно кричать, размахивая руками:

– Товарищ Кулаков, товарищ Кулаков, не уходите. Ради всего святого, не покидайте нас.

– В чем дело, почему я должен принимать участие в вашей судьбе, в судьбе людей, которые не представляют для меня ни малейшего интереса? Вообще непонятно, как вы могли оказаться в этой кладовке и что за мистерия здесь готовится вами совместно с этим внушительным мужчиной, по всей видимости музыкантом.

– Здесь готовится наше наказание. Самое мучительное наказание, которое только можно себе представить. И виной всему вы. Потому что только вы можете избавить нас от предстоящих неминуемых и даже, мы это точно знаем, ужасающих мучений.

– Но как же, скажите на милость, я повлияю на все это, что от меня-то зависит? – спросил удивленный Борис и тут же поймал себя на мысли, что он ведь совсем не хотел вдаваться в детали, но эти детали сами собой на его глазах неумолимо вползали в его жизнь.

– Нас наказывают по указанию следователя Плоского, потому что вы пожаловались на нас дознавателю Вагиняну.

«Органист» послушал их разговор и решил, что ему нет смысла дожидаться окончания этой тоскливой перепалки, подошел к пианино и начал копошиться в нем, готовя, видимо, к предстоящей процедуре.

– Ну уж нет, – жестко сказал КГ, глядя прямо в глаза своим недавним мучителям. – Это вовсе не так. Я и не думал жаловаться. Просто изложил все, что произошло в моем доме – в моей квартире и квартире товарищ Толоконниковой. Не моя вина в том, что ваше поведение было безупречным – и в отношении меня, и в отношении Евдокии Прокопьевны, и уж тем более в отношении безупречного юного создания, милейшей девушки Клары, которой вы сумели изрядно испортить настроение, хотя до этого она уходила от меня с ощущением общего подъема и необыкновенного воспарения своего юного духа.

Вперед вышел тощий Димон, а более молодой Вован постарался спрятаться за его спину.

– Выслушайте нас, товарищ Кулаков. Вы же такой здравомыслящий и благородный человек. Нам ведь платят нищенскую зарплату. Мне надо семью кормить. А Вован собирается жениться. Мы и так жилы рвем на работе, но с этого не проживешь. Ни на что не хватает. Хоть что-то надо урвать. Для вас завтрак – пустяк, а для нас – существенная экономия в бюджете. А с халатом и бельишком – это уже так принято. Зачем арестованному все это? Ему казенное барахло дают. Конечно, это все не очень хорошо получилось. Тем более что девушку досматривали с пристрастием. Но это он, Вован, он же не женат, вот и не удержался, а девушка оказалась слишком привлекательной. Но это всегда так принято. Поверьте мне,

зачем нам вас обманывать? Так делают все – белье, одежда и девушки нам достаются. В общем, польстились мы. Потому что арестованному этого ничего уже не нужно, у него старая жизнь кончилась, а новая началась совсем другая. Однако если кто пожалуется, нас тут же наказывают.

– Я вам не Кулаков, а Кулагин. Но ничего этого я все равно не знал. И не требовал наказания. Только рассказал дознавателю, что было фактически. Теперь мне, правда, ясно, что вы многих других своих обязанностей не выполнили. Почему, например, вы не сообщили мне, что я могу выбирать – наклейку или кольцо? Хорошо, что я этого всего не знал. А то сообщил бы Эсмеральде Вагиновне и она вам вместо одного наказания назначила бы два – непременно и безотлагательно.

– Как же вы неправы, товарищ Кулаков. Ну да, не Кулаков, а Кулагин. Неправы и несправедливы. Это мы вас пожалели. Вдруг вы по незнанию своему и недальновидности испросили бы кольцо, его еще называют браслетом. Вам это было бы значительно хуже: его все время надо включать в розетку. И все бы видели. А как это объяснить, кроме как правду сказать – и близким, и сослуживцам, и случайным прохожим? Замучились бы. А так – ссадина и ссадина. Или ушиб в крайнем случае. И ничего объяснять не надо. Мы пожалели вас, мы теперь ваши самые близкие друзья, и ближе у вас никого нет. Если вы нам не верите, то все равно, со временем вы непременно согласитесь и удостоверитесь именно в этом.

– Хорошо, забудем о браслетах. Я человек не мелочный и даже во многом благородный. В любом случае, правда состоит в том, что я не требовал вашего наказания, – истинная правда.

– Вован, ты помнишь? Именно это я тебе и говорил. Товарищ Кулагин не требовал непременно наказать нас. Он человек с понятием. Ты ведь слышал: он слыхом не слыхивал, что нас ждет наказание.

– Знаете что, Кулачков, или как вас там? – неожиданно вмешался в разговор музыкант-«органист». – Вы не расстра-

ивайтесь из-за них. Болтают, языком трепят, в Босфор их, в Дарданеллы. Наказание им будет. И немедленно. Справедливое и абсолютно неотвратимое.

– Не слушайте его, товарищ Кулёмин. Наказывают нас не за наши дела. А из-за доноса. А так они все наши дела знают и их это совершенно не трогает. Если бы не донос, нам ничего бы не сделали. А раз попало в документы, они могут загреметь как соучастники. Потому что вырученные гроши мы приносили им. И они тоже могут загреметь. И вот теперь, когда вы всё знаете, скажите, разве это справедливо? Сами посудите. Мы оба служим СИСТЕМЕ верой и правдой, служим давно и зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Потому что охраняли мы вас отменно. Можно сказать, пылинки сдували. И за это рассчитывали, что вот-вот получим повышение по службе. И, например, можем стать музыкальным исполнителем по особым поручениям, как вот этот, в мантии. А теперь всему конец – ни тебе повышения, плюс еще и наказание. Нам уже не подняться, конец карьерным мечтам. Пошлют на самую черную работу – нужники в канцелярии чистить или полы мыть. Плюс наказание. Это же пытка, а не наказание.

– Неужели это пианино – какое-то особо тяжелое наказание?

– Легко вам рассуждать, товарищ Кулешов. Знаете, что происходит? Когда вот это играет, на нас через провода и перчатки поступает воздействие.

Музыкальный исполнитель громко захохотал:

– Вот именно – воздействие. Чтобы вы лучше прочувствовали ту замечательную музыку, которую я играю. Замечательную музыку – «Широка страна моя родная» или гимн Советского Союза. Вы не представляете, товарищ Кульков, какое огромное воспитательное значение имеет эта музыкальная процедура, и запоминается, кстати, надолго, может быть навсегда. Всё, снимайте рубахи и садитесь в кресла, я пристегну вас самыми широкими ремнями. Чтоб не дергались и получили удовольствие на полную катушку.

– Не слушайте вы его, – чуть не плача сказал Вован. – Это же не просто электрические импульсы какие-нибудь, не щекотка приятная. Там, в перчатке, внутри электромагниты и иглы. Каждая игла идет под ноготь, а на каждой руке одна дополнительная игла втыкается между большим и указательным пальцами в самую болезненную болевую точку. И, когда этот боров играет, в тело втыкается та игла, которая соответствует нажимаемой клавише. При этом нам нельзя кричать, мы должны под эту музыку петь песню. Вы не представляете, какое это мучение. Можно выдержать страдание, если знаешь для чего, если впереди есть перспектива – должность, зарплата.

«Органист» опять засмеялся.

– Посмотрите на этого вечно потного доходягу. – И он показал на Димона. – Разве он может стать музыкальным судебным исполнителем? Для этого требуется энергия, сила. Да и в музыке разбираться хоть бы чуть-чуть. Посмотрите на него, разве такие музыкальные судебные исполнители бывают?

– А вот и бывают. В судебной практике любые могут быть музыкальные исполнители.

– Нет, такие, как ты, не смогут мою работу исполнять. Здесь требуется характер. Оба вы, поменьше разглагольствуйте, раздевайтесь поскорее и надевайте перчатки.

– Послушайте-ка, товарищ музыкально-судебный исполнитель. Мне кажется, что вы – очень хороший специалист. Только сейчас вам придется все-таки отпустить этих двоих. – КГ вытащил бумажник и добавил: – Будьте уверены, я очень даже хорошо заплачу.

«Органист» раскатисто захохотал:

– А потом заложите и меня, и уже музыку будут исполнять на моих ногтях. Нет, так дело не пойдет.

Он затянул ремешки, пристегивающие руки обоих наказуемых к подлокотникам, а спину – к креслу, и сел за клавиатуру:

– Вы – музыкант, тонкая натура, а ведете себя глупо. Если бы я хотел наказания обоих этих людей, то не стал бы их сей-

час выгораживать. Если бы знал о предстоящем наказании, не назвал бы их имен. И они преспокойно сейчас – один был бы в своей семье, другой встретился бы со своей девушкой. Да я и не считаю их виноватыми. Виновна вся ваша бездушная организация, виноваты ваши высшие чиновники. И я еще обязательно до них доберусь. Верхушка виновата.

– О да, именно это и есть истинная правда, – поддержали его охранники, и в тот же момент «органист» нажал указательными пальцами правой и левой руки одновременно на две клавиши. Борис услышал первый аккорд и сразу вслед за ним – крики боли обоих наказуемых. Борис подошел к пианино и удержал руки музыканта:

– Послушайте меня, добрый человек. Если бы судьба распорядилась так, что наказанию должен был бы подвергнуться судья, который по своему разумению постоянно вершит злодеяния, то я не уговаривал бы тебя, не говорил бы о милосердии, я дал бы тебе дополнительно денег, чтобы ты вершил свою благородную процедуру с гораздо большим энтузиазмом.

– Вы, товарищ Кулаков, внушаете мне уважение своими словами. Возможно, вы и правы. Но тот, кто своим трудом, потом и кровью поднялся до поста музыкально-судебного исполнителя, становится абсолютно неподкупным. Я не позволю отвлекать себя коварными разговорами, и, раз уж я приставлен к этому инструменту и раз уж этот инструмент полностью исправен и хорошо настроен, значит, следует исполнить на нем именно то музыкальное произведение, которое мне на сей раз предписано.

Эти его слова были прерваны Вованом. Тот дергался из стороны в сторону и кричал, вытирая слезы с лица о голое плечо:

– Товарищ Клиновичков! Если уж вам никак не удастся освободить нас двоих, освободите хотя бы меня! Димон уже пожил на свете. Он бесчувственный и во всех отношениях почти что деревянный. Не то что я, совсем юный и нежный. А Димона уже наказывали один раз, и вот он перенес все – и

хоть бы что. Он и второй раз перенесет. А меня внизу, у входа, ждет невеста. Я не перенесу позора и бесчестия. Тем более что виноват во всем только Димон, он один во всем и виноват. Он учит меня как хорошему, так и плохому, он подбивает меня. А если невеста, которая ждет меня внизу, узнает, это будет так стыдно, что я, наверное, и не перенесу этого, а то и умереть могу от боли, стыда и позора.

– Так, хватит антимонии разводить здесь, товарищ Кривоватый, – сказал «органист». – Я больше ждать не намерен.

Он поднял руки, чтобы взять следующий аккорд, но в этот момент Вован заверещал – непрерывно и на самой высокой ноте, будто он вовсе и не человек даже, а будто он поросенок, которого уже режут острейшим ножом.

– Хватит визжать! – закричал КГ, выглянул в коридор, не прибегут ли на этот крик кладовщики, потом повернулся к Вовану и в сердцах ударил его рукой по щеке. Голова Вована дернулась и упала тому на руки.

«Органист» приступил к исполнению произведения: «Широка страна моя родная». Оба охранника пытались подпевать в такт музыке хриплыми бессильными голосами. КГ заметил в конце коридора фигуры двоих кладовщиков, которые решили подойти, услышав непонятные звуки. Борис выскочил из кладовой, захлопнул дверь, открыл в коридоре окно на улицу, чтобы уличный шум заглушил идущие из кладовой хрипы, немного напоминающие мелодию популярной патриотической песни.

– Это я, ребята! – крикнул он, чтобы кладовщики не подошли слишком близко, и помахал им рукой.

– Чем-то помочь, может быть, что-то случилось, товарищ Кулагин? – спросили они участливо.

– Глупая собака на улице лапу прищемила, такой шум устроила. Можете идти работать, товарищи. Заканчивайте, пора вам отдыхать, уже поздно.

Кладовщики вернулись к своим делам и вскоре ушли домой. А Борис еще долго стоял и смотрел во двор. Из окна коридора было видно, как одно за другим гасли окна во дворе

замечательного предприятия НПО «Базальт». Рабочий день закончился. Ему самому тоже пора бы возвращаться в свою уютную квартиру на Гражданке. Или навестить наконец бедную Клару, которую так обидели эти охранники. Но он продолжал стоять, не в силах успокоиться после всего, что он только что увидел.

Как этот инструмент попал в его родной «Базальт»? Похоже, он всегда стоял в этой кладовой, только зачехленный. Так ему казалось. А перчатки и ботинки, видимо, были спрятаны где-то в углу за картонными коробками.

Как и на каком основании работники СИСТЕМЫ попадают в помещение «Базальта»? Если СИСТЕМА существовала давно... Во времена фараонов, например. Она существовала и тогда, когда строили этот город. И когда строили каждый дом, каждую улицу. Поэтому и предусмотрели подземные ходы под всем городом и тайные двери в каждом доме и в каждом помещении. Вот и в его квартире во встроенном шкафу у них есть своя тайная дверь. Ничего удивительного, что здесь они давно используют эту кладовую, а может, и многие другие помещения, для тайных экзекуций, не исключено, что и для других, совершенно неизвестных ему целей.

Наплевать на СИСТЕМУ. Важно, каков он сам. Как он сам себя ведет. Вот он, Борис, имел, конечно, все возможности предотвратить эту отвратительную процедуру, должен был бы сделать это, но не смог ведь. И он обязательно сделал бы все необходимое, если бы не этот отвратительный визг Вована. Надо же все-таки иметь какую-то выдержку и в решающий момент уметь владеть собой. Нельзя же было так верещать. Поэтому у него, Бориса, и не получилось спасти Вована, да и их обоих тоже. Этих несчастных убогих охранников. А иначе он, конечно, уговорил бы «органиста». Какой он все-таки отвратительный, этот музыкально-судебный исполнитель. Как у него блестели глаза при виде бумажника! Если низшие чины такие гадкие, каков должен быть этот человек, ставший аж «органистом»? Вывод очевиден.

Все дело в крике. Пришли бы кладовщики и застали бы его в кладовке с этим человеческим отребьем, никак иначе этих людей и не назовешь. Для него такая ситуация была бы полной потерей лица. Хуже этого ничего не могло бы быть вообще. Лучше уж самому сесть в пыточное кресло на место одного из охранников. Но из этого, скорее всего, ничего не получилось бы. Он ведь арестован. Следовательно, он – лицо охраняемое и неприкасаемое и «органист» не принял бы его на подмену.

Но, если бы Вован не закричал, он, Борис, не поспешил бы, чтобы освободить охранников. Если уж им было принято решение вести беспощадную борьбу с разложением в судебных органах, то и здесь, понятное дело, он просто обязан был вмешаться. Но вот ведь как получилось в конце концов. И ему пришлось резко захлопнуть дверь, хотя это никак не повлияло на то, что охранников подвергли жесточайшему музыкально-судебному наказанию. Да, сегодня, скорее всего, тоже не его день. И не его это вина. Жаль, конечно, что не сдержался и дал пощечину Вовану. Но это, безусловно, объяснялось абсолютной неординарностью сложившейся ситуации и его, Бориса, крайне возбужденным состоянием. Да, он был в состоянии аффекта, и это все объясняет и ставит на свои места.

Вопрос, конечно, не заиграет ли «органист» на своем инструменте с иголками под ногти этих охранников до крайней степени изнурения, не заиграет ли он их до смерти. Но он, Борис, этого так не оставит и, конечно, пока у него есть силы, будет бороться до тех пор, пока не добьется наказания тех, кто действительно во всем виноват, – судей самого высокого ранга, которые, понимая, что он, Борис, буквально во всем прав, до сих пор маневрируют и по большому счету не смеют даже показаться ему на глаза. Знает кошка, чье мясо съела.

Борис пошел к двери кладовой: «Тихо. Заиграл до смерти».

Он хотел открыть дверь, но не стал. Помочь он все равно не сможет. Но придется этот случай предать огласке. Ничего. Он разберется и отомстит. Он этого так не оставит. Уж в чем в чем, а в своем упорстве и последовательности он полностью уверен.

Борис спустился по лестнице, вышел на улицу. Он внимательно рассматривал всех встречающих, нет ли среди них девушки, которая ждет Вована. Нет, нигде не видно девушки, которая ждет своего суженого. Обманул Вован. Но Борис его не осуждал. Эту ложь легко можно простить: Вован хотел, чтобы его больше жалели.

Весь следующий день КГ не мог забыть историю с охранниками и с адской машиной, напоминающей пианино. Работал рассеянно, отвлекался. Мало что успел сделать за день. А к вечеру решил все-таки подойти к заветной кладовой. За дверью было тихо. То, что он увидел, открыв дверь, произвело на него такое впечатление, будто внутри его головы что-то взорвалось. Вместо ожидаемой темноты он увидел в кладовке ту же самую картину – «органист» за пианино, два стражника в рукавицах, принесенных из преисподней, и полукрик-полувизг:

– Товарищ Кулаков, помогите, а-а-а-а! Широ-ка страна моя род-на-а-а-я...

В страхе КГ захлопнул дверь и, не в силах справиться с эмоциями, приложил лоб к массивной двери, за которой слышались приглушенные хрипы и стоны. Немного уняв сердцебиение, он подошел к группе кладовщиков и попросил наконец порядок в кладовке – сколько это вообще может продолжаться? И сделать это надо именно сейчас и без всякого промедления.

Он подумал, что эти призраки СИСТЕМЫ появляются здесь, наверное, специально ради него и что они приходят только тогда, когда он здесь бывает. А в другое время их нет. И если кладовщики зайдут в эту комнату без него, то там будет темно и ничего особенного происходить не будет. А если навести порядок, помыть полы, вытереть пыль, закрыть пианино чехлом, то больше там никто из этих уже и не появится.

– Вы, конечно, Борис Илларионович, человек очень хороший и отзывчивый, – сказал один из кладовщиков, который взялся выразить общее мнение. – Но у нас нормированный рабочий день. И мы обязаны работать только 8 часов. Заво-

евание революции, между прочим. И так уже переработали больше часу. Так что мы сейчас пойдем домой, уж не обесудьте. Но вы не беспокойтесь, все будет сделано. Завтра прямо с утра туда – и в кладовке будет наконец идеальный социалистический порядок. Вы будете довольны.

Борису очень хотелось именно сейчас хоть немного побыть среди этих чужих ему, малознакомых людей. Но кладовщики были настроены очень решительно. Они уже переоделись и готовились покинуть свои рабочие места.

КГ не стал дожидаться, пока контора окончательно опустеет, вышел на улицу и устало пошел к метро. Ему ничего больше уже не надо, ему не хотелось ни о чем думать – ни о суде, ни о деле, ни о своем доме, ни о матери, ни о Кларе, ни даже о Марине Толоконниковой, ни тем более о Евдокии Прокопьевне.

Он грезил наяву: казалось, что ему под ногти вводят иголки. Иголочки движутся в такт песне «Широка страна моя родная». И ему совсем не больно. Его пальцам и рукам ничуть не было больно. Но петь почему-то тоже нисколько не хотелось. И вдруг внутри него словно прорвало, все его существо заперло разом, и начало строки «Я другой такой страны не знаю» слилось в едином порыве с концом другой строки: «Где так вольно дышит человек».

Бред какой-то. Домой, домой. Скорей бы лечь, уснуть и не просыпаться. Спать и не видеть снов, желательно подольше.

10

«Велиары СИСТЕМЫ, посланники преисподней, они ждут меня, – думал КГ, направляясь на работу. – Стараюсь забыть о них, выкинуть из своей жизни – им это явно не нраву. Не хотят они оставить меня в покое, постоянно напоминают о себе. То Хамзат, то Соловейчик, то охранники и их мучитель».

А Нюра, будь она неладна, каждый день мне снится, вернее каждую ночь. На черта она мне сдалась? Моя Клара и моложе, да и поинтересней будет. И с СИСТЕМОЙ никак не

связана. Свободная девушка свободной профессии. Пожалуй, слишком свободной. Да и Марина Толоконникова – тоже вполне, ничего себе барышня. С таинственными закидонами. Может, просто напускает на себя эдакое, чтобы не как у всех?

Нюра снится мне, приходит во сне, обнимает, ласковые слова говорит. Значит, тоже обо мне думает. Это все так просто не бывает. Но она-то приходит не по своей воле, ее СИСТЕМА посылает.

Кого мне СИСТЕМА пришлет на этот раз? Приду пораньше, чтобы не было неожиданностей, как с Хамзатом. С Хамзатом этим и с Соловейчиком мне хорошо удалось отвертеться. Ничего не получилось – сами и виноваты. Какие ко мне могут быть претензии? Не появляются они больше. Может, и не появятся».

Взял на вахте ключ от своего кабинета, расписался, как положено, в журнале. Рядом с кабинетом сидел посетитель с испытанным лицом. Похож на отмытого бомжа. «Неужели ко мне этот тип, что у нас может быть общего? Ничего, подождет, если ему надо. Пусть посидит, придет в себя, жизнь у него непростая, видимо». Мысли его уже бегло коснулись предстоящих рабочих дел. Это он любил. На работе он чувствовал себя состоявшимся человеком.

В безмятежном настроении открыл дверь и ахнул.

Прямо перед ним, в его кабинете, находился абсолютно незнакомый ему человек. Внутри запертого помещения, сидел за его, КГ, столом и в упор смотрел на Бориса. Колючие глаза, лицо бледное, гладко выбритое, невзрачное. Пиджачок, галстук, впалая грудь, довольно широкие плечи. «Какой-то он плоский, вешалку напоминает, – невольно подумал Борис. – Сидит за моим столом и просматривает бумаги, мои документы».

– Что вы здесь делаете в моем кабинете, кто вас впустил? На каком основании, что вы вообще себе позволяете? Немедленно покиньте помещение. Немедленно, вы меня поняли?

Незнакомец продолжал внимательно рассматривать Бориса и не проронил ни слова.

– Если вы не потрудитесь объяснить, кто вы такой и что здесь делаете, я немедленно вызову охрану.

– Плоский Ленин Иванович, – бесстрастно сказал незнакомец, – следователь по особо важным делам следственного отдела специальной судебной системы, предназначенной для повсеместного поддержания социалистической законности, для выявления и наказания особо злостных нарушителей, внедренных в звенья управления нашей страной с целью нанесения ей особого вреда и даже для разрушения нашей системы.

КГ, открыв рот, слушал этот бюрократический речитатив, апофеоз овеществленного правосознания, – надо же, следователь Плоский собственной персоной! – слов он не находил.

– Борис Илларионович Кулаков, не так ли?

– Кулагин я, сколько можно...

– Пусть будет по-вашему. Никогда не спорю по пустякам. Хочется быть Кулагиным – будьте Кулагиным. Не хотите быть сантехником – будьте кем хотите, хоть чертом, хоть дьяволом. Вам это, товарищ Кулаков, все равно не поможет. Карающая рука возмездия может быть и не очень сурова, но она найдет вас везде, наказание нашего закона неотвратимо, как меч Немезиды.

Мы с вами неплохо знакомы. Правда, заочно. Вот теперь и очно познакомились. «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Что скажете?

– Как вас пропустили, как вы попали сюда?

– А вы позвоните на вахту, они и скажут вам.

– И позвоню, и узнаю. Прямо сейчас.

Борис поднял трубку местного телефона:

– Охрана? Это Кулагин Борис Илларионович. Скажите, пожалуйста, на каком основании вы пропустили ко мне посетителя? Он не имеет никакого отношения ни к моей работе, ни к деятельности нашей организации.

– Так, сейчас посмотрим. Как фамилия?

– Плоский.

– Ленин Иванович, есть такое дело. У него пропуск на весь год. Оформлен полгода тому назад. С возможностью посещения вашего подразделения.

– От какой организации?

– Понятия не имею. Я человек маленький. Начальник охраны мне спустил список, я обязан пропустить. Да вы не волнуйтесь, товарищ Кулагин. Это точно Плоский, я проверил, он паспорт предъявил.

– Зачем вы пропускаете посторонних, которые мешают нам работать?

– Никак нет. Если он есть в бумаге, утвержденной начальником охраны и замдиректора по режиму, значит, он не посторонний. Тут у меня большой список. Кроме Плоского, есть Вагинян Эсмердина, что ли... не понял, язык сломаешь, есть Носиков Олег Васильевич, Ишкинина, много их, целый список. Если у вас какие-то претензии, то не ко мне. Это всё, еще требуется моя помощь? Извините, Борис Илларионович, но у меня много дел, просто наплыв посетителей и командировочных.

Борис сконфуженно повесил трубку:

– А как же вы попали сюда, в мой кабинет?

– Охранник проводил меня и открыл дверь. Зачем закрыл за мной? Не знаю, зачем это ему понадобилось.

– Ну хорошо, – устало произнес Борис, – пришли так пришли. И что вы хотите, устроить допрос? Спрашивайте, что вам нужно, мне нечего скрывать. Мне нечего стыдиться. Спрашивайте, ищите червоточину, ищите изъян. Мы же не боги. Недостатки всегда найдутся, особенно если очень хочется. «Ищите да обряцете», – следователь Плоский сморщился, будто отведал кислющего лимона. – Я чувствую, вы не любите цитаты из Библии, – продолжил КГ. – Что поделать? Мудрость древних нам с вами тоже может пригодиться. Спрашивайте.

– Да нет, Борис Илларионович. Я пришел не для того, чтобы допрашивать вас. Если бы это было моей целью, я вызвал бы вас в свой кабинет.

Но я же здесь, у вас, пришел просто поговорить. Вы многого не понимаете, а я мог бы дать хороший совет.

– Поговорить? Дать совет? Почему? Делайте свое дело, я буду делать свое. Моя совесть чиста.

– Вы многого не знаете. Не понимаете, как работает система. Решил вам подсказать – иначе говоря, помочь. Мой визит носит абсолютно неофициальный характер. Я вот полистал ваши документы, мне понравилось. Правильно Нурбида Динмухамедовна говорила, вы – толковый работник. Я бы, например, был бы очень рад, если бы у меня появился такой помощник.

«Чтобы я связал свою жизнь с этой отвратительной СИСТЕМОЙ, да еще в подмастерья к этому Плоскому – ну уж нет... Шуткует, видать, Ленин Иванович». КГ решил пропустить мимо ушей последнее замечание:

– Так это Нурбида Динмухамедовна вас прислала? Очень даже интересно. – Сердце Бориса бешено забилося.

«Мерзавец, юбочник. Он забудет обо всех делах, лишь бы отхватить кусочек сладкого. Любитель клубнички, – подумал он. – А что, если я сейчас сдвину стол и прижму этого Плоского к стене? Сделаю его еще более плоским. Прижму стол ему к животу, язык у следователя по особо важным делам выпадет, рот откроется, он станет хрипеть, задыхаться... Когда-нибудь я обязательно это сделаю. Когда-нибудь... Обязательно. Но не сейчас. Он пришел сам. Ему что-то надо. Послушаем, зачем он пришел – не я к нему, а он ко мне, – что это ему вдруг понадобилось от бедного обвиняемого».

– Так вы хотите мне помочь? С какой статьи? Не нужна мне ваша помощь. Почему именно ВАША помощь? Себе помогите. Ведите свое расследование честно – это и будет лучшая помощь для меня. Честно. И этого вполне достаточно с вас.

– Знаете, Борис Илларионович, вы человек молодой и горячий. Я не обижаюсь на вас. Многого не знаете и поэтому ведете себя вызывающе. И таким вот неадекватным поведением усугубляете свое и без того нелегкое положение. Если бы вы сознались... Думаю, что чистосердечное признание и раскаяние еще может спасти вас.

– Ну так скажите, в чем меня обвиняют. Тогда я наконец сумею доказать, что я невиновен.

– Все обвиняемые без исключения, все, как один, говорят, что они невиновны.

– Вы предубеждены против меня, как и все другие?

– Нет, у меня нет предубеждения.

– Надеюсь, что это так. Спасибо вам за это, Ленин Иванович. А вот все остальные, как я понял, заранее уверены в моей виновности. Они влияют на мнение других и создают вокруг меня замкнутый круг подозрения и недоброжелательности. Поэтому-то мое положение все время ухудшается.

– Вы неправильно понимаете существо работы суда. Это так только говорится: «допрос». Допрос – то есть вопросы и ответы. Обвиняемому кажется, что мы выясняем обстоятельства дела, что-то узнаем, изучаем, направляем какие-то документы. Кажется. И обвиняемым, и адвокатам, и сторонним наблюдателям. Хотя, конечно, мы все это делаем. Но только для того, чтобы получше присмотреться к вам, ближе познакомиться, понять, кто вы есть на самом деле.

Мы никуда не спешим. Для начала просто изучаем вас. Причем это идет как на низшем уровне, то есть на моем, на уровне простого следователя по особо важным делам, так и на более высоких уровнях. Сколько таких уровней и где он, самый высокий уровень, я, например, не знаю. Изучаю только то, что мне предписано. Составляю отчеты, докладные. Они поступают в канцелярию и лежат там. Будет ли их изучать вышестоящее руководство, это никому не известно. Когда придет время принимать окончательное решение, могут испросить документ и ознакомиться. Повлияет ли он на исход дела или никак не повлияет, это нам, простым смертным, неизвестно. А могут и не испросить этого документа.

Я бы посоветовал вам иметь адвоката, а не пытаться заниматься защитой самому. Адвокат лучше представляет, как такие дела делаются. Хотя их возможности, я имею в виду адвокатов, тоже очень невелики.

Так вот, я изучаю только то, что мне предписано. А что рассматривают на других уровнях касаясь вас, это мне неизвестно. Никто мне этого не скажет. Да и встречаться со мной никто из высших судебных инстанций не станет, и говорить – тоже. И те документы, которые они рассматривают в ходе

судебного процесса, мне недоступны. Даже начальник канцелярии их не знает. Эти документы пронумерованы и названы, но хранятся в запечатанных портфелях в специальных ячейках. И вскрыть портфель может только исполнитель соответствующего уровня или вышестоящая инстанция.

Так что я не могу ответить на прямо поставленный и справедливый вопрос, в чем вас обвиняют. У меня есть поручения. Я их выполняю и дам отчет. Мой отчет может и не повлиять. Но заранее здесь ничего не известно. Не исключено, что и повлияет. Если вы, например, признаетесь в содеянном, это может в некоторых случаях спасти вас.

Я вижу, вы любите библейские притчи. Любите, хотя это и показалось мне странным, вы же пионером были, комсомольцем. Насколько я знаю, обсуждали даже вопрос о том, чтобы стать членом КПСС. Удивляетесь? Мы о многом осведомлены, стало быть. Но не в этом суть. О другом говорим. И малый поступок может спасти подчас. Хотите притчу? Не я придумал. Ваша любимая Библия. Мы тоже не лыком шиты.

Заболел мытарь Петр, и приблизился он к смерти. И было ему видение, что умер он и душа его предстала пред грозным Судией. С одной стороны весов стояли светлые Ангелы, с другой – страшные и бесчеловечные демоны. Демоны положили на чашу весов злые дела Петра, и чаша была переполнена ими. Ангелы же не имели ничего, что положить надлежало на противоположную чашу, ибо Петр не свершил никаких добрых дел. Тогда Ангел-Хранитель Петра сказал: «Нам действительно нечего положить на весы, разве только вот что – недавно Петр дал нищему хлеба, только чтобы отделаться от его назойливости, и нищий благодарил за это Бога». Положил Ангел данный Петром хлеб на весы – и эта чаша сразу перевесила все злые дела Петра. Демоны исчезли, а ангелы сказали Петру: «Иди, Петр, и прибавь к этому хлебу другие добрые дела, чтобы не взяли тебя бесы и не повели бы на вечную муку».

Так и у Федора Михайловича, Достоевского, я имею в виду, хоть мы, коммунисты, и не признаем его, притча есть о лу-

ковке, которая могла спасти злую бабу, кою черти бросили в огненное озеро. Покайтесь в малом, может, это и окажется луковкой, которая вас спасет. И не будьте вы строптивым, как та злющая бабища, а то и луковка не поможет вам. Малая толика раскаяния спасти может. И наоборот. Яростным своим сопротивлением вы только усугубляете вину. На горб терпеливого верблюда навьючили огромное количество поклажи, и он всё выдержал, но когда положили легчайшую соломинку – верблюд рухнул. Невесомая былинка может переломить хребет даже самому могучему верблуду. Нашему терпению тоже может наступить конец, учтите это.

Вот так и проходят наши дела. А захотите ли вы вникнуть в это и добросердечно помочь следствию, в конце концов, это ваше дело.

Разбирательство идет постепенно, шаг за шагом. И вот, в ходе разбирательства выявляются неясные вначале контуры приговора, а потом и сам приговор.

Я пришел к вам, чтобы помочь. Мы, работники СИСТЕМЫ, – единственные ваши друзья сейчас. Вы правильно сказали – все от вас отвернулись. Боятся быть рядом с вами, оказаться хоть в чем-то причастными к вашему делу. Ведь вы – прокаженный. Вы сами можете помочь себе, еще не поздно. Поможете себе, и мне тоже поможете. Я смогу наконец закрыть несколько висящих дел, и это повлияет на мое продвижение по службе.

– А если я не признаю себя виновным?

– Для вас это только хуже. Потому что мы все равно сумеем найти доказательства. Дело есть. Преступление есть. Обвиняемый тоже есть. Доказательства всегда найдутся. Вы же не святой, сами сказали. Так что доказательства – это дело техники.

– Как вы докажете то, чего не было и чего я не совершал?

– Зря вы так, Борис Илларионович. Я ведь добра вам желаю. А обстоятельства пока против вас. Давайте поговорим по существу. У меня есть несколько заявлений, вот их и разберем. Это не допрос. Я хотел бы, чтобы мы по-товарищески поговорили.

– Ну что же, валяйте, какие у вас заявления? Пока вы их прочтете, все обвинения против меня рассыплются в пыль. То есть я очень рад, что вы пришли сюда. Уверен, что мы минуту поговорим по существу и вы сами поймете, что все это не больше, чем недоразумение. И вам самому будет стыдно за то, что вы тратите на пустяки свое и мое время.

– Хорошо. Возьмем, к примеру, это, у меня есть заявление от гражданина Романова Николая Александровича.

– Вот это здорово! Сам император Всея Руси написал заявление. Его уже нет, императора того, а вы все еще разбираетесь. Сейчас восьмидесятые годы, вы забыли об этом, Ленин Иванович? Революция, гражданская война отгремела, Отечественная – тоже, а вы все еще занимаетесь этим делом. Похвально, похвально. Вот оно, стремление к истине и справедливости. Только какое это имеет отношение ко мне? Я родился в пятидесятые, никак не мог обидеть Николая Кровавого.

– Торопитесь с выводами, Борис Илларионович. Это случилось три недели назад. И Николай Александрович – гражданин Союза Советских Социалистических Республик, он жив, здоров, старше вас лет на десять всего, вот копия его паспорта. Он пишет, что во дворе своего дома на Кировском он оставил свой автомобиль марки «Чайка» ГАЗ-13, оснащенный особо дорогой радиаторной решеткой «Роллс-ройс» с фигуркой «Дух экстаза», символическим изображением богини Ники. Такого-то числа неизвестный на автомобиле «Волга» заезжал в этот двор и во время маневрирования задним ходом вступил в соприкосновение с а/м «Чайка», отчего отломилась фигурка с радиаторной решетки, и уехал, не сообщив о произошедшем ни владельцу, ни Госавтоинспекции. Камера наружного наблюдения зафиксировала номер автомобиля «Волга», принадлежащего вашему знакомому Мессереру Иосифу Давыдовичу. Общий ущерб составил столько-то. Изрядная цифра, кстати. Вот краткое содержание заявления. Ну и что вы на это скажете?

– Как вы все-таки умеете, Ленин Иванович, все исключительно замечательно изложить. Кто такой Николай Алек-

сандрович, понятия не имею. У меня нет собственного автомобиля, у меня даже прав нет. Сшиб эту замечательную фигуру – народное название «Элли в ночнушке» – кто-то на автомобиле Мессерера. Кто это был? Загадка века. Так трудно это определить. Хотите помощи? Может быть, это сам Мессерер и есть? Попробуйте поговорить с ним. И все благополучнейшим образом разрешится. Он человек не бедный, оплатит финтифлюшку «императору» – и делу конец. Где же здесь я?

– Вот вы опять горячитесь. Вы не знакомы с Иосифом Давыдовичем? Даже дружите – очень хорошо. Мог он вам дать автомобиль по доверенности? Покататься? Почему нет? Вполне мог.

– Мог, не мог – где эта доверенность?

– Нет ее. Вы ее благополучно уничтожили. А вот в нотариальной конторе на Старом Невском следы ее остались. Мы запросим и непременно получим из конторы именно то, что нам сейчас и нужно.

– Вы всё можете, вам, бравым ребятам, всё по плечу. Сейчас в журнале нет записи, а завтра она появится.

– Как с вами легко, Борис Илларионович! Вы всё схватываете на лету. Именно так. Завтра она появится. Может, уже появилась.

– Но остается одна загвоздка: меня там не было. Я не был в машине в этот момент. Это означает, что в машине был кто-то другой.

– Вот этот пустячок нам выяснить будет очень даже несложно. Пригласим-ка мы свидетеля, он как раз сидит в приемной. Пришел совсем случайно.

Ленин Иванович, ничтоже сумняшеся, нажал кнопку переговорного устройства и попросил секретаря пригласить свидетеля в кабинет Бориса Илларионовича.

Вошел отмытый бомж и преданно уставился на следователя Плоского.

– Ну вот, уважаемый, – Плоский заглянул в шпаргалку на столе, – Леонид Карлович, если я не ошибаюсь? Очень хоро-

шо. Скажите, где вы были вечером в среду три недели тому назад? Вы видели, как во дворе дома по Кировскому проспекту автомобиль «Волга» сшиб фигуру на радиаторной решетке автомобиля «Чайка»? Вы видели человека, сидящего за рулем «Волги»? Очень хорошо. Посмотрите внимательно, нет ли этого человека среди нас?

Бомж задумался, потом повернулся к Борису, показал на него пальцем и закричал:

– Вот он, это он, точно он! Мерзавец, это ты поломал дорогую машину и скрылся. Вот такие люди, именно из-за таких мы плохо живем...

– Достаточно, Леонид Карлович, – прервал его следователь. – Вы помогли следствию и выяснению истины. Можете идти. Посидите снаружи у входа в кабинет. Если потребуется, мы вас снова позовем. Идите.

Борис онемел. Он чувствовал себя так, будто его сразила молния.

– Вот видите, Борис Илларионович, как все просто, а вы ударились в несознанку. Тут не может быть ошибок. Ваш друг Иосиф Давыдович – он почти лысый, а потом, он в возрасте, а вы – совсем молодой мужчина, и вас никак нельзя перепутать. Предлагаю пока не обсуждать этот несущественный эпизод. Когда мы закончим разговор, я смогу вам кое-что предложить, что, несомненно, вас заинтересует.

– И вот такой ерундой вы надеетесь заманить меня в ловушку? Это даже не смешно. Просто полная чушь и ерунда. Притянута за уши. Каждому здравомыслящему человеку ясно, что я к этому не имею ровно никакого отношения. Это Иосиф Давыдович показал пальцем на меня? Не верю, не было этого, он человек, конечно, необязательный и ненадежный. Но не настолько. Кто, интересно, посоветовал вам выбрать именно меня в качестве козла отпущения? Может, эта восхитительная идея принадлежит незнакомому мне однокласснику несчастного злодея-императора?

Ну хорошо. Допустим, у вас на руках этот эпизод. Но это же не повод для ареста. Что еще есть у вас, следователь по осо-

бо важным делам, что еще вы нарыли против меня? Не из-за этой же ерунды вы сами, собственной персоной, наведались ко мне на работу. Или просто нужно галочку поставить, чтобы не лишиться дружбы восхитительной Нурбиды Динмухамедовны?

– Так, я вас не убедил. Ну тогда продолжим. Вот еще одно заявление. Из Свердловска. Некто Портнягин Александр Глебович пишет о том, что ему незаконно передали в собственность загородный дом (дачу) его дяди, Портнягина Валерия Валерьевича – возмездно и противу его желания. О чем был составлен документ, и право собственности на дачу было зарегистрировано и передано якобы ему. А он об этой передаче ничего не знал, денег не платил и подпись его под документом была бесовски подделана. А это, между прочим, статья УК, это не то, что просто заявление, бумажка никчемная.

– Не понял, чем же недоволен младший Портнягин? Получил безвозмездно дачу, – а в документах, как я понял, написано, что возмездно, – денег не платил. Чей же здесь был умысел?

– Вы задали сразу два вопроса: чем недоволен и чей здесь умысел? Могли бы спросить также, в чем здесь злой умысел, – и были бы абсолютно правы. Нам, опытным работникам СИСТЕМЫ, это совершенно очевидно. Объясняю. Портнягин, как вы изволили выразиться, младший, хотел бы получить в результате всю дачу целиком, так сказать, и имел виды на это. А дядя оформил на него три четверти дома, а одну четверть оставил себе. А так как младший Портнягин возражал, то оформил без его ведома. Может, и с ведома, но нам это неизвестно. Известно то, что младший Портнягин выражает протест, так как он не хотел бы иметь дядю в качестве совладельца, а документ, согласно его заявлению, он не подписывал и его подпись была подделана.

– А кому дача принадлежала до этого? Я понял, что дядя, Портнягину-старшему, и если бы дядя ничего не оформлял, то младший ничего бы и не получил. Где же злой умысел? Портнягин-младший был бы без ничего. А получив на дар-

мовщинку чужую собственность (три четверти дома) захотел получить всё и обвинил дядю, что тот поступил незаконно, подделав подпись, и решил избавиться от этого дяди. Правильно ли я понял? Может, он сам и подписывал, но, скажем, левой рукой, а теперь оспаривает эту подпись. Кто же здесь преступник? Лжесвидетельствующий младший или подделавший подпись (может, и не подделывавший) в благих целях старший? И, самое главное, при чем здесь Кулагин Борис Илларионович? Давайте закончим этот глупый разговор.

– Опять вы горячитесь. Горячитесь, горячитесь. Остыньте. Голова всегда должна быть холодной. Объясняю. Есть нарушение закона. Подделка документа, то есть покушение на мошенничество. Согласно заявлению. Для того чтобы проверить это, необходимо произвести графологическую экспертизу на соответствие подписи в документе и образцов подписи Портнягина-младшего. Так вот, сообщаю вам, Борис Илларионович, что если при первой экспертизе специалисты не смогли дать ответ, является ли эта подпись подписью Александра Глебовича, не могли дать ни положительный, ни отрицательный ответ, то повторная экспертиза была не в вашу пользу. Большинство экспертов сказала, что результат скорее отрицательный, эта подпись, видимо, была сделана не рукой Портнягина-младшего.

– Что-то я вас не пойму, Ленин Иванович, при чем здесь я? В Свердловске я никогда не был, Портнягиных не знаю – ни того, ни другого. Вообще ни с кем из них не знаком и ничего не слышал о них ранее. Что там за дом, какой он и где расположен – ничего из этого мне неизвестно. Какой здесь может быть мой интерес и в чем мог состоять умысел?

– Ах, какой вы наивный, Борис Илларионович. Вы не знаете. Почему вы думаете, что люди, стоящие на страже закона, должны быть такими же наивными, как вы, вернее, как вы делаете вид? Делаете вид. Потому что уж кто-кто, а уж вы-то никак не отличаетесь наивностью. Это ведь все понятно. Вначале одна четверть дома остается у Портнягина-старшего в результате этой хорошо продуманной и тщательно сплани-

рованной операции, а потом это имущество Валерий Валерьевич передает вам. Вот в чем ваш интерес. Поэтому вы и подделали подпись.

– И что, Портнягин-старший знает, что он должен передать мне эту одну четвертую, он вообще-то знает, что есть на свете Кулагин Борис Илларионович?

– Не знает – так узнает, вы с вашими способностями убедите его. А то, что вы якобы незнакомы с Портнягиными, – докажете, что ничего о них не знаете, попробуйте доказать, и быстро убедитесь в том, что не сможете этого сделать, нет у вас таких аргументов. Ваша защита рассыплется, как песок. Как дом, построенный на песке. Так что заинтересованность товарища Кулагина в этом деле очевидна даже для неподготовленного человека.

– Хорошо, тогда как вы докажете, что это именно я сфальсифицировал подпись этого вашего Глебыча, что ли, не помню точно, в общем, Портнягина-младшего?

– Не смешите меня, Борис Илларионович. Вы хотите, я снова позову Леонида Карловича? Он присутствовал, видел и зафиксировал в памяти как раз тот момент, когда вы подписывали этот документ за Портнягина. И не только он один. Ну так что, позвать Леонида Карловича? Нет, не надо? Хорошо, что уже не надо. У нас с вами наметился явный прогресс во взаимопонимании.

Товарищ Плоский опять нажал кнопку переговорного устройства и попросил секретаря сообщить посетителю, ожидающему приема у Бориса Илларионовича, что сегодня его услуги больше не потребуются и он может быть свободен, может идти, на охране его пропустят.

– Хороший спектакль, Ленин Иванович. Вам бы на Таганке работать, рядом с Любимовым и Высоцким. Спектакль получился вполне в духе эпического брехтовского театра. Вы меня изрядно позабавили. Но скажу вам честно – по большому счету, это не смешно. И вот такой ерундой вы изводите, не даете спокойно жить, арестовываете и судите ни в чем не повинных людей. У вас же нет на это никакого морального

права. А уж юридического – тем более. Если вам больше нечего сказать, думаю, мы оба можем с сознанием выполненного долга закончить нашу беседу. Передавайте мой привет Нурбиде Динмухамедовне. Очень жаль, что столь интересная женщина находится в полной зависимости от таких, как вы. Но знайте – когда-нибудь это закончится. И честные люди найдут управу на вас, и найдутся силы, способные разворошить ваше осиное гнездо.

– Умерьте свой пыл, мой юный друг. Я показал просто на двух примерах, как очень даже несложно найти изъяны в вашей биографии и подвести под нужную нам статью. Что касается заявлений... Таких заявлений у меня десятки и сотни. Но вы должны понять меня правильно. Я пришел не запугивать вас, пришел как друг. От души хотел бы помочь вам в той тяжелейшей ситуации, в которой вы оказались. Поверьте моему опыту: у вас еще есть шанс выпутаться из сложившейся вокруг вас неприятной ситуации. Я уже говорил: чистосердечное признание, вот что вам поможет. И раз уж вы цените мнение товарищ Ишкининой, то она тоже так считает. Мы можем, как мне кажется, все вместе еще замять этот вопрос.

Если вы хотите этого, приходите ко мне в ближайшее воскресенье. Сам товарищ Сокол изъявил желание встретиться с вами.

– Какой это Сокол?

– Мой непосредственный руководитель, начальник следственного отдела, товарищ Сокол Александр Архистрахович. Он получил очень хорошие рекомендации о вас от своего дальнего родственника, который работает вместе с вами в объединении «Базальт». Проявил интерес и хочет поговорить с вами без свидетелей. Правда, я не даю гарантий, что ваше дело решится. Мы не так много можем. Даже Александр Архистрахович. Но это шанс для вас, и надо обязательно им воспользоваться.

– О чем мне с ним разговаривать? О чем мне с вами разговаривать? Я понял, что все вы судите обо мне непредвзято и точно знаете, что я ни в чем не виноват. Но раз уж я попал

вам в лапы, то так просто вы никого не отпускаете. Будете играть как кошка с мышкой, пока не замучите до смерти. Был я в вашей канцелярии, видел, до чего доводите людей. Одно название чего стоит – комната «торжествующей истины».

Что хочет от меня ваш «гордый сокол»? Если вы все хотите денег, то передайте товарищу Соколу, что ничего такого никто из вас не дожидается. Я же просил Ньюру сказать вам об этом, может, она забыла? Или вы не приняли этого всерьез?

Мне было очень интересно познакомиться с вами, товарищ Плоский, и поговорить, так сказать, начистоту, можно даже сказать – по душам, вне вашей служебной обстановки. Спасибо вам за науку. Вы укрепили меня в мысли о том, что от вас всех надо держаться подальше. По своей воле я к вам больше не приду. Если вам надо, приводите силой. Только не забудьте оформить настоящий ордер на арест и санкцию прокурора. В вашей специальной судебной системе есть прокуратуры или в этом нет необходимости?

А сейчас я хотел бы заняться исполнением своих непосредственных служебных обязанностей. И так у нас с вами ушел битый час на эту ерунду. Освободите мой стол, Ленин Иванович. Очень надеюсь на то, что мы с вами больше никогда не увидимся. Ни с вами, ни с доблестным товарищем Соколом.

Борис подошел к переговорному устройству, нажал кнопку секретаря и распорядился:

– Сейчас к вам подойдет товарищ Плоский из специальной судебной системы, предназначенной для повсеместного поддержания социалистической законности и для выявления и наказания особо злостных нарушителей, вы понимаете, насколько это важно? Проводите его, пожалуйста, до проходной и проследите, чтобы он не заблудился и по ошибке не зашел еще в какое-нибудь подразделение. У нас все-таки секретное учреждение, и нам не нужно, чтобы посетители случайно забредали в режимные подразделения с высоким грифом секретности. Хочу предупредить. Ленин Иванович – большой жизнелюб, и боюсь, что ваши женские чары наверняка не

оставят его равнодушным. Надеюсь, вы понимаете, что в нашем учреждении он не имеет столь серьезных полномочий в отношении домогательств и получения услуг прекрасного пола, какие имеет в своем заслуживающем всякого уважения специальном ведомстве? Тем не менее будьте с ним все время настороже.

После этого Борис обратился к следователю:

– Рад, очень рад был познакомиться, Ленин Иванович. Желаю вам успехов и служебного роста. Уж кто-кто, а уж вы, безусловно, этого заслуживаете. Руку вам не подаю, это не нужно ни вам, ни тем более мне. Не могу вам сказать «до свидания» на прощанье. Надеюсь, что у нас свиданий не предвидится. Прощайте, Ленин Иванович. Извините, если что не так.

Все эти сердитые слова следователь Плоский выслушал очень спокойно. Встал и, проходя мимо Бориса, как бы невзначай положил пальцы руки Бориса на свою открытую ладонь. Некоторое время рассматривал их. Поднял голову и сказал, не отпуская руки КГ:

– Какие у вас ухоженные руки! Сразу видно, что вы занимаетесь собой и особо следите за состоянием ногтей. Вы понимаете, что будет с ними, если они побывают в музыкальных перчатках комнаты «торжествующей истины»? Ради бога, не подумайте, что я пугаю вас, мы давно уже не встречаемся в этой комнате с арестованными. Но, с другой стороны, нам это и не запрещено. Я ни на что не намекаю – просто подумайте о своих руках. Так вы отказываетесь прийти ко мне для проведения соответствующих процессуальных действий? Молчите... Подумайте хорошенько о нашем разговоре. Взвесьте все «за» и «против» и примите решение.

Отпустил руку КГ и бесшумно скользнул в щель двери, будто растаял.

«Наконец-то, ушел», – подумал Борис, прошел к своему столу и в изнеможении опустился в кресло.

11

В это утро КГ был почему-то в особо приподнятом настроении. Мысли о необозримой СИСТЕМЕ и о том, что какие-то ее механизмы, канцелярии, клерки и чиновники вздумали по неизвестной причине устроить над ним судилище, его почти не посещали. А когда он вспомнил об этом, то подумал, что именно тот самый и весьма неприятный факт, который состоит в том, что СИСТЕМА все время напоминает ему о своем существовании, подсовывая то соученицу Нюру, то нахала врача-неуча, пианиста-«органиста» и охранников, а то и самого следователя Плоского вместе с его начальником Соколом-Суперстраховичем, как раз и является самым слабым ее местом. СИСТЕМА не желает успокоиться и смириться с тем, что он, Борис, не может относиться серьезно к ее ужимкам и прыжкам и так умело старается дистанцироваться от всех ее проявлений. СИСТЕМУ это бесит. Потому что ей нужны покорные и испуганные, и тогда с этими бедными людьми она может делать все, что захочет, подавлять их, давить и плющить, превращать в толпы тех ожидающих, которых он видел в подвальной, можно даже сказать – в «подпольной» канцелярии. И вот это и есть самое слабое место СИСТЕМЫ. Чем меньше он будет обращать внимания на выходы этой дряхлой и бессильной СИСТЕМЫ, тем более бессмысленными станут ее злоба и попытки запугивания. И все у него теперь идет в самом что ни на есть нужном направлении. Непонятно только, почему пятно на его лбу не бледнеет, а наоборот, становится все более плотным и контрастным. Ничего, ничего, когда все разрешится, на пятно он, Борис, тоже сыщет управу. Сами приползут к нему на коленях, умолять будут, чтобы он разрешил им приложить к его пятну накладку с антидотом.

КГ зашел в приемную – взять у секретаря какую-то необходимую ему бумагу. Секретаря не было, но рядом с ее столом стоял Ивар Борисович и говорил по телефону. Увидев КГ, он прервался ненадолго, попросил Бориса задержаться и потом, завершив разговор, предложил обсудить совместно один служебный вопрос, который возник довольно дав-

но и требовал теперь самого безотлагательного решения. В подобных случаях Ивар Борисович всегда делал вид, что его отношение к КГ за последнее время ничуть не изменилось. Говорил спокойно, доверительно, внимательно выслушал объяснения Бориса, сделал несколько незначительных и вполне доброжелательных замечаний. КГ смутило только то, что замначальника отдела пресек все его попытки отвлечься от существа вопроса, – хотя, похоже, это было сделано без явного злого умысла – было очевидно, что товарищ Якобсон полностью вовлечен в свою готовность выслушать объяснения и предложения КГ, весь его вид выражал полную преданность делу, которому они оба, товарищ Якобсон и товарищ Кулагин, должны служить и уже служат.

Борис посчитал, что сейчас самый благоприятный момент изложить одно необычное деловое предложение, которое может произвести хорошее впечатление на замначальника отдела, и теперь, приступив к его объяснению, он почувствовал, что его несет каким-то могучим течением, он отдался ему и теперь уже никак не мог остановиться, настолько его увлекла собственная работа. Увлекла собственная работа? Нет, скорее обрадовало ощущение собственной уместности, своей причастности к большому общему делу, ощущение, в последнее время редко его посещавшее, что здесь, в «Базальте», он еще кое-что значит и мысли его настолько хороши, что служат полным оправданием факта его существования на этом свете. Он может защитить себя в отделе. И этот способ защиты на суде – собственная свежая мысль и изобретательность – может оказаться самым лучшим способом – лучше всех других способов защиты от нападок СИСТЕМЫ, лучше всех, что он уже опробовал или собирается опробовать. Что касается Якобсона, то нельзя оставлять его в убеждении, что с ним, Борисом, теперь все кончено, нельзя, чтобы он в этом убеждении сидел в своем кабинете, надо постоянно терзать его, не давать ему покоя. Ивар Борисович должен почаще узнавать, что КГ еще жив и может однажды поразить его своими необыкновенными способностями – они ведь есть у

него и куда не могут подеваться из-за этого суда, – пусть он, КГ, и кажется всем совершенно апатичным, безопасным и до конца выжатым.

Мысли Бориса разбегались. Похоже, он предоставил решение вопроса всецело в руки Ивара Борисовича. А может, и нет. Все получилось прескверно.

Борис увидел только, что замначальника развернулся и, ни слова не говоря, ушел в свой кабинет. КГ никак не мог вспомнить, что же все-таки произошло.

Возможно, обсуждение закончилось естественным образом, как тому и положено быть. Или товарищ Якобсон оборвал разговор – окончательно убедился, что КГ не слушал его, что мысли того были заняты какими-то посторонними вещами. Или ляпнул какую-то чушь. Может, ненароком обидел. Не исключено, что Борис предложил какое-то неудачное решение. Ивар Борисович при этом так повернул разговор, чтобы Борис согласился с еще более неудачным решением, воспользовался промахом КГ и поспешил запустить все механизмы, чтобы именно так дело и пошло и чтобы это в конечном счете навредило Борису и его репутации в НПО «Базальт». «Так, так, соберись, надо понять, что же все-таки случилось».

В этот момент раздался телефонный звонок. Никого в приемной не было, и Борис снял трубку. Звонил Нестор Арсентьевич, и именно ему:

– Не удивляйся, Борис. Это я, Нестор Арсентьевич. Романков моя фамилия, если забыл. Давно не слышались. Очень давно. Не виделись тоже. Не будем ничего по телефону обсуждать. Я в курсе всего. Откуда, откуда... видел тебя на Манежном. Ты не узнал меня, а я так прекрасненько узнал. Э-э, думаю, что это наш знакомый парнишка может делать здесь? Вначале матушка твоя звонила – так, мол, и так, выручай моего мальчика. Потом уже выяснил все от нужных людей, всю подноготную, так сказать. Хожу в баню кое с кем. С Мессерером Иосифом Давыдовичем. Со следователем Плоским. Еще с другими, с шишками поважнее. Ты их не знаешь. Да и не надо

бы тебе их знать. Меньше знаешь – лучше спать будешь, ха-ха. Что значит «решил ни с кем не обсуждать»? И не будем обсуждать. А поговорить все одно надо. Что, нам с тобой и поговорить не о чем? Вот то-то, на Кировском я живу, дом эмира Бухарского. Освободишься после работы – вот и зайдешь ко мне по-свойски. Сегодня, сегодня... Без всяких возражений, жду тебя. Всё, конец связи.

Борис растерянно положил трубку.

«Не понял, когда я видел Нестора на Манежном? Может, этот, псевдо-Николай который? Вроде того, что, судя по всему, Нестор этот должен быть сейчас в местах не столь отдаленных. Зачем мне этот Нестор? Решил же, что ни с кем больше о суде не говорю, от всех разговоров отказываюсь. Почему я согласился прийти? Надо было телефон взять. Сейчас позвонил бы и отказался, а теперь вроде обещал, человек ждать будет. Из лучших побуждений звонил. Хотя не очень-то верится в лучшие побуждения этого скользкого Романкова. Все равно, некрасиво получилось. С ним, с этим Нестором, тоже надо осторожно. Пообещаешь, не придешь – обидится и в отместку подкинет какие-нибудь проблемы. Может, уже подкинул, а сейчас сам же и предложит порешать все. Такой прием – сам подкидывает, сам и решает, мне неприятности, а ему – навар. Безотходная технология.

Никуда не денешься, придется разбираться. Надо было поговорить более обстоятельно, расспросить о деталях. А он врасплох застал. Всегда у меня после беседы с Иваром Борисовичем откуда-то берутся новые проблемы. Блондин, вроде, а для меня – «черный человек».

Опять в приемной появился Якобсон. «Что за способность такая, приходите в самый неподходящий момент?» Ивар Борисович насмешливо посмотрел на КГ:

– Снова пригласили на встречу и не сказали куда? Я же говорил вам, Борис Илларионович, еще в прошлый раз – возьмите и перезвоните. Знаю вас, вы деликатный. Наплюйте на деликатность, перезвоните и узнайте адрес. Или откажитесь от встречи. А лучше – не отказывайтесь. А то не пойдете, как тогда, в прошлый раз, а потом переживать станете. Тогда вы

и с нами не пошли, мероприятие пропустили, манкировали, так сказать, и то и другое. Когда еще такое будет, а получилось интересно. Важные люди были. Хотя что я вас учу? Это ваше дело. Ваше! – энергично закончил замначальника и выразительно посмотрел на пластырь над виском Бориса.

Посещение квартиры Нестора Арсентьевича прошло как во сне. Невозможно было поверить во все, что он увидел. Дом эмира Бухарского на Кировском. Второй этаж полностью выкуплен неким Николаем Александровичем Романовым – это тот, кого Борис видел на Манежном. Псевдо-Николай. Он и звонил. Он же и в прихожей встретил.

«Так-так, все совпадает – псевдо-Николай, он же Нестор, машина с радиаторной решеткой «Роллс-Ройса», заявление от Романова о сломанной «Элли в ночнушке», посещение конторы на Манежном – за дурака он, что ли, меня принимает? Правда, Плоский не сказал, что это они точно на меня повесят, может, и на другого кого повесят. Продемонстрировал на примере, так сказать, свою проницательность и необоримое могущество. Одна шайка-лейка, что тот Плоский, что этот праведник Нестор от Арсентия. Ну бесстыжие оба. Терпи, Борис, отольются кошке мышкины слезки. Будет и на твоей улице праздник».

Во дворе – знакомая «Чайка» с решеткой «Роллс-Ройса». Тот двор, что в заявлении описан. И машина из заявления. Только «Элли» восстановлена. Может, никто ее и не сшибал – как багажник «Волги» достанет до фигуры над капотом? Во дворе еще несколько автомобилей – дорожные иномарки: «Мерседес», «Крайслер», «Порше». У входа на лестницу – охрана ментовская, камеры наблюдения.

– Николай Александрович, а где же Нестор Арсентьевич?

– В колонии под Вологдой Нестор Арсентьевич. Отбывает наказание, бедолага. Нужные люди его там усердно отмечают. Он, кстати, там чемпион колонии по шахматам.

Раз в три месяца Николай Александрович сбивает бороду, надевает спортивный костюм, кроссовки, куртку – и в Вологду. Отметился, предстал пред светлые очи местного на-

чальства – и обратно, в дом эмира Бухарского. Ему надо работать. В его ведении, как и раньше, – наперсточники, шулеры, женские отряды, собирающие дань с гостей «Интуриста».

Внутри квартиры – благолепие, барочные интерьеры, махлаит, позолота, мрамор, филиал Русского музея, одним словом. Тронный зал. На тронном кресле инициалы славянской вязью – «Н.А.Р.» и рядом портрет Нестора Арсеньевича с бородой и в расшитом царском мундире.

– Люблю, чтобы красиво было, – говорит Нестор.

Что-то нереальное. Будто перенесся в параллельное пространство. Не может быть такого в Советском Союзе. Не может, конечно, не может. А вот же, есть оно. Можно посмотреть, руками потрогать. Цветет и пахнет Нестор Арсеньевич вместе с его подпольным, но, видимо, в какой-то степени легализованным бизнесом.

– Как ты все это делаешь, Нестор?

– «Если звезды зажигают на небе, значит это кому-нибудь нужно». Я сам для себя зажигаю звезды на небе.

Другой мир. Чудесные фантазии, сотканные из грез криминального мира. Золото, блеск, мишура. Игра в убитого императора Николая Кровавого, лицедейство, театр бутафории, показуха и помпезность. Для чего это? Какая от этого всего радость? Забитая, запуганная красавица-жена, безнадежно больной калека-ребенок. И море денег. Разве это и есть счастье?

– Итак, ты пришел. А я все сомневался – придешь, не придешь. Приступим, дружок, к твоим делам. Мы с тобой, чай, не чужие. Смекаешь?

Объятия, поцелуи.

– Давай снимай обувь, надевай домашние тапочки. Видишь, сколько их у меня – много людей приходит. Всем мой совет нужен, многим помощь требуется. А здесь, глянь-ка, – резные полы, венецианская штукатурка, вот и держу переодёв, вернее – переобув для гостей.

Ты хоть понимаешь, куда влип? – Нестор глазами показал на кусочек пластыря над виском Бориса. – Не понимаешь. Попробую объяснить.

Ты там будешь как слепой. Нужен человек, который вхож. Адвокат. Который там как рыба в воде. Сам не разберешься. А ничего не делать, ждать у моря погоды... Ты что, с ума сошел, что ли? Ничего хорошего не будет, поверь мне. Придут и уведут. И никто уже о тебе не узнает. Никогда. Адвокат разберется, что к чему, постарается направить дело в нужное русло.

Судя по твоим поступкам, ты СИСТЕМУ явно недооцениваешь. Никто не представляет, кто эти самые главные судьи в этой системе, сколько их, есть ли среди них самглавный судья. Где они находятся, где живут, может, и в горних высях. Только управу они имеют на всех и каждый, какой бы он главный чин ни был, все равно под ними ходит. Не то, что командуют всеми. Вроде и нет их. Живешь – не тужишь, кум королю, так сказать, ходишь тузом важным. Ан в один прекрасный день завели на тя дело. А чем кончится, как узнаешь? Для кого-то плохо и кончается. Никто ведь не знает приговора, – как, за что – а нет человека. То ли под колеса попал, как Машеров, кого-то зонтиком укололи.

Александр Первый – во фигура была! – самого Наполеона завалил, в Париж с войсками и казаками вошел, и раз – пропал в одночасье, пропал – и нет его. Кто мог забрать, что могли с ним сделать? И до него. А вот Ежов, карал, мучил, а ррраз – и не стало. Даже Сталин не знал, куда тот подевался. Да и с самим Иосифом Виссарионовичем – тоже дело темное. Сколько в истории неясного случалось, а это значит, они вмешались и изменили ход движения естественных процессов. Вот какова их сила. А ты – сам да сам. Или вдруг связываешься с этими Хазатами, Магаматами, тьфу, нечисть поганая... Зачем они тебе, это же не люди – звери, и язык у них звериный. Пропался «зверям», что ли? Не работаешь с ними? Ну и хорошо, молодец. А то я подумал – неужели... Надо на солидных людей опираться. Со связями и чтобы в авторитете были. Покрупнее тебя личности помощи искали и мечтали, как бы выйти сухими из этой застылой, мертвой воды.

Так, начнем сначала.

Адвокат. Он возвращается среди судей этой самой СИСТЕМЫ. Если адвокат займется твоим делом, он подготовит хода-

тайство. Это, мой друг, чрезвычайно важно. Первое впечатление, – произведет защита хорошее впечатление, или плохое, или никакого не произведет – вот как начнется, начало определяет ход всякого дела, особенно здесь. Правда, скажу тебе честно, бывает и так, что первые жалобы вообще не рассматриваются. Положат в дело, запечатают – и пылятся они в канцелярии. Если кто имеет выход на судей, так они тому заявляют: «Что нам ваши жалобы? Допросы и внимательные наблюдения за поведением обвиняемого – это для нас во сто раз важнее, и не отвлекайте нас по пустякам!» А если проситель настаивает, говорят, что первое ходатайство защиты будет рассмотрено перед принятием окончательного решения.

К сожалению, бывает и так – первую жалобу куда-нибудь закладывают или даже совсем теряют, а если и сохраняют, то, по дошедшим слухам, ее все равно никто не читает. Тебе кажется, что это несправедливо и обидно, но вполне может быть, что как раз это и есть справедливость, высокий полет справедливости. Дело в том, что всё разбирательство ведется негласно, ты это уже понял. Нет, если захотят, то вполне могут и гласно. Но, самое главное, их закон не предписывает гласности, то есть вообще не требует. Поэтому-то всяческие документы, судебные доказательства, протоколы заседаний, особенно обвинительный акт, ничего из этого недоступно – ни обвиняемому, ни защите. Вот они и думают, относительно чего направлять жалобу. Иногда даже смутно не представляют. И что получается в результате? Если что-то в жалобе и оказывается хоть как-то относящееся к делу, то это просто дело случая. По-настоящему отточенный документ может появиться существенно позже, по ходу следствия проскальзывают намеки, оговорки должностных лиц, появляются догадки по отдельным пунктам обвинения и становятся иногда понятными контуры их обоснования.

Ты скажешь, как в этих условиях вести защиту? И будешь прав – дело это невыгодное и крайне трудное. Причем делается все это намеренно. Суд защиту не признает, к себе не допускает. Только терпит. Мог бы и не терпеть. Это вопрос

спорный: можно ли найти хоть одну статью закона, которую можно было истолковать в духе такой вот терпимости: может, и нет такой статьи.

Кстати, чтобы ты знал: нет ни одного адвоката, которого признал бы этот суд. Получается, что они все нелегалы. Будто бы их и нет вообще. А вроде бы и есть. Все зависит от личных связей, которые могут все резко изменить. Вот так вот. С одной стороны – унижительное положение адвокатов. А с другой стороны, обвиняемый без адвоката вообще – ничто. Ты же был в подвале, видел этот сброд. Надеюсь, тебя минует эта чаша. Я все сделаю, чтобы это было именно так. Но тебе нужен адвокат, и необходимо, чтобы ты делал все, что я тебе рекомендую. Или он.

Защитников вообще хотят держать подальше от процессуальных вопросов, и вся ставка делается на обвиняемого – специально, чтобы лишить обвиняемого какой-либо защиты. Кстати, неплохая точка зрения. Но если кто-то из всего этого сделает вывод, что обвиняемым не нужны адвокаты, это было бы грубой ошибкой. Напротив. Ни в одном другом суде нет такой настоятельной необходимости адвокатской помощи. Дело в том, что судопроизводство является тайной не только для общественности, не только для правоохранителей, но даже и для парторганизаций всех уровней, но об этом предпочитают не распространяться. А уж для обвиняемых это тайна за семью печатями.

Разумеется, у всякой тайны есть возможные пределы. Возможные. Но их возможности кажутся мне иногда неограниченными. Обвиняемый не имеет доступа к судебным материалам, а делать вывод о них на основании тематики допросов – обвиняемый с этим никак не справится. Как правило, обвиняемый растерян, его отвлекает давление и презрительное отношение окружающих, ему докучают, у него тысяча других обстоятельств.

Хочешь сказать, что ты не растерян? Меня не проведешь. Ты ведь не хотел ко мне идти? Так, или я неправ? Прав, прав, не хотел. А все-таки пришел. Любой боится суда, у любого

возникают растерянность, неуверенность. Ты мне не говори. Подумай сам, сам себе и скажи, что Нестор, старый, добрый, тертый, опытный Нестор и на этот раз прав. Что ты растерян. Что ты не знаешь, кто тебя обвиняет. В чем тебя обвиняют. Чем это грозит. А грозит это очень даже... Вплоть... Да, да. Есть и высшая мера. Хотя об этом нигде не написано и не декларируется.

Всем хочется жить, даже драной кошке. Или мудрой вороне, без разницы. Но всех ждет наказание.

Наказание неминуемо. Оно притягивается к преступлениям и даже к дурным поступкам. Кажется, что кто-то конкретный исполнил это наказание. Это так. Но он просто исполнитель. Если бы не он – исполнил бы кто-то другой. Наказание, оно всегда происходит – закон природы.

В кухонное помещение, где пили чай и разговаривали Нестор с КГ, заскочила высокая статная женщина, жена Нестора, что-то прошептала ему на ухо. Тот нехотя вытащил из кармана несколько мятых денежных купюр, с сожалением передал их жене:

– Иди, Наташка, иди, не мешай, вишь, я с человеком серьезным занят.

Но Наталья, жена Нестора, совсем не торопилась уходить. Внимательно осмотрела гостя, будто увидела впервые, хотя их совсем недавно познакомили друг с другом, заметила наклейку на лбу, потом подошла к Борису и тихо сказала:

– Не слушайте никого, вы – самый лучший. – И неожиданно поцеловала в щеку. Выпрямилась и царственно покинула комнату.

«Ничего себе забитая, ничего себе запуганная», – подумал Борис.

Нестор с удивлением посмотрел на жену и погрозил ей вслед пальцем.

– Деньги, деньги, – с досадой сказал Нестор, когда жена ушла, – всем нужны деньги, ну что за люди! В магазин пошла, будь она неладна, сапоги, что ли, хочет купить, не понял я. Хоть бы не при людях просила. Позорит меня, будто

я семье денег не даю. Но ты, видно, приглянулся. Повод нашла, чтобы зайти.

О чем это мы? А, да, о наказании. Наказание притягивается к плохому поступку – закон всемирного наказания, ха-ха-ха, ничего звучит, как ты думаешь? Эта Наташка, она вообще-то смиренная, знает... А вот была до нее, года уж три тому. Фу-ты нуты. «Я встретила человека, с которым мне хорошо». Тьфу! Ушла к перспективному молодому партруботнику, что хорошего в партруботниках? Серость и зазнайство. Хотя, надо признать, страну они вот так держат. – И он показал крепко сжатый кулак. – Ушла и ушла, может, и к лучшему. Моя Наташка, ну что заходила сейчас, и моложе, и красивее, и характер у нее не злостный какой. Дите у нас, ты видел. А та по всему городу языком трепала. И парень ее, ума палата, – туда же. Нестор Арсентьевич такой, Нестор Арсентьевич сякой – и жмот, и мужчина никакой, стерлось у него все меж ног от тюремных бдений, и денег нет почти – одна видимость. Это обо мне-то так сказать! Да я часами кружусь без усталости над своей милой на брачном ложе. А на сходянке я краснеть должен, так, что ли, получается? Потому что слова как волны, расходятся кругами по всему городу. И что ты думаешь? Бог не фразер, бог все видит. Парнишка ее спортзал посещает, следит за собой, это молодец. Так вот, он в спортзале. А сзади подходят двое – неслабые пацаны из моего коллектива, сложили того пополам и в мягкое место – пером, пером, пером. Ущерб никакого для жизни, а больно и стыдно. И на людях два месяца появиться не мог. Понял тогда он, видать, что наказание неотвратимо. Теперь оба помалкивают.

Все боятся суда. Потому что наказание всегда идет вслед за каждым нашим поступком и даже мыслью.

Вот она, неизбежная причина растерянности. И тогда приходит на помощь защита.

Защиту на допросы не допускают. Стоят у входа, выпытывают, что да как. Узнать мало что получается. Но дельный человек, как везде, узнает больше других.

Самое важное – личные связи. В этом основная ценность защиты. Ты, наверное, сам уже убедился, что судебный ап-

парат на низших ступенях суда весьма несовершенен. Везде светятся щели и бреши – нерадивые и продажные чиновники – в этой замечательной и в целом совершенной системе.

В них, в эти щели, протискиваются адвокаты. Подслушивают, подкупают и даже могут выкрасть судебные акты. Хорошо бы выкрасть все дело целиком. Аппарат решит, что его испросили высшие инстанции. О нем даже могут забыть. На время. Мелкие адвокатишки любят выхваляться, рассказывать о своих необыкновенных успехах. Все это необходимо им для привлечения новой клиентуры. Но судебный процесс все равно таким образом не остановить. Это как старый паровоз. Медленно разгоняется. Пыхтит, пускает пар, скрежещет, раскачивается, свистит. Но когда он наберет скорость, его ничем не остановить. Временный успех дает совсем обратный результат. Только ухудшает положение обвиняемого.

По-настоящему ценными в таких делах являются только честные личные знакомства с высшими чиновниками, но предварительных, не самых высоких категорий. Потому что те, кто входит в высшие категории, уже говорил тебе о них, где они живут, работают, бывают – об этом никто не знает. Ни самые могущественные правоохранители, ни даже партэлита. В каких сферах, измерениях обретаются эти небожители, да и есть ли они вообще – никто не знает. Но их ценные указания и окончательные решения все равно добиваются каким-то образом до нас, простых смертных. – Нестор поднял глаза к небу, несколько раз истово перекрестился и вздохнул. – На них уже никак не повлияешь. А на тех, кто ниже, – можно. Вначале исподволь, а потом шаг за шагом – все более и более заметно.

Но это доступно лишь немногим адвокатам. Тебе, Борис, повезло. У меня есть такой человек. Из партийных боссов, был членом бюро обкома по юридической части. Все возможные связи, что возможно, – все есть. Устроил мне всю схему с колонией. И для многих моих сотоварищей. И мои контакты, ну знаешь, на Литейном... Зачем тебе это? Забудь. Сказал, чтобы ты понял и поверил. А так забудь – будто и не слышал ничего.

Короче, Истомин Валент Валентинович. Молодой, спортивный, активный, тебе он явно понравится. С незапятнанной репутацией. Сорок с небольшим – молодой. Но, пожалуй, только у двух-трех адвокатов такие связи.

Он не ходит в адвокатскую комнату в подвале на Манежном. Срамota это, а не комната. Спроси у Валента. Просто у него тесные связи со ВСЕМИ судебными чиновниками. Ему не надо идти в суд, околачиваться у дверей следователей, ловить случайное появление чиновников, распознавать их на строение, добиваться успеха, всегда кажущегося, а иногда и ничего не добиваться. Чиновники достаточно высокого ранга любят встречаться с адвокатами, с настоящими, серьезными адвокатами. Встречаются, чтобы развлечься, познакомиться с веселыми девушками – и такое тоже имеет место. Охотно делятся сведениями, обсуждают следующие этапы процесса. Иногда дают себя переубедить, принимают точку зрения адвоката. Правда, здесь им доверять не следует – отправляются после этого в зал заседаний и могут продиктовать прямо противоположное заключение для обвиняемого. Гораздо более суровое, чем было первоначально. А они вроде только что от него отказались.

Как обороняться против этого? Сказанное с глазу на глаз к делу не пришьешь. И устно сказать нельзя, можно испортить отношения с чиновником. А это надолго.

С другой стороны, они тоже люди, любят посмеяться, пошутить. И из одного только благорасположения или вовремя рассказанного хорошего анекдота могут полностью изменить свое решение.

Можно понять, почему чиновник связывается с защитой, разумеется – с защитой компетентной. Не из человеколюбия или в предположении собственной выгоды. Хотя, конечно, не без этого: все ведь люди, кушать всем хочется. И от услуг хорошеньких девушек с какой стати отказываться? В чем главный недостаток этой закрытой судебной системы? Полная секретность во всех делах. Это, конечно, в первую очередь достоинство. Суд остается много выше мирских дел. Чем выше

инстанция, тем труднее ее досягаемость. Но это и недостаток. Чиновнику не хватает связи с населением, с рабочими, крестьянами и трудовой интеллигенцией, с такими, как ты, или, к примеру, меня возьми. Я ведь тоже пролетарий интеллектуального труда, – сомневаешься, что ли? – не, не физического же. Все у этих судейских чиновников идет гладко в простых случаях. А вот в сложных случаях – твое дело как раз принадлежит к таким, усекаешь? – все идет очень медленно и со скрипом, и только потому, что у них нет понимания обычных человеческих взаимоотношений. А как сделать выводы, если ты не понимаешь, как устроена жизнь обвиняемого и людей его окружения?

Тогда-то они и приходят к адвокату – просят совета. Берут с собой протокол, который обычно хранится в тайне. Вот дома у Валента... У окна сидят эти суперважные товарищи, члены, кандидаты, чиновники высочайших рангов, вхожие и туда, и туда, сидят с грустным взглядом, смотрят на улицу, провожают с тоской круглый задок бойкой бабенки, а в это время – момент истины! – Валент Валентинович сидит за своим столом, глубоко вникает в документы, чтобы дать тщательно продуманный, обоснованный и так необходимый в этот момент разумный совет.

Нет, тебе самому не разобраться с этой напастью. И, если хочешь не увязнуть окончательно и бесповоротно, немедленно иди звони. Вот телефон. Скажешь, что от меня. Так бы он тебя ни за что не принял бы. А от меня примет. С богом, благословляю.

Нестор перекрестил Бориса и добавил:

– Не хочешь – не ходи. Как решишь. Твоя матушка знает: я плохого не посоветую.

Борис твердо решил держаться подальше от всего, что связано с его делом, подальше от людей, работающих с чиновниками СИСТЕМЫ или в самой СИСТЕМЕ. И даже не думать об этом. Встреча с псевдо-Николаем только укрепила его решимость. Он тепло попрощался с Нестором, а по поводу контактов с рекомендованным адвокатом отделался неопределенными замечаниями.

Вопрос только, зачем Нестору так нужно, чтобы он, Борис, еще глубже окупился во всю эту трясицу? Нестор и пальцем не пошевелит, если нет его прямого интереса. Вот он приезжал на Манежный. Вряд ли из-за КГ, наверное, просто заезжает иногда узнать новости, держит руку на пульсе. У него тоже контакты повыше, наверное, чем следователь Ленин Иванович. Может, тогда и узнал о деле Бориса. Хотя нет, ему ведь маман звонила еще до этого. А может, все-таки из-за Бориса заглянул в кабинеты СИСТЕМЫ, хотел узнать подробности. Встретился, к примеру, с Плоским, подсказал тому, как меня на конкретном деле попугать. А что касается «Элли», все уже восстановил, нашел, наверное, с кого снять ущерб в пятикратном размере. Вряд ли из-за «Элли» приезжал, это не компетенция СИСТЕМЫ. Плоский просто взял для примера. Нет, интерес у Нестора Арсентьевича есть, конечно, но он в чем-то другом. Неизвестно какой, но есть. Тем более, если я это понимаю, зачем мне самому лезть в его западню?

«Я от Ивара Борисовича ушел, от Нурбиды Динмухамедовны ушел, от Вагиновны ушел, от Вована с Димоном ушел, от Хамзата с Шамилем ушел, от «органиста» ушел, даже от Ленина Ивановича – и то ушел, а от тебя, серый волк, Нестор Арсентьевич, с твоими прозрачными обманками, и подавно уйду»

Вот в таком приподнятом настроении возвращался КГ домой после окончания интересного и в целом очень удачного трудового дня.

Ирина Ракша

Ирина Евгеньевна Ракша – москвичка в 4-м поколении. Родители служащие, агрономы. В 1967 г. окончила ВГИК (сценарный факультет), в 1974 – Литературный институт им. Горького (ВЛК). Писатель, кинодраматург, член Союза писателей СССР с 1969 г.. Член Союза журналистов СССР с 1967. Автор более 40 книг прозы (рассказы, повести, романы), в том числе переведенных на многие языки мира. Автор сценариев ряда игровых и документальных фильмов, таких, как «Верись – не верись», «Бабье лето», «Письмо», «Чукотка, летняя пора» и др. Лауреат многих литературных премий, в том числе: «Золотое перо России», им. С.Есенина, им. В.Шукшина, им.И.Бунина, «Золотой витязь», «Писатель года – 2014, 2015, 2016, 2017» и др.

С 1994 по 2004, будучи председателем приходского Совета, восстанавливает храм Рождества Богородицы в Бутырской слободе. С 1993 по 2002 – редактор отдела литературы и искусства журнала «Работница». Имеет государственные награды, в том числе медаль «За освоение целинных земель» (1956), орден «Дружба» (2008) – за достижения в области литературы и искусства. (Книги «Белый свет», «Далеко ли до Чукотки», «Избранное», «Всё, что было загадано» и др.)

Её именем в 1995 г. Российской Академией Наук (Институт Астрономии) названа планета Солнечной системы № 5083 – «ИРИНАРА», включённая в международные каталоги и карты Звездного неба (США, Массачусетс) и в «Книгу рекордов России» (2008). В 2015 г. удостоена звания академика Академии Российской словесности.

Внучка великой русской певицы начала XX века – Надежды Васильевны Плевицкой. (Роман «Шкатулка с секретом», «Мой путь с песней»). Вдова выдающегося советского художника Юрия Михайловича Ракши (литературные альбомы «Художник и Муза», «Живопись, графика. Кино» и пр., повесть «Сотри случайные черты» на Проза.ру).

Дочь, Анна Юрьевна Ракша (1965 – 2017) выпускница ВГИКа, внучка Мария Ракша – выпускница Института им. И.Сурикова.

А какой сегодня день?

Рассказ

Замерзшее ноябрьское солнце осторожно поднялось и удивленно и ласково оглядело белую землю. За ночь выпал снег и сделал все неузнаваемым. И поля, и станцию, и поселковую площадь перед клубом с вывеской «Дом культуры». А напротив, у магазина, на первом хрустком снежке толпились женщины. Стояли, сидели на завалинке – ждали ночного хлеба прямо из пекарни. Пришли в магазин загодя по белым прибранным улицам – посудачить, новости разузнать, да и свеженького, теплого хлеба взять.

Похаживают в теплых шалах, в непривычных, еще не притершихся валенках, ногами постукивают, сумки-кошелки в руках. Вдруг всполошились:

– Везут! Везут!

Голубой фургон с хлебом и правда катил все ближе по белой площади. Вот резко, круто затормозил под самыми окнами. Женщины шарахнулись:

– Вот Гришка – шальной!

Щелкнув дверцей, вниз лихо выпрыгнул шофер. И женщины вразной запели:

– Здравствуй, Гриш, здравствуй... Небось горяченький? Не остыл? Из пекарни?

– Привет, коли не шутишь, – Гришка с улыбочкой распахнул задние дверцы фургона. – А ну, бабоньки, налетай помогать. Кто скорее?

И те принялись помогать – буханки в деревянных подносах носить.

В магазине еще не топлено, сумрачно, холодно. По полкам, по старинке, поскольку магазин не бизнес-класса, а государственный, бюджетный, ткани разложены, куртки висят разноцветные, рядом кроссовки стоят, а бакалея справа – крупы, пряники. Продавец открыл на окнах железные ставни и нехотя пошел за прилавком, товар принимать.

А бабы, дыша белым морозным паром, одна за другой уже несли (кто в обнимку, кто на подносах) теплый, живой, родной хлеб-хлебушко. От машины, вверх по ступенькам – и в магазин. И в магазин. Скрипит снег, скрипят ступени, скрипят внутри крашенные половицы под валенками. На ходу балагурят, смеются:

– Ты глянь-ка, глянь, Кузьмовна-то сколько подхватила! Эй! Не лопни, кума! Не надорвись!

А та, маленькая, в клетчатой шали, еле протиснулась в дверь с буханками, будто с охапкой дров. Понесла на прилавок стопку чуть не выше головы – продавца загородила.

– Андреич, слышь, Андреич? – заглянула в просвет меж буханок. – Дело у меня к тебе. – По сторонам глянула и тише: – Сноху мою, молодуху, к себе не пристройшь? Таньку. Чего ей дома баклуши бить. Пристрой, а?

Продавца было не видно, только жилистая рука с карандашом ползала по бумажке.

– Пристрой, ради Бога. На станцию ее жалко, чернорабочей-то посылать, холодно в зиму. Не рожала она ещё, молодая и городская, – шептала Кузьмовна. – Охота где потеплее.

За буханками было тихо, потом раздалось:

– А в сети-то она работала?

– Да нет, – огорчалась Кузьмовна. – На заводе она была ученицей. – Но добавила живо: – С десятилеткой она, с аттестатом. А как же... Ученая.

– Таких учёных у нас вон полна дискотека. Всё прыгают, прыгают...

Верхние буханки продавец снял. Они гулко стукнулись о деревянную полку. Лицо у продавца было постное, безучастное, он шевелил губами – товар считал по накладным, сейчас ему не до чего было. Наконец промямлил:

– Мне не надо. А в частный сектор её не возьмут. Там везде все свои. Семейный подряд... Вон к Лизавете лучше сходи, в кафе, на станцию. Уж там куда как теплее.

Кузьмовна поджала губы и пошла молча к выходу. И хлеб больше носить не стала, чего зря стараться. Села на завалинку, в очередь – ждать, пока всё примут, обдумывать положение.

И тут к магазину, звеня сбруей, фыркающая от мороза, галопом подкатила рыжая лошадевка, видно впервые после осени запряженная в сани. Еще на ходу на снег соскочила Лиза, Лизавета, станционная буфетчица, – приехала тоже хлеб получать. Королевой стоит у фургона, как сахарная, полушалак белый, ажурный, шубка белая. Смеется, бумажку Гришке сует:

– На-ка, распишись, Шумахер... тридцать буханок.

Он было руки к ней потянул радостно. А она:

– И не тронь, чумазый! Не марай! А то как ляпну промеж глаз-то...

Подхватила с лотка, понесла к саням своим первые ароматные кирпичи. Крикнула всем весело:

– А ну, бабоньки, помогай! Чего встали?! Чего смотрите?

Но бабы ни с места, носы в сторону. А одна с укором:

– Ну как же. Ты мужиков наших приваживать будешь да спаивать, а мы тебе помогай? Ишь ты, язва какая!

Лиза хохочет, укладывает парной, душистый хлеб на свежую солому в сани:

– А ты его привяжи к юбке, красавица. Чтоб не сбёг. Ты в зеркало-то на себя давно глядела?

И Гришка-шофер зубоскалит:

– Да вырвется. От такой жинки как не вырваться?

Лизавета порхает от саней к фургону, считает вслух:

– Одиннадцать... четырнадцать...

Подошла Кузьмовна и так ей ласково:

– Давай-ка, Лиза, подсоблю. Давай, кормилица. Не надрывайся.

– Вот спасибо. – Щеки у Лизы-блондинки румяные, зубы белые. – Вот спасибо за сознательность.

Кузьмовна сочувствует на ходу:

– Чего сама хлеб-то возишь? Нешто положено тебе, заведующей, самой надрываться? И в буфете, и по базам, и тут?

– Ой, и не говори, – вздыхает Лизка. – Третью подсобницу меняю. То в декрет уходит, то не сработались – с гонором. Торговля ведь дело тонкое.

И тут Кузьмовна остановилась в обхват с буханками:

– Слышь, Лиз. А ты сноху мою возьми. Таньку. Девка – золото. И покладистая, и шустрая. Прямо огонь.

Лиза сразу посерьезнела, солидно села на край саней:

– Это та, что ль, маленькая? Что Витька из города привез? После службы?

– Она, она, – обрадовалась Кузьмовна. – Из Томска, он там ведь служил. Ну и склеились, и привез вот к матери в дом. Я, конечно, не против. Но разь я всех на пенсию прокормлю? Правда, его вроде дальнобойщиком берут.

Лиза подбила желтую солому под себя с боков, в руки вожжи взяла, лукаво на Гришку-шофёра глянула:

– Гринь, взять, что ли, девку к себе? – И Кузьмовне: – Ты буханки-то клади, клади. И ещё пять штук осталось. А ты, Гринь, в магазин сходи, пусть дед распишется в накладной.

Кузьмовна услужливо притащила ещё пять буханок. Торопливо сложила. Уж больно ей хотелось пристроить сноху свою к делу.

Но Лизка дернула вожжи, и сани поплыли от Кузьмовны, потекли, словно вода из рук. Лошадь сразу двинулась ходко: вид первого снега тревожил ее. Кузьмовна расстроилась. Но Лизка все же оглянулась, задорно крикнула издали:

– Ладно, пусть завтра с утра заходит! Погляжу на неё!

Над поселком разливался голубой рассвет и в домах уже горели ранние теплые окна, когда Таня подошла к станционному буфету. Но не со стороны платформы, с вокзала, а со станционной площади, с тыла, с подсобного входа.

Всю дорогу она бежала из Заречья по спящим улицам, боясь опоздать. Но у запертой двери на пороге пока лежал легкий снежок, нетронутый, мягкий, и вся мощная улица и деревянные тротуары были белы и чисты. Как в праздник. Таня уселась на ступеньки – ждать.

Вон и фонари, и те, что вдали, и у вокзала погасли. А хозяйки всё нет и нет. Таня ждет, волнуется, как-то пройдет этот первый её рабочий день, что расскажет она вечером мужу, свекрови. Ведь который уж месяц сидит без работы. Дома в городе к такому она не привыкла. С утра – на завод – как часы. Таня думала и чертила варёжкой на ступеньке «Витя плюс Таня» – уж очень она любила своего новобрачного Витеньку, гвардии старшину. Так и не заметила, как подошла Лиза, оглядела ее согнутую фигурку, тёмную челку из-под платка и по-хозяйски поднялась, протопала к своим дверям, чуть на варёжку не наступила. Таня вскочила:

– Здрасьте! А я как раз вас жду.

– Здорово, коль не шутишь, – усмехнулась сверху Лиза, доставая из-за пазухи ключи, и, щелкнув замком, со звоном откинула длинную щеколду. – Ну, заходи, заходи, помощница.

И вот уже посреди пустого буфета Таня застилала столики голубыми клеенками. Взмахнет над столом клеёночкой, как ковром-самолетом, потом расправит, разгладит ладошками. По центру солонку поставит, горчицу.

– А Витюшка мой ничего и не знает, – говорит она Лизе весело. – Бог даст, из маршрута вернется сегодня, а я, пожалуйста, тут как тут. Уже с работы иду. Вот удивится.

– А что ж, верно, нечего на мужиков надеяться. Хоть и замужем, а о себе самой надо думать. Нынче время суровое. И мужик пошел гнилой, хлипкий. – Лизина голова в сахарной наколке на пышных волосах то появляется над стойкой, то исчезает: хозяйка за прилавком разбирает продукты. – И вообще, девушке надо при деле быть. А то нынче шляются по земле без дела, и все со своими хотелками, с гитарами, смартфонами-телефонами. И всё им сразу подай. Угомон не берет. А потом дети сиротами растут. В интернатах. – И горько вздохнула: – Я тоже дурой была по молодости. Влюбилась. В одного такого трепача вляпалась. В альфонса. И Толечку родила.

За окном встает солнце. На стеклах цветет розовый иней. И бумажные кружева на полках с продуктами становятся розами. И бумажные салфетки в стаканах, красиво разложенные Таней, тоже словно цветут. И такая благодать вокруг, что душа у Тани поет. В буфете чисто, уютно, потрескивают дрова в печи и пахнет как-то особенно: хлебом, свежемолотыми муками, тушеной капустой, сосисками.

Таня ставит греть воду, режет свежий, ещё теплый хлеб, порой гладит ладошкой буханки. Так и хочется поцеловать их в румяные щечки. Говорит из подсобки громко:

– А я на заводе в стаканном цеху ученицей была. Красота, конечно. Все звенит, крутится, только успевай вертеться. И зарплата вполне подходящая.

– Ну это ты зря. Денег много никогда не бывает: – Лиза её слушает и не слушает, взвешивает товар – открывать скоро. Народ повалит.

А Таня уже подносит ей стопку тарелок:

– Вообще-то мне жить везде интересно, мы с Витей сперва чуть в Заполярье не двинулись. У него в части сослуживец оттуда был. Чукча. Очень звал. Вездеходы по тундре водить. Там и яранги бесплатные, и надбавки северные. А рыба и оленина вообще даром. Мне интересно, конечно. Но Витечка мой упрямый. «Домой да домой, говорит. Тут, мол, и мать, и хозяйство, колодец свой. Даже любимый пёс его ждал. – У нее

мечтательные глаза. – И вообще, как говорит мой Витечка, надо жить с полным КПД. Верно ведь?

– Ох, детсад. С КПД не жить надо, с КПД надо денежки зарабатывать. Как теперь говорят молодые? Надо «бабло рубить». Не слыхала? – Лиза качает своей пышной прической. – Мой сынишка Толечка и то умнее тебя. – И подает Тане белый передник: – На-ка вот, сегодня мой надень, униформа, потом свой сошьешь. – Улыбается: – И чтоб с полным КПД, ясно? А то живо от ворот поворот. У меня не заржавеет.

В зале буфеталюдно и уже душно. По стеклам течет. Кругом пассажиры – гомон, разноголосица... Таня живо ходит меж столиков, на поднос собирает посуду грязную, вилки-ложки-стаканы. Вот и Гришка-шофер пришел, ест винегрет, у него тут свой интерес. Он всё на стойку пялится. Но Лизы ему не видно, только ее сахарная наколка мелькает порой поверх голов и звонкий голос доносится:

– Котлеты – одни, сметана – одна, хлеб – триста. Следующий!

Таня сметает со столиков мусор, собирает тарелки, ходит, как Лиза, гордо поглядывая вокруг. Что ж, работа хорошая, и в тепле. Вот с мороза ввалились в буфет деповские девчата в рабочих, ярких, как апельсин, робах. Запахло бензином, шпалами, смазкой. Гремят в углу водой из-под крана, моют свои чёрные рабочие руки, занимают целых три столика, одну сразу в очередь посылают.

А Таня уже шурует в печи кочергой, слушает их грубоватые голоса. И к ним у нее почему-то особое уважение, даже почтение. У них и профессия, и зарплата, и опыт, а главное – судьба. И кажутся ей эти двадцатилетние очень взрослыми и на зависть самостоятельными.

Посуду со столов Таня носила и на кухню, и в подсобку. В обед в подсобке горы посуды. Только мыть успеваешь – и сразу же белые, чистые стопки обратно в зал, к Лизе за стойку. А та ей шепотом, почти сердито:

– Ты больно-то не размывай там, чистюля. Не дома ведь. Не в больнице.

Народ к ней и правда буквально ломится, валит, особенно когда местные электрички приходят.

Вода из крана бежит в мойку. Таня берет стакан, моет под струей, ставит на чистый поднос. Приноровились уже, и получается ловко, как на заводе поточная линия, Звенит крышкой чайник, звенят стаканы, а Таня как в вальсе: берет – раз, моет – два, ставит – три. Раз, два, три. Раз, два, три.

Иногда, стуча босоножками, забегает Лиза. То к плите кинется, то в холодильник нырнет. То в СВЧ что-то разогревает. На ходу живо спросит: – Ну как КПД у нас, девушка?

И Таня в тон ей, весело:

– Как в стаканном цеху!

А по радио идёт производственная гимнастика. Эту старую-старую передачу у них в посёлке недавно возобновили. По просьбам жителей. И правильно. А то у кого работа сидячая, например за компьютером, – хоть плачь. Костенеет всё.

– «Встаньте прямо, поднимите руки на уровне плеч. – Таня тоже взмахивает руками, они у нее по локоть мокры. – Упражнение начали, и... раз-два-три, раз-два-три...»

Ну вот, значит, скоро обед. Уже и день деньской клонится. За белым морозным окном проехал из города синий рейсовый автобус, пробежали ребята с портфелями. Вторая смена. За вокзалом простучал товарняк на восток.

Иногда через открытую дверь Таня смотрит в зал на Лизу, любитесь, как та ловко орудует у стойки. Народу к ней не убывает: и шоферы, и транзитные пассажиры, и сцешники. И все – Лиза да Лиза! Всем нужна Лиза, и все к ней с почтением. А она как Хозяйка медной горы, порой стоит почти не двигаясь, только руки, как птицы, порхают, от стойки к витрине, от витрины к полкам, к весам, потом к бочке с пивом. Сережки вздрагивают, пальчики с маникюром по счётной панельке живо щелкают.

– Три бутерброда, треска, два пива. Все? Сто девяносто. Сдачи – мелочи нету, Готовьте мелочь заранее. – Купюры в ящик кидает, а на сдачу ириску бросила. – Следующий!

В подсобке Таня чистит овощи, свеклу, картошку, уже третьё ведро с утра.

– А что я придумала! – говорит она Лизе, та наспех ест винегрет столовой ложкой прямо из полного бака. – Давай шторы на окна повесим, голубенькие такие. Я такой матерьяльчик в универсаме видела. В цветочек. Недорого. Могу сама сшить, хочешь? Красиво будет. Я у свекрови все шторы-подушки обшила. Я и вязать могу. – Тане очень хочется ей понравиться. Устроиться наконец, поработать. А тут и в тепле, и дела привычные.

Лиза жуёт, устало глядя в окно:

– Делать тебе, что ли, нечего? Я и так не чаю, как отсюда свалить, вырваться. – У нее прямо ложка из рук валится от усталости.

«Нехорошо это, конечно, прямо из общего бака, – думает Таня, наливая ей чаю в стакан. – Но ведь и поесть-то ей толком некогда». А скажешь – обидится.

Лиза вздыхает:

– Есть у меня одна мечта, девонька. Голубая мечта. Я хоть и без мужика пока, но мечтаю развернуться. Открыть свой собственный салон красоты. Бизнес-леди буду. Предпринимателем. И все местные бабы-начальницы будут ко мне в очереди сидеть. – Вздыхает: – Только на раскрутку надо бабла накопить. А тут разве накопишь? Тут так, гроши. Потому и мечтаю в вагон-ресторан устроиться. Вот дельце одно проверну – и сдам эту точку к чертовой матери. Надоело. – Из зала доносятся шум. У стойки ждет очередь, но Лиза туда и глядеть не хочет: – Думаешь, мне нравится улыбаться тут каждому? Думаешь, нравится? А надо. Деньги нужны. Вон Гришка-шофер на зиму дров подкинул? Подкинул. Значит – плати. Или же спи с ним. А мне на что он нужен? Вонючий? Завмаг моего Толечку в интернат устроил? Устроил. Опять плати. – И голос вдруг потеплел: – В первый класс пошел мой Толечка. Палочки пишет, нолики. – Она помолчала и опять уверенно, твёрдо так: – И хоть я мать-одиночка, а Толю-сыночка выучу! Расшибусь, а выучу. Он у меня еще ученым будет. Профессором. И особняк построю, не хуже Пугачихи. – Стоит Лизавета, из бака машинально ест винегрет столовой ложкой, а в гла-

зах такая тоска и что-то своё, далёкое, слёзное. Таня еще не видела ее такой.

– А вы бы замуж шли. Вы вон какая красавица. Любой возьмёт. Ещё выбирать будете.

Лиза усмехается горько:

– Господи, да за кого у нас тут замуж-то выходить? За Гришку-водилу, что ли, голь перекатную? – В сердцах бросила ложку в бак с винегретом. – А солидные люди в администрации давно все женатые. Дворцы-хоромы себе с женами строят. И вообще, все непьющие, порядочные, кто при власти или в бизнесе, давно разобраны. А отбивать да на скандалы, на разводы нарываться неохота. Всё это мы уже проходили... – Вздохнула. – Мне, голубка, сейчас для разбега нужен вагон-ресторан. Дальнего следования. «СВ». С цветами, абажурчиками. Да с «клиентами» пожирней. Вот я жизнь и налажу. Я всё же не дура. Свой бизнес открою. Салон красоты.

И опять пошла в зал, и опять громкое раздалось:

– Сосиски – одни! Хлеба – триста. Винегрет один... Тань! Чай там у нас вскипел? – Костяшками маникюра пощелкала по кнопочкам цифр и на сдачу ириску в блюдец бросила. – Следующий!

Чайник с кипятком ведерный, белой эмали. Прихватив тряпкой, Таня тащит его двумя руками. Уже шестой сегодня выпивают. Это сколько же люди пьют за сутки? Говорят, по два литра надо. Ну а сколько, например, по району? Или по области? А по Сибири? По всей стране? Ой-а-а... реки. Енисей-Лена! Вспомнила, читала где-то, придёт время – и вода дороже золота будет. Слава Богу, у них во дворе свой колодец. Ещё её Витюшка с покойным свёкром вырыли. Вода как слеза.

– А я говорю, мне сдача нужна. – Это у прилавка упрямится гражданка проезжая. В шляпке, в очках, из транзитных. Не хочет ириску брать.

Лиза расстраивается.

– Ну сколько раз объяснять, гражданочка, – потрясла перед ней пустым блюдцем. – Нету мелочи, видите, нету. – И вторую ириску ей бросила.

Сзади торопят:

– Ладно, дамочка, отходи. Нам на поезд.

– А нам на смену. – Тянут через головы деньги: – Лиза, нам пять пива!

А дамочка как приросла, упрямится:

– Я сдачи жду. Принципиально. – И глядит в упор сквозь очки.

«Бывают же люди такие! – Таня взгромодила чайник на табурет. – Дались ей эти копеечные десятки!» И вдруг она увидела внизу тарелку, полную-полную мелочи, под прилавком, на полочке.

– Лиза! Лиза! – Чуть чайник не сковырнула. – Да вот же они! Вот. – И достала скорей – мелочь громко брякнула.

Пассажирка усмехнулась ехидно: «Вот, вот. Это и требовалось доказать. Продавцы, они все ловкачи. Оттуда и хоромы у каждой растут, из мелочи этой!» А Лиза померкла вся, зло взглянула на помощницу:

– А кто тебя просил убирать, прятать? – И отвернулась: – Так, вот вам, гражданочка, ваша сдача. Следующий!

Таня мяла тряпку в руках. Не знала, куда деваться от осуждающих взглядов очереди. Постояла еще и молча пошла в подсобку.

Из репродуктора над ее головой диктор звонко вещал: «Дорогие друзья, дорогие слушатели! А вы помните, какой сегодня день? И для тех, кто ответит на этот вопрос, мы начинаем концерт по заявкам. Да, да, по заявкам наших доблестных воинов, артиллеристов и ракетчиков!...»

– И никогда не лезь в мои дела, – Лиза спокойно раскупоривала консервы на табуретке. – И к стойке вообще больше не подходи. А то первый и последний день тут. Поняла? – Сережки ее сердито дрожали. – А то я без тебя не знаю, где что у меня стоит.

Таня застыла как мертвая, машинально моет стаканы в ритме печального вальса. Раз, два, три – раз, два, три. Думает: «А может. Лиза и права? Не надо в чужие дела соваться».

А по радио давняя знакомая песня звучит, очень она Татьяна нравится. Она ещё в школе в хоре её пела. Правда, только припев:

Поле, русское по-о-оле,
Я, как и ты, ожиданием живу.
Верю молчанию, как обещаю...

А день за окном уже меркнет. И уже фонари над улицей качают желтый, печальный свет. И где-то вдали, у депо, перекликаются на запасных путях маневровые.

Таня собирала со столов в таз солонки, горчицу. Стаскивала запачканные клеенки. Рабочий день кончился. Но с улицы всё равно то и дело стучали, дергали. Звякал крючок на двери.

– Мне на базе шепнули: ревизия скоро. – Не обращая внимания на стук, Лиза «снимала остатки». – Надо будет все подготовить, чтоб комар носа не подточил. – Скинув босоножки, она по стремянке залезла на стойку (ножки красивые, стройные) и выше – к буфетным полкам. Считала там банки, коробки с печеньем и вафлями. И шоколад «Шармель». А ещё бутылки красного, краснодарского. – Ты чего молчишь-то? Обиделась, что ли, из-за мелочи? – Усмехнулась. – Ну и дурочка. Из-за каждой ерунды дуться... Нет, девушка. Так нельзя. Надо легче на все смотреть, веселей. А то долго в торговле не наработаешь. Особо если всё к сердцу брать. Я раньше тоже душой была. Да поняла: веселому всегда легче жить.

А в дверь опять постучали.

– Может, открыть? – спросила Таня.

– Да ну их, алкоголиков, к черту. У нас рабочий день кончился. Весь КПД вышел. Небось, как всегда, недопили. – И крикнула на весь зал: – Закрыто! Закрыто! – и Тане: – Так. Записывай. Крымское красное, «Таврида», двадцать четыре бутылки по ноль семьдесят пять. И «Массандра» ещё, и коньяк «Коктебель». И посмотри там в винной раскладке, почём он... Нынче из Крыма три сорта поставили. Это ж когда раньше такое было? А всё санкции... А вот цифр не помню. Прямо голова кругом с арифметикой этой... (А стук всё продолжался). Слушай, а вдруг это нужный кто бьётся? Ну-ка, поди открой. Посмотри.

И Таня побежала, живо железный крючок скинула. Задвижку дернула.

В клубах пара ввалился квадратный заснеженный дядька в промерзшем брезенте. Загудел:

– Что, Лизавета, рано в праздник закрылась? – Он потопал на месте, и комья снега с плеч и с ног полетели на пол, зашипели на печке.

Лиза обрадовалась:

– Ой, Петр Иванович! Вот радость-то! – И скорей со стремянки слезла. – А какой такой день сегодня? Какой праздник-то?

Он обиженно засопел, вылезая из своего твердого, как короб, плаща:

– Эх, девки вы, девки! Молодые, необразованные. Больно быстро всё забываете. А ведь ещё недавно ноябрь 19 числа называли гордо – День артиллерии. И ещё добавок был – «и ракетных войск»! Вся страна салютовала, праздновала. Не только города-герои. Так-то вот.

– Ой! Точно, мне бабушка говорила, – вставила Таня. – После октябрьских, День артиллерии был!

Он оглянулся и увидел новую помощницу, аккуратную такую девчонку, с челочкой, в белом фартуке похожую на школьницу. Молча повесил у двери гремящий плащ и по-хозяйски пошел в пустой зал, сразу такой домашний, в вязаной душегрейке и в серых валенках-катанках.

В подсобке Лиза срочно достала из холодильника начатые пол-литра водки. «Беленькой».

– Видала? Тоже ухажер явился – не запылится! Только этот как раз вовремя. На ловца и зверь бежит. Бывший наш начальник станции, Да и сейчас депутатствует. – Она сразу повеселела. – Вот так в каждый праздник сюда приходит. Явится и сидит, сидит, размышляет. Жена у него мегера. Сроду выпить не даст, говорит – печень его бережет. А сын у него в Москве. Тоже шишка. И внуки уж есть. Но он – чудик, к сыну не едет. Говорит: «Сибирь свою и на Париж не сменяю»... А что тут хорошего? Дыра и дыра. Международный даже пролетает без остановки. – Она раскупорила бутылку, отерла

салфеточкой. – Ты колбаски давай нарежь и сыру свежего. Да потоньше, покрасивей разложи.

Он молча сидел в пустом зале среди голых столов, на которые сверху кое-где уже подняты были стулья, и смотрел, как за окном в свете ближнего фонаря то кружится, то косо падает желтый снег.

– Чего ж редко заходите к нам, Петр Иванович? Или мы мелкие? Не по штату вам? – Лиза подплыла к нему прямо лебёдушкой: на тарелочке и стакан беленькой, и закуска – огурчики, свежий хлебушек.

И он очнулся от мыслей:

– Дела всё, Лиза, дела разные. – Расстегнул душегрейку. – Вот и сейчас я к тебе прямо с актива. К зиме в регионе дел снова по горло. И дороги, и свалка, и детсад, А главное – с самостроем борьба. У реки братья Ахмедовы опять рвутся землю под дачи присвоить. Ну тоже... пришлось покричать, подсказать, выступить.

Лиза присела напротив него, оперлась на красивые белые локти:

– А чего вам беспокоиться, Петр Иванович? Как говорится, вы на заслуженном отдыхе. И большой человек. В почёте. Вы своё отработали. Сидели бы дома у телевизора. Вон сколько новостей нынче всюду, не успеваешь следить. – И стаканчик, тарелку подвинула. – Как здоровье-то, печень-то как, не тревожит?

– Да ерунда. Не берёт, Лиза, меня зараза. Я ведь солдат – калач тёртый. – Помолчал и со значением, серьезно так поднял стакан. – Ну что, красавица? С праздником, за артиллерию нашу. Не забывай девятнадцатое число!

И она подхватила:

– А и правда! С праздничком, с праздничком, Петр Иванович! У нас молодёжь в праздники тоже палит на улице. Китайские фейерверки понакупят – и ну стрелять-пулять, по улицам, по огородам... Только скотину пугают. А то, глядишь, и дом подожгут. Вон недавно в Талице от этой их «артиллерии» пожар был...

Но про Талицу гость слушать не стал:

– Новых ракетных войск, Лиза, я, конечно, не знаю, Больно уж круто, мощно они теперь повылазили. Я шляпу, конечно, за это снимаю. А вот старую артиллерию по Афгану я знал хорошо... – Он шумно выдохнул и залпом выпил.

Лиза обернулась, крикнула Тане:

– Ну долго ты там возиться будешь? Неси давай, неси.

Он похрустел огурчиком:

– Опять новенькая, что ль? Больно часто ты их меняешь... Ну и как, ничего?

– А кто знает, – пожала плечами Лиза. – Новый сапог по первости всегда жмёт...

– Жмёт, да притирается. Уж про сапоги-то я, дорогуша, всё знаю. Набегался. Понатёр пятки.

Он был седоват. Прост лицом. Добродушно открыт. И, видать, по возрасту прозорлив. Смотрел, как спешит к ним в фартучке новенькая с чаем, с тарелкой и как горячий стакан жжет ей пальцы. Улыбнулся:

– Садись, посиди с нами, красавица. Праздник ведь нынче.

Но Лиза тут же перебила, отослала помощницу:

– Иди, иди. Нечего ей тут рассиживать. Еще клеёнки не мыты. А вы ешьте, Пётр Иванович, закусывайте. У меня всегда всё свеженькое. Вон соседи-то наши, лужковские, какой маз-дам варить научились. Без санкций-то. Я только у них и беру.

Он произнес машинально:

– Да, сыр хороший, от импортного не отличишь. – И всё смотрел в окно, где под фонарем уже валил в треугольнике желтого света косо летящий, как золотистый, снег.

– А как же, Пётр Иванович, всё стараешься, стараешься, – уже по-новому заговорила, словно запела, Лиза. – Сами знаете, я на точке этой уж пятый год. И без жалоб. Одни похвалы да грамоты. Только с этого сыт не будешь... Хотя тут надорвись. Тут ведь и в ночь-полночь стучат, и днем не присядешь... И все хочешь как лучше. Как лучше, – вздохнула мечтательно. – Вот шторы хочу для уюту сшить, голубенькие такие. Уже и ткань присмотрела, в цветочек.

Он сидел благодушный, добрый, чуть разомлевший от выпитого.

– Да. Люблю я тут у тебя посидеть, Лизавета. Тихо, спокойно так, в своё удовольствие. А главное, на тебя посмотреть. Ты для меня вроде как живая картинка. Из прошлого. Как фотография вроде. Очень уж ты похожа на одну... – И осёкся. Хрипловатый голос смолк в пустом зале. – Ну, хочешь я честно тебе признаюсь?

Но Лиза не хотела признаний, сразу же перебила:

– Нет-нет, Пётр Иванович, не надо. Вы лучше пейте, отдыхайте. – Ни к чему ей были всяческие его откровения и признания. Стаканчик подвинула. – Я сейчас еще подолью. А можно и кофейку заварить для бодрости. Мне с базы завезли. «Эгоист» называется.

А он как не слышит:

– Я, Лиза, в молодости Афган весь прошел. «От звонка до звонка». Лейтенантиком был. командовал. Попал туда необстрелянным. А кругом и в горах, и в селах – «духи», душманы. Вообще-то духи боялись нас. Но и уважали. А как-то, под Кандагаром это было, в ущелье Карасук, вот в такую же зиму, в метель, да в пылюку ихнюю (аж песок на зубах скрипит) сделали мы бросок. Поскольку разведка нас успокоила. А мы транспорт тогда перегоняли, колонной шли. Идём, значит, в свете фар, кругом ни зги не видать... Только лучи наши пляшут. Ну и растянулись... И представляешь, тут как раз и накрыли нас духи в ущелье. Хитро сработали. Сперва головной бэтээр наш подбили, колонну остановили. А потом и последний грохнули... В общем, как говорится, в клещи нас взяли. Врасплох. И пошла тут плясать мясорубка. Бой, крики, атака. – Он вертел в ладонях стакан.

Но Лизе... Лизе сейчас было совсем не до этих воспоминаний, не до всей этой лирики. Она перебила вкрадчиво, заговорила:

– Вообще-то у меня, Петр Иванович, есть к вам один вопросик. – Она заглядывала ему в лицо. – На базе мне один человек посоветовал место работы сменить. На время, конечно.

В вагон-ресторан устроиться, дальнего следования. Пока сын-ко в интернате... Как думаете, стоит?

Он отставил стакан, помолчал:

– А кто на этой точке будет? Кого сюда-то ставить?

– Ой, да полно сейчас молодых. Вон хоть бы даже и Татьяну, новенькую. Она городская, молодая, грамотная.

– А чего это ты так вдруг?

Она обиделась даже:

– Совсем не вдруг. У нас каждый член общества может карьерно расти. А я единица бюджетная, права имею. В книге отзывов одни благодарности. И с планом порядок, за четвертый квартал гоню. Так что право имею на личный карьерный рост... В системе нашей дороги, конечно. Участка нашего.

Он покивал:

– На рост все право имеют. – Но вдруг озабочился: – А как с личной жизнью-то у тебя?

– Ой! – Она рассмеялась. – Какая уж тут личная? Вся личная моя на общество тратится. – И серьезней добавила: – А в управление с прежней работы характеристики требуют. По стандарту. По старинке, с подписью... Я набросала там кой-чего про себя на листочке, чтоб вас не затруднять.

– Набросала, значит? – повторил он и поглядел в окно. За окном уже совсем не было видно фонаря, и желтоватый снег почти залепил стекла. – А ведь сегодня, Лиза, мой праздник, мой день артиллерии. Сегодня всегда салют гремел во всех городах-героях. И у нас гремело, в Афгане под Кандагаром... И в ущелье Карасу гремело, да так гремело... И нынче надо бы залпы там дать нашим. За всех убитых, что там легли...

Лиза молча пошла в подсобку. Господи, как же она устала от всего этого, как надоело всё. И вообще, зря она ему второй стакан налила. Она сняла накрахмаленную наколку с волос, на полку бросила. С красивого лица стерлась улыбка:

– Ох уж эти мне пенсионеры! Уже слушать невмочь. Тошно. – Достала початую бутылку: – Ладно, ещё налью. Бог терпел и нам велел. А то улетит без меня заветный мой вагон-ресторан. Ковер-самолет мой голубенький.

Таня молча, в ритме вальса, перетирала и ставила вымытые тарелки, стаканы. Раз-два-три. Раз-два-три.

– Это ведь один человечек мне умный совет дал. Проси, говорит, Лиза, характеристику именно у него. Он депутат, он при власти. Сразу в гору пойдешь. На ноги встанешь.

Щедрой рукой она отрезала колбасы. – А ты, Татьяна, если хочешь, иди домой. Я сама тут управлюсь. Только печку закрой. И не забудь задвижку проверить, а то угореть недолго.

Петр Иванович опять машинально возил стакан по столу:

– Мне ведь, Лиза, что, думаешь, выпивка эта нужна? Нет... Я ведь, если по совести, сюда поглядеть на тебя хожу.

Лиза не сдержалась, усмехнулась лукаво:

– Ох вы и озорник, Петр Иванович. Чего на меня глядеть-то? – Но всё же украдкой довольно подмигнула вошедшей в зал Тане: вот, мол, дает старик. Сто лет в обед, а туда же. – А зачем глядеть-то вам на меня? Не поздновато ли?.. У вас и жена исправная. И сын в столице, и детки его, внуки ваши, наследники подрастают. А вы туда же.

Но старик покраснел даже. Вспылил горячо:

– Да я совсем не про то, дурочка! Тоже мне, чего удумала! Я ведь что сказать-то хотел?.. Уж больно ты лицом похожа на одну мою знакомую... – И тише: – Вот я гляжу на тебя, и порой душа замирает – ну она и она. А как вспомню всё – кровь в жилах стынет... – И добавил: – А без нее мне, Лиза, там, в Афгане, просто не было света... Она в бригаде у нас была фельдшером.

А Лиза своё:

– Да ты закусывай, Иванович, а то захмелеешь и про просьбу мою забудешь.

Таня, присев, распахнула кочергой дверцу горячей печки. Красные отсветы пламени заплесали у неё по щекам. А гость продолжал:

– Да погоди, дай рассказать. Так вот, значит, тогда в ущелье-то Карасу снег вот так же начал валить. А она, голубка моя, в последней БМП была. Боевая машина пехоты. Я её туда сам отослал, думал, там безопаснее будет. Но духи как раз в метель-то и взяли нас в клещи. И такой бой начался,

такие атаки мы отбивали, прям мясорубка кровавая... А помогла-таки нам артиллерия, всё в дыму, как в Крыму. И так до рассвета почти. Пока вторая батарея не подспела. – Он умолк, вспоминая что-то до боли живое и страшное. – И вот наконец, Лиза, я вырвался, Лиза, и побежал в конец колонны, к последней машине... И, веришь сердцу? Она ещё жива была. Жива, голубка моя. В кювете лежала. На шинели её туда оттащили. Только кровью уже хрипела. Лицо белое-белое. И всё улыбалась мне, улыбалась. И волосы её светлые, вот как твои, мне на руки упали... – Он смотрел перед собой невидящим взглядом: – А главное, Лиза, была она уже на пятом месяце. Всё в тыл никак не хотела ехать. «Боюсь, – говорит, – я тебя одного оставить. И без тебя, говорит, там боюсь оставаться»... Эх, Лиза, Лиза. А до конца войны-то, до вывода наших войск всего три месяца оставалось.

У Тани словно перехватило дыхание. Она замерла на короточках у печи. Стало слышно, как дрова, сгорая внутри, потрескивают, как живые, и осыпаются. А Лиза тотчас быстренько встала и торопливо так пошла в подсобку, бумагу искать и ручку. А как же – лирика лирикой, а дело есть дело. Может, и момента такого удобного больше не подвернется. Как говорят, куй железо, пока горячо.

Не подняв головы, он слушал, как простучали её каблочки, как она скрылась за скрипнувшей дверью. Помедлил. Потом выложил из кармана деньги и, тяжело поднявшись, двинулся к выходу. Лишь повторил на ходу тихо:

– А была она, голубка моя, на пятом месяце...

Одеваясь, у дверей, не сразу смог попасть в рукава оттаявшего плаща.

И в напряженной тишине опять стало слышно, как горячие угли в печи, шурша, падают и падают в поддувало.

А Лиза уже выскочила в зал с бумагой в руках:

– Да куда ж вы, Петр Иванович?! Куда вы?!

Но он распахнул дверь и, скрипя ступенями, молча ушел в белый мороз. Растворился. Словно его и не было.

Лиза стояла растерянная, даже испуганная:

– Господи, с чего это он? – Посмотрела на деньги, потом на помощницу, сидящую у печи: – Слушай, может, это ты ему чего-то сказала? Про меня, может, чего?

Таня молчала с красным от жара лицом.

И Лиза испугалась всерьёз. Крикнула:

– Отвечай! Ты что ему тут сказала? Почему он ушел?!

Таня упрямо глядела в печь. И вечный огонь отсветами плясал по её щекам.

– Я тебя спрашиваю! – подскочила Лиза. – Что ты ему тут сказала?

Таня поднялась и, глядя мимо неё в пустой зал, который она сегодня видела таким разным: и радостным, и шумным, и многолюдным, – спокойно произнесла:

– Я ему сказала, чтоб он не писал тебе ничего. Никогда ничего не писал. – И пошла одеваться.

Ноябрьская ночь была тихая, звездная. Белые крыши привокзальных домов с зажженными окнами сияли празднично, по-новогоднему. Словно вспоминали истории собственной жизни. Блестела под лунным светом дорога, уже укатанная за день колесами и санями. И по этой дороге, по морозцу, бежала домой в Заречье девушка Таня, к свекрови и к мужу. Бежала с легким сердцем и чистой душой... Почему-то без грусти, без сожаления. А даже радостно. Вот и кончился ее первый рабочий день, День артиллерии. И ракетных войск.

Земляничная поляна

Новелла

Мы возвращались с реки краем леса. Усталые и довольные, хотя ничего не поймали. Толик молча шагал рядом, топая по низкой траве маленькими босыми ногами. Длинную самодельную удочку он бережно нес на плече. Своим концом

она порой цеплялась за красные, освещенные закатом сосновые стволы, вершины которых рвались в небо.

У нас было тихое, блаженное настроение. Мягкий розовый воздух струился меж просторных сосен, теплым туманцем путался в кустах. Ветра не было, и вверху темные сосновые кроны молчали. Мы подходили к опушке, деревья расступались, редели, и над нашими головами, меж хвойных лап, все ширилось вечернее тихое небо.

– Слышите-ка? – сказал мальчик и замер.

Я остановилась.

Где-то совсем рядом, в деревне, сердитый женский голос кричал: «Нюрка! А ну, марш домой! Корова не доена!» А еще ближе, за кустами, возле огородов, где тихо паслись две трудяги-лошадки, отчетливо слышались их усталые, утробные вздохи и пощипыванье травы. Какие ж они красавицы, хоть и рабочие, деревенские! Как бережно они переступают, касаются травы мягкими губами!

– Что, лошади в ночном? – спросила я.

– Не-е-е, – протянул Толик, – вы слушайте, слушайте. – И запрокинул голову.

Я тоже посмотрела в небо. Оно было по-вечернему зеленоватое, мирное, с редкими перистыми полупрозрачными облаками.

– Ну? Теперь-то слышите? – спросил мальчик.

И действительно, где-то в непостижимой выси слышалось тихое, настойчивое гудение. А вот меж светлых облаков сверкнула и сама стальная игла – самолет, и пошла прошивать длинным белым хвостом, как нитью, голубую ткань неба.

– Опять реактивный испытывают, – солидно пояснил он. – А есть которые поля опрыскивают. У нас недавно один по капусте летал. По свёкле. Низко-низко. Я сам летчика видел... – И добавил: – И он меня тоже.

Но вот стволы расступились, остановились за нашими спинами. Впереди, до огородов, которые ровными рядками кудрявой картошки убегали к избам, зеленела широкая полоса травы. Здесь росло много земляники с редкими

звездочками белых ромашек. Я наклонилась и рукой раздвинула траву.

– Не-е, не тут ищите. Тут лошади все стоптали. Вон туда идемте, – предложил Толя. – Я покажу.

Он хозяйский внук. Но живет с отцом и матерью по соседству. В избе его бабушки, которую за бойкий характер все тут зовут «Чапай», мы, три московские студентки, снимаем комнату. И не снимаем даже, а просто живём уже с месяц. Поскольку вузовских первокурсников в сентябре всегда посылают в село, «на картошку». Помогать крестьянам. Посылают на сбор урожая или же на прополку. И вот мы, будущие, даст Бог, артистки, три кокетливые юные горожанки – эстонка, грузинка и я, коренная москвичка, русская – сидим теперь в Калужской области, в селе Ахлебинино на берегу неспешной реки Оки. И мы не «на картошке», а «на свекле». Но важно не это. Важно, что мы старательно пропалываем свеклу, уничтожаем, освобождаем от сорняков её очень красивые мясистые листья и торчащие внизу из земли бордовые клубни, которые раньше видели только дома на кухне. Целый день мы торчим на солнцепёке, вдали от деревни, в раздольном, почти до горизонта, поле. Сидя на корточках или склоняясь и уткнувшись носами в землю (а попой, конечно, вверх) мы «гоним норму», ведём по пять рядков каждая. Впервые в жизни боремся за урожай. И, конечно, ужас как устаём! Всё это у нас впервые. И молодые ноги и руки впервые в жизни так гудят от усталости. И спина, кажется, вот-вот разломится. И окостеневшие, все в грязи пальцы, когда-то знавшие маникюр, почти ничего не чувствуют. И всё это ещё и внаклонку, и до липкого пота, ползущего по лицу, и до потемнения в глазах. И так каждый день, по-крестьянски, с утра до заката. Но зато в обед под палящим солнцем по пыльной мягкой дороге к нам регулярно приходит сама Чапай, наш бригадир. Она нас любит, по-матерински жалеет. Хотя спуска и не даёт. Приходит со свёртком еды и большой баклажкой свежей воды из колодца. О-о! Какая же это радость в обед – сидеть, отдыхать на обочине. Или, поев и откинувшись навзничь, молча смо-

треть в голубое бездонное небо! Вот так бы всегда. Мир и небо! И ничего больше... А Чапай всё подшучивает над нами, всё смеется; «Ну чо, девки? Чо, «артистки народные»? Узнали теперь, как булки растут на деревьях? А свекла в полюшке?» Но потом она, не признавая «блата», всё же проходуется меж рядами и строго проверяет нашу работу – не пропускаем ли мы, городские неженки, среди бордовых свекольных листьев зелёных злых сорняков...

А вечером после работы у нас наслаждение – пойти на Оку и искупаться в прохладных струях у ближней переправы. Издали, наверно, очень красиво: три юных грации с разных концов земли – блондинка, брюнетка, шатенка – не спеша раздеваются, скидывая на траву кофты и сарафанчики. А потом вдруг бегут, весело кидаются в воду и, не заплывая вдаль, шумно плещутся возле парома. Там по вечерам ни машин нет, ни подвод, ни мотоциклов. Зато купаться – одно удовольствие. И дом рукой подать, и дно тут чудо, и берег песчаный. И песок под ступнями нежный и золотой, отборный.

А ещё я полюбила вечерами вот так пройтись вдоль села со своим дружком Толиком – по сосновому берегу, с удочкой. Правда, улова почти не бывает. Так только, пара окуньков, пескарей для кошки. Зато хвоей надышишься вдоволь. А Толик – мальчонка трепетный, милосердный. И очень любит животных. Хозяйство у них полно скота и всякой живности. И любит он всех. А мелких особенно. От ужа и до ежа, от котенка до козлёнка. Вечно всех кормит, лечит, ласкает. «Видать, подастся в ветеринары. И с Богом», – пророчит его бабка Чапай. А я Толика особенно понимаю, за это именно и люблю. Сама в детстве мечтала зверей лечить. Сказал же классик кому-то когда-то: «Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю животных».

...И вот мы с Толиком на закате бродим меж крайних сосен. Часто нагибаемся, рвем душистые красные ягоды земляники. Нагретые за день солнцем, они в ладони тёплые, как живые.

Но постепенно начинает смеркаться. Прозрачный белый туман рождается над землей. Да и ягоды в траве различать

уже трудно. Я хочу сказать мальчику, шуршащему где-то рядом, что пора бы идти домой, но натыкаюсь на небольшой холмик, сплошь поросший кустиками земляники. Зову:

– Иди скорей сюда. Смотри тут сколько.

Мальчуган появляется из-за куста. В сумерках его старенькая серая рубашка кажется торжественно белой. Он опирается на удочку, но почему-то молчит и не подходит.

– Ну иди же, – зову я. И раздвигаю звездочки редких ромашек и зелень. – Смотри, как много.

Но он не двигается. Наконец, решившись, говорит:

– Вы уйдите оттуда. Не лезьте... Мы вообще тут не рвем. Это Сашкина могила.

– Сашкина могила? – Я подхожу к мальчику. – Я не знала.

Тот протягивает мне в своей маленькой ладошке пригоршню ягод:

– Нате вот, ешьте. Гляжу, вы их сильно любите. А мы-то наелись.

Я беру ягоды, и мы неспешно, обходя сосны, выходим из леса.

– Какого это Сашки могила? – спрашиваю я.

– Лёзина, – охотно отвечает мальчик. – Только его давно уже тут закопали. Еще в войну. Он с немцем в шашки играл.

– В шашки?

– Ага, в шашки играл. – Толя оживляется. – Видите, во-он их дом. – Он машет рукой куда-то вперед, где в конце огорода на фоне заката темнеют силуэты изб. – Так у них, у Лёзиных, немцы тогда стояли. Фашисты. – Добавляет скороговоркой: – У нас тоже стояли. Тогда у всех тут стояли... Только меня тогда ещё не было... Ну и немец один очень весёлый был. Всё на губной гармошке играл. А потом нашел у них в доме шашки. И стал заставлять Сашку играть.

– Кого заставлял играть, Сашку?

– Ну да, Сашку. А он не умел. А немец все ржал, всё смеялся над ним и заставлял. Очень ему нравилось, как Сашка проигрывал и из-за этого чуть не ревел. А тот ему: «Потому, – говорит, – ты проигрываешь, что ты русский, дурак и свинья».

Мы уже шагали по огородной меже, вдоль картофельного ряда. Выпала крупная, холодная роса. Босые ноги Толика были мокры. И брючишки до колен промокли и потемнели. Но он бодро шагал впереди меня и говорил с интересом:

– ...А он был совсем не дурак. Он нарочно по ночам стал ходить к паромщику и шашки с собой тайно носил в коробке. И доску. Играть у него учился.

Помолчал, потом сказал с гордостью:

– Не боялся вот. Каждый раз ночью за два километра к дальней заимке ходил. А тогда ночью опасно было ходить. Сразу стреляли. И вешали. Чапай говорит: нашего деда на воротах повесили... Мы, говорит, тогда, не приведи Господь, все тут под немцами были. Оккупация. (Свою бабушку, как и все деревенские, он тоже звал – Чапай).

– Ну и что потом? – спросила я.

– Ну что, что? Научился... да так научился, что обыграл немца. Тот удивился, конечно, напился и опять играть заставил. И еще проиграл. И опять заставил. В общем, до-о-олго они играли. И не один день. И немец все проигрывал, и проигрывал. Ну и, конечно, злился. – Толик остановился и повернул ко мне светлое впотьмах личико: – А потом проиграл и как рывкнет: «Все равно, – говорит, – ты свинья русская и дурак!» И убил Сашку.

– Как убил? – онемела я.

– Не знаю как, – вздохнул он. – Только не застрелил. А размахнулся и голову ему изо всех сил доской проломил. Пробил доской шахматной. – Он пошел дальше, говоря на ходу: – Это евонная бабка всегда моей так рассказывает. Сядет и всё говорит, говорит. И всё одно и то же всегда. Говорит, раскроил, изверг пьяный, всю голову ему, родимую. До кровищи. Всю головушку... Она ночью тогда его мертвого и оттащила туда и закопала. – И махнул рукой в сторону леса: – Чтоб Сашка чужим не достался.

Мы уже почти подошли к избам. Я спросила:

– А большой он был, Сашка?

– Большой, – отозвался он. – Как я. – И добавил: – Я в шашки тоже играю. Я даже в шахматы уже научился.

В окнах соседней избы зажегся свет. Потом там же скрипнула дверь, и на крыльце появилась фигура.

– Мамка! – ахнул Толя и присел: – Щас шуметь будет, что поздно... Боится, чтоб я не утоп.

Он протянул мне удочку, шепотом попросил:

– Спрячьте её у Чапая. А то мамка опять сломает. Крючка потом не достать.

Я взяла удочку. И Толя, пригибаясь, с трудом, но бережно перешагивая через высокую зелень картошки, заспешил к дому.

А я подумала: «Хорошо, что он знает про Сашку, что помнит. Такое надо бы всем нам и знать, и помнить».

Скоро его светлая рубашонка растаяла за оградой. А в окошках нашей избы, у Чапая, зажегся свет. Это меня уже ждали к ужину. Но почему-то спешить не хотелось.

Вокруг разливалась на диво тёплая тишь. За рекой мерно гудел самолет – по темному небу над лесом и над рекой плыл красной точкой его сигнал. А внизу, среди сосен, неспешно бродили лошади, мягко забирали губами вместе с травой сладкую землянику.

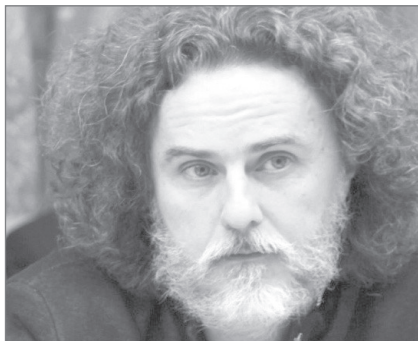
Современная поэзия

Российский
колокол

Олег Ефимов

Олег Владимирович Ефимов, живет в Москве.

«В 1996 году окончил Литературный институт имени Горького, в 1998 принят в Союз писателей, Московская писательская организация. Одновременно с 1991 по 1996 учился на вечернем отделении Свято-Тихоновского православного богословского института.

С 1996 года – на церковно-общественной и творческой работе, связанной с жизнью Москвы и России. Из основных послушаний за последние 20 лет можно выделить нижеследующие.

В 2005 году по благословению митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (ныне Его Святейшества, Святейшего Патриарха) назначен ответственным секретарем Всемирного Русского Народного Собора, являлся представителем ВРНС в ЭКОСОС ООН в Нью-Йорке и Женеве, выступал создателем и главным редактором официального сайта ВРНС, трудился на данном посту до 21 июня 2012 год.

В сентябре 2012 года назначен ответственным секретарем Межфракционной депутатской группы Государственной Думы ФС РФ в защиту христианских ценностей, а также координато-

ром Общественного совета Группы, на данной должности по сей день.

В 2017 году избран членом Общественной Палаты Союзного Государства России и Белоруссии, член Президиума организации.

Периодически публиковался в ряде литературных и общественно-политических изданий и электронных СМИ, среди которых журнал «Дружба народов», газета писателей «День литературы», «Учительская газета», «Регионы-ру» (постоянный эксперт), «КМ-ру», портал «Православие и мир», сайт «Русская народная линия» и т.д.

Считаю важной и ответственной для себя публикацию в двухтомном сборнике «Молитвы русских поэтов» (XX–XXI век) – издательский дом «Вече», 2011 год.

Удостоен наград Русской Православной Церкви – орденом святого благоверного князя Даниила Московского III степени, медали святого преподобного Сергия Радонежского II степени. Имею общественные награды, среди которых орден Гавриила Романовича Державина, медаль ордена «Слава России» и др.

Женат – папа Маши Ефимовой!»

От автора.

22 июня. Семейный альбом

Мой дедушка Степан Степаненко, русский офицер, летчик, в будущем майор авиации, и моя бабушка Мария Антипова, прошедшая за дедом по всем военным аэродромам, зарегистрировали свой брак в ЗАГСе 22 июня 1941 года, утром. О том, что началась Великая Отечественная война, они не знали. Как в художественном фильме. А днем, в числе первых, дед был призван на войну. Какая уж тут брачная ночь... Дитя войны – моя мама – родилась 1 августа 1942 года...

Дед рассказывал о том, как он провожал в полет сына Ста-

лина – Василия, служившего в его части. Дед отвечал за техническую исправность самолета – можно себе представить его волнение.

В нашей семье никого не убили на фронте, это редкость. Но родной брат моей бабушки – Иван Антипов – тоже летчик, был сбит над вражеской территорией. Жизнь самоубийством покончить он не посмел, как это положено было по приказу – живым не сдаваться. Чудом он остался жив, но прошел через немецкий концлагерь. Я не помню, через какой, уточнять всегда было неловко, похоже, через тот самый, самый страшный лагерь смерти в Польше... Рассказывая об этом, дядя Ваня всегда плакал. До самой кончины он боролся с огромным ворохом болезней, оставаясь настоящим русским воином – мужественным, добрым и необыкновенно мудрым.

Дедушка Степан ушел из жизни рано. Так угодно было Богу, что хоронили его, майора авиации, 9 мая. Я никогда не забуду эти похороны, похороны моего детства.

Через двадцать три года после начала войны, 22 июня 1964 года, в годовщину свадьбы бабушки и дедушки, родился я. Бабушка Маша уходила из нашей жизни долго, готовила нас все последние 15 лет жизни, каждый раз крестила меня и прощалась как последний раз. Моя вторая мама, няня, друг, тайный советчик, защитник от родителей, ангел-хранитель. Она всегда в моем сердце.

Доченьке

Пять тонких дудочек в футляре –
твоя рука в моей руке...
Сияет празднично вдалеке
воскресный купол на бульваре,
вдвоем неспешно...
Счастье рядом так очевидно, что до слез...
Роз лепестков нежнее сердечное блаженство от единства
с тобой, от кровного родства, от продолженья,
до отражения...

зеркальце моё, лекарственное средство
от всех недугов – ты!
Дочь и отец – сочастие, и счастье, и наследство!

Машеньке приношение

Дивная девочка в пышной юбке,
Мамина, папина радость, голубка.
Достойна внимания, достойна признаний,
Охов и ахов, безумных поступков.
Всё-то ей будет – конфет и кубков,
Лент ярких и платьев страстных.
И поцелуев, и роз прекрасных.
Пусть будет всюду, везде и всегда
Ангел-Хранитель, Любовь как звезда,
Божья Любовь, чтоб не сбиться с пути.
Машеньке-доченьке, Боже, свети!

А дело 16 лет назад было примерно так

Слезам боль омыта, пробил час
И оболгавшаяся пала пелена.
Ложь смертна, больше не вольна
Препятствовать им встретиться в сей час...

И вот Она уже видна, его жена,
Она вчера еще была совсем одна,
Сегодня в бежевом во всем придет она,
Светла Она! Чиста, свята Она!
Она – Светлана!
Она и Он навеки станут – Мы.

Часы бегут... и пусть тревожна даль,
С тобой любовь, она не перестанет.
С тобою средь зимы цветет миндаль...
И соловьи поют, а вишня сливой станет...

Убийство Ёлки. Не для детей...18+

Она сопротивлялась... Ёлка-воин... Ёлка-самурай... Она понемногу переставала радовать и теряла день ото дня душистые иглы, но все еще оставалась дивным гостем, хозяйкой праздничной комнаты, она боролась, она предупреждала – не тронь, она плакала душистой смолой, осыпала колючей хвоей все вокруг себя... но день прощания настал.

– Я не сдамся без боя, не тронь... не подходи... я истыкаю твои руки, я попаду иголками везде – в тапочки, трусы, волосы... Я рассею мои иглы во все щели, в ящики комодов... не тронь... будет только хуже!

Я выходил на бой честно: я был без перчаток, без защитной одежды, тапочки на босу ногу... я был готов, я знал, на что иду...

Сначала надо было лишить Ёлку орденов, почетных шаров и подвесок, знаков императорской милости, праздничного убранства... её покидали балерины, слоны, Щелкунчик, Кай и Герда уходили печально в коробку... улетаала золотая бабочка, райские птицы любимые упорхнули... вот и ушли все... оставалось сорвать огоньки электрической гирлянды...

Она цеплялась и не отпускала то последнее, что на ней оставалось, шнур запутывался между осиротевшими сучьями и голыми ветвями... она царапалась, она драла кожу рук, впивалась последними иглами, приклеивалась остатками смолы... она дралась! И всё-таки я бьюсь! Я бьюсь! Я бьюсь!

Я отнял у нее всё! Обездоленная, она стояла и готовилась к финальной схватке... вынести её в таком виде через всю квартиру было невозможно... колючие ветви вгрызались во всё окружающее, занавески, обои... хвоя все сыпалась... тончайшие кинжалы грозили обыголить все окружающее пространство... Я взял большой нож-тесак и принялся отрубать ветви сверху вниз, Ёлка пружинила ветвями, я рубил ветви с ожесточением...

Вот остался один ствол с торчащими в разные стороны обрубками ветвей, страшная первобытно-общинная боро-

на-суковатка... вокруг картина апокалиптическая: щепки, кучи хвои, колючие корявые сучья... но и в этом виде останки сопротивлялись и грузились в сумку на выброс с уколами и царапинами... я вынес останки в коридор, дело осталось за малым... пылесос, тряпка... вот и всё...

Это в семье может делать только мужчина... это сродни тому, что раньше, прежде чем съесть курицу, надо было отрубить ей голову... Это страшная обратная сторона Нового года, из года в год – убийство праздника, борьба с Ёлкой до крови и колюще-режущие ранения от проводов Ёлки... Это то, что ни в коем случае не должны видеть дети... Ёлку привозят и увозят снеговики на лихом северном олене... вон, вон они понесли, улетают их новогодние сани... Ёлка ушла, уехала до следующего года... всё... всё... всё.

Я люблю людей!

Я буду любить людей вопреки всему... вопреки всем обидам и пинкам со стороны некоторых... ведь радости и счастья я получил в сотни, тысячи раз больше... я люблю и буду любить людей потому, что в каждом из нас живет маленький ребенок... потому, что детство было у всех разное... разные слезы... разные радости... я люблю людей и буду любить людей, потому что ЧЕЛОВЕК – это очень красиво, божественно красивы наши дети, все наши человеческие дети... все! Мы так нуждаемся друг в друге... в одобрении, поддержке, мы так зависим друг от друга, от мнения... порой нам достаточно улыбки, кивка головы – и мы уже счастливы... Мы божественно зависимы друг от друга... Я всем своим существом верю в ТУ САМУЮ ДУШУ-ХРИСТИАНКУ, которая живет в каждом из нас. Кто-то скажет... не вы ли вчера говорили о смертной казни?.. Один знаменитый декабрист перед смертью покался, причастился Святых Христовых Тайн и написал, что он принимает смерть, что он все осознал и счастлив, что умирает православным христианином! Меня пронзила в свое время цветаевская фраза: «За то меня любите, за то, что

я умру!» МИРОМ ПРАВИТ ЛЮБОВЬ! (Как бы затасканно для некоторых это ни звучало). Даже если вчера мне казалось, что я ненавижу некоторых...

Не из крепостных

Президент в интервью сказал: «Все мои предки были крепостными крестьянами»... Подумал о своих. Все мои предки были или далеко не крестьянами, или если крестьянами, то вольными, зажиточными... или из казаков... (со стороны одного деда вольные, но бедные)... но в любом случае – ВОЛЬНЫМИ! Не под сапогом... Вот откуда это обостренное чувство свободы, эта «божественной души безбрежная свобода», до вольнодумства.

Мы длинной вереницей идем за Синей птицей!

Единомышленники, единовѣрцы!
Единодышцы, единосердцы!
Единоздощцы, единодушцы!
Как мимозы беречь от мороза,
От декабрь-мартовской стужи,
От предательских глаз, злобных и зависти полных...
Родившихся в общем двадцатом, разном,
Белом и грязном, великом и грозном...
Сберечь вас! От слова дурного,
От равнодушия и удара в спину,
От запоев и уходов в себя...
От падения в вязкую тину...
От нищеты и болезней,
От скорбей столь полезных...
Вместе, за руки взявшись,
Как-нибудь взявшись вместе... попытаемся,
Вместе к свету, к слову, от сердца к сердцу!

К доброму, вечному, нежному... всё впереди!
Со смертью рядом и Страшным Судом впереди!

И новый день вдруг постучится в дверь,
Чтоб «наградить нас спелым апельсином
Или в упор, с порога, расстрелять...»

Москва, 5 марта 2018

Девы не-мироносицы

Ангелы, горлицы, агницы, девочки!
Милые детушки, чьи-то ведь деточки?
Можно ль по матери, матом, по матушке!
Крылья запятнаны... лики замараны...

Чьи-то невестушки, жизнь ведь не на пять лет!..
Сорваны цветики, будет ли плод теперь...
Детство замарано, что вспоминать потом?
Что в дальнем будущем будет опорой?

Святость отторгнута, целостность треснула,
Мудрость урезана, крылья без пѣрышков...
Как полететь теперь, жизнь матерком пошла...
Девочки, девушки, милые сеструшки!

Разве такие вы нравитесь мальчикам?
Разве «Окурочек» вместо акафиста?
Жизнь пообещет все, Бог все повыправит!
Только вот в памяти – мат все повытравит...

Только вот в памяти детства и юности
Станете воду черпать в колодце том,
Жажда умучает, душу наполнить чем?
Мат да «окурочки» в сердце пустом...

Девочки милые, детушки славные!
Что же вы с жизнью своею наделали?
Шуточки мутные, песни отравные...
Яблочки кислые ели неспелые...

С помощью Божьей целительна исповедь,
Можно и в джинсах в храм... лишь бы от всей души.
Чтобы опять весна, чтобы от счастья петь,
Не суетись, душа, но все ж спеши, спеши!
Москва, 6 марта 2018

Песнь ко русскому, ко медведушке!

Ах ты, Мишенька, свет Медведушка!
Ты проснись, дружок, пробудись скорей!
Выходи, Медведь, ты на Божий свет,
Да на Божий свет, на горячий снег...

Не пора теперь по норам сидеть,
Ждать-пождать в доме лета красного,
А пора пришла, свет Медведушка,
Показать, явить твою силушку.

Не охотнички – мужи честные,
справедливые православные,
А враги бредут со товарищи –
Шкуродёрный род, люд без совести...

Уж сдерут они мех косматый твой,
Раскроют его, отдадут в пошив...
Полонят твоих малых детушек,
Норов праведный в них повытравят!

Задурят малым детям головы,
Одурманят их, лишат разума.
Чтобы не было у них памяти,

Чтоб отречься им от своих отцов.
Чтобы им плясать, твоим детушкам,
Да под музыку сатанинскую
На посмешище на продажное,
На веселие на картавое...

Будут кутаться в шубы теплые,
Рожи сальные прятать воротом,
Да подзуживать твоих детушек,
Да подразнивать куском сахара.

Не почуют дух сиротинушки,
Что за шуба-то, меха бурого...
Не признают в ней, одурманены,
Шкуру кровную, плоть отцовскую.

Так проснись, Медведь! Выходи, Медведь
Да покличь своих добрых братушек!
И погоним прочь силу вражию!
Вместе вычистим наш родимый край!

Да поможет нам в деле праведном
Сотворивший Мир Вышний Царь-Отец,
Возлюбивший нас той Любовию,
Что отдал на Крест Сына родного.

Ты яви Покров, Богородица!
Заступись, укрой Землю Русскую!
Пусть увидит Мир, как велик Господь,
И да будет Воля Спасителя!

Культурология

Российский
колокол

Алексей Астафьев

Астафьев Алексей Юрьевич, родился 17 марта 1980 года в д. Лукино Серпуховского района Московской области. Окончил факультет русской филологии Московского педагогического университета (2002 г.), факультет повышения квалификации преподавателей Московского государственного областного университета (2005 г.), очную аспирантуру Московского государственного областного университета (2007 г.). Кандидат филологических наук. Автор более 50 научных работ, посвящённых лексике русского языка, языку художественной литературы, методике преподавания, опубликованных в издательствах «Наука», «Спутник+», издательстве МГОУ и др. Работал учителем русского языка и литературы в школах г. Серпухова, преподавателем Центра довузовской подготовки Московского государственного областного университета, старшим преподавателем кафедры иностранных языков Российской таможенной академии. В настоящее время преподаёт в ГБПОУ МО «Серпуховский колледж». Пишет стихи.

Язык современной фантастики

(на материале книги

Р. Злотникова, А. Махрова «Разговор с вождём»)

Фантастические произведения исторической направленности всегда заслуженно вызывают интерес и привлекают внимание. Для убедительности изображаемого авторы часто используют фактологический материал, поэтому познавательная и воспитательная функции таких произведений становятся важными. Именно такой представляется книга Р. Злотникова и А. Махрова «Разговор с вождём» [1].

Тема переноса современного человека в другое время не нова. Нет смысла перечислять огромное количество произведений начиная от Г. Уэллса. А вот телефонный разговор с прошлым – более редкое явление в литературе. Однако авторы и здесь не новаторы, подобное встречается ещё в советской фантастике 1970-х гг. Так, С. Гансовский в своей пьесе «Млечный путь» показал современника, пожилого человека, который по телефону общался с самим собой, двадцатилетним юношей, находящимся на передовой в годы Первой Мировой войны [2].

И всё же книга «Разговор с вождём» не идентична схожим в жанровом отношении произведениям. Авторам удалось найти свой неповторимый стиль в рисовке персонажей, изображении быта и реалий прошлого, что говорит о самобытности таланта. Это касается прежде всего языка данного произведения.

Начиная с первых страниц и на протяжении всей книги поражаешься тщательной прорисовке деталей, касающихся реалий фронтового быта, что ярко проявляется, например, в изображении техники: сухие технические именованья ПЕ-2, ДП-27, СБ мирно соседствуют с устоявшимися народными «прозвищами» техники («ишачок», «бэтушка», «тридцатьчетвёрка»). Такие именованья содействуют детализации изображаемого и, как следствие, большей реалистичности

(см. например: «...родная «бэтушка» однозначно превосходила противника в маневренности и скорости...» (с. 159). Актуализирует изображаемое и введение военной лексики: «Ржевско-Вяземский рубеж был отрекогносцирован до войны, как раз после штабной игры» (с. 32) или «...предписывалось в двухдневный срок скрытно сменить дислокацию...» (с. 35). Таких примеров значительное количество, они весьма органично вписываются в контекст, а их повторяемость свидетельствует о тщательной подготовке авторов и знании армейской действительности.

Заметим, что «военная лексика не только входила в различные зоны речевой действительности периода Великой Отечественной войны; она активно взаимодействовала с иными пластами невоенной лексики и очерчивала контуры лексических, а отчасти и стилистических явлений в различных жанрах публицистики, художественной речи, в разговорной речи фронтовиков и тружеников тыла»[3]. Данная цитата из книги А.Н. Кожина подтверждается примерами из текста: «...не было бы пехотного заполнения укрепрайонов, доты стояли бы «голыми», подходи и бери!» (с. 232); «Наши войска были бы застигнуты в пунктах постоянной дислокации и разгромлены, не успев сделать ни одного выстрела!» (с. 232). Как видно, профессиональная направленность военной лексики не ограничивает сферу её применения и под авторским пером она находит своё место в спайке с общезыковыми словами, в конечном счёте образуя не вызывающий затруднений при прочтении текст. Более того, некоторые слова, характеризующие армейскую действительность, становятся носителями художественного смысла, что проявляется в таком примере: «...комэск приблизился к нарушителю с правого борта, уравнивая скорости напротив отблескивающей плексом кабины «восемьдесят восьмого» (с. 51). Плекс, то есть усечение от плексиглас, воспринимается нами как образное слово, способное кратко выделить нюансы художественного смысла. Сказанное в полной мере относится и к словоформе гусанка: «Ещё и гусанку ударом снесло!» (с. 299).

Преобразование слова гусеница в речи персонажа в ёмкое и более краткое гусанка содействует зрительной представляемости изображаемого.

Вообще убедительность и достоверность речи персонажей зависит от языковых особенностей, которыми их наделяют авторы. Показательны просторечия: «Шуруйте отдыхать» (с. 59), «...мысли в башке зашебурились» (с. 298), «...в танк немецкая болванка влупилась» (с. 298). Применение таких единиц может считаться украшением текста, содействовать его яркости и запоминанию. Подобные примеры «вневременной» народной речи зачастую тесно переплетаются с жаргонными словами, явно относящимися к нашему времени: «Вот с этим произошёл основной затык – я просто не мог сообразить, какая именно инфа действительно критически важна, а без какой наши предки могут обойтись, как обошлись в реале» (с. 270).

Соединение в похожих контекстах речевых реалий разных эпох вызывает контрастные ассоциации. В самом деле, можно ли представить в 1941 году человека, использующего слова моцик (мотоцикл), япы (японцы) или зомбаки (зомби): «...фрицы ... сняли с побитых моциков оружие и какие-то брезентовые сумки...» (с. 334); «если америкосы не понесут таких потерь, то вполне смогут вынести япов году к сорок третьему...» (с. 15); «...толпа напоминала скопление зомбаков из какого-то голливудского фильма...» (с. 335). Это подтверждает мысли о разнице речевой картины разных временных пластов.

Мало кто из фантастов обходится без вновь созданных слов. Однако тенденция к их массовому созданию прослеживается скорее у начинающих авторов – по причине невозможности выразить мысли традиционными способами [4]. Корпус окказиональных слов, обнаруженных нами в книге Р. Злотникова и А. Махрова, весьма невелик, но выразительно значим для понимания её смысла. Самый, наверное, узнаваемый окказионализм – лексема попаданец, обозначающая персонаж, переместившийся в иное время. Глагольная основа попадать под

пером творческой личности преобразуется в существительное со значением лица, чему содействует суффикс –ец. Словоформа характеризуется повторяемостью, она легко запоминается, обладая образностью. Лексема не несёт оценочного значения (ср. со схожей по строению единицей сюрпризец, реализующей иронию: «Ну сейчас будет немцам сюрпризец!» (с. 118). Слово реализует нюансы ситуативности: «Я типа попаданец, а мой приятель ... типа Сталин» (с. 106).

Весьма интересен другой пример: «Получил индульгенцию, стало быть, можно и дальше прогрессорствовать» (с. 187). Узуальный аналог – глагол прогрессировать не устраивает авторов своей низкой выразительностью, как следствие – появляется новое, схожее, но экспрессивно богатое образование. Чувствуется ирония именно в сходстве с семантически близким словом философствовать, а контекстное окружение несёт ореол нереальности, чему содействует ироничное слово индульгенция.

Производящая основа трофей послужила базой для создания двух окказионализмов: «Но нам и негорелой брони хватает, вот я и затрофеился» (с. 302); «Неужели всё столь плохо, что командиры позволяют себе оставлять целёхонькие танки, которыми вскоре наверняка воспользуются немецкие трофейщики?» (с. 326). Оба примера весьма образительно ёмки, они позволяют выразить одним словом то, для чего в узусе требуется целое сочетание. Так, затрофеиться понимается нами как разжиться трофеями, а трофейщик – человек, занимающийся сбором трофеев. Оба слова созданы в рамках возможностей русского словообразования и не вызывают языкового отторжения, поэтому воспринимаются весьма естественно.

Примеры создания новых слов авторами единичны, встречаемость их на страницах книги мала и, как правило, их появление служит цели охарактеризовать речь персонажей, дать ей оценку.

Вообще характеристика персонажей может достигаться не только лексическими средствами. Звуковая сторона речи

может обладать выразительностью. Так, словоформа тарщ (товарищ) имитирует речевые особенности военной сферы, реализующие закон экономии речевых усилий.

А насколько колоритна речь Сталина, передаваемая с помощью звукоподражаний! «Ви же сами понимаете, если нэмци планируют атаковать через три дня – их армия полностью готова» (с. 31). Думается, здесь можно говорить о фоносемантических осмыслениях.

Авторское мастерство проявляется не только в лексических новациях, но и в использовании традиционных выразительных средств, вводимых в текст ситуативно в связи с необходимостью оттенить желаемое. Показателен приём сравнения: «...один из «И-16», заложив лихую полубочку, зашёл со стороны хвоста, протарахтев всеми своими четырьмя «швейными машинками» (с. 123). Звуки, издаваемые пулемётами самолёта, не вызывают грозных ассоциаций в сравнении с мирной швейной машинкой, однако имеют вполне впечатляющее продолжение: «...немец клюнул лобастой плексигласовой башкой штурманской кабины, пикируя вниз» (с. 123). Сравнение выступающего над фюзеляжем колпака кабины с башкой является иронией, вызванной объективными причинами. Но авторы не ограничиваются такими характеристиками воздушного боя и находят ёмкую метафору: «А вот из третьего бомбовоза, прежде чем он навечно слился с белорусской землёй в первом и последнем объятии, успели выброситься с парашютами двое пилотов» (с. 123). Характеризуя немцев, авторы находят весьма красочные оценочные определения: «Добивать болтающихся под куполами беспомощных немцев никто не стал...» (с. 123); «...бывшие об него (бампер – А.А.) своими дубовыми тевтонскими головами мотоциклисты оставили всего несколько царапин» (с. 331). Конечно, изображаемые ситуации подчёркивают иронические осмысления, а простота языка содействует зрительной представляемости.

Нельзя не упомянуть и такой авторский приём, как дефразеологизация, т.е. намеренное изменение устойчивых

сочетаний в угоду контекстной необходимости. Так, фраза «побежали мурашки», обозначающая трепет, кажется авторам недостаточно экспрессивной, и дополняется красочным сравнением: «...по моей спине побежали мурашки размером с таракана» (с. 336). Практически тактильное восприятие может возникать у читателя от этих строк (речь идёт о чувствах, вызванных исполнением гимна).

А вот значение фразы «во тьме веков» снижается бытовыми подробностями: «Осмотрев и подвесив сумку на боку ... убираю в неё ... карточку-свидетельство на пропавший где-то «во тьме веков» «Субарик»...» (с. 147).

Но наиболее показательна, на наш взгляд, трансформация фразеологизма «первый блин комом», представленная в следующем контексте: «Вопреки известной русской пословице, последний испечённый пекарем блин вышел комом...» (с. 53). Расширенный контекст позволяет сделать вывод о гибели немецкого пилота по имени Беккер (в переводе с немецкого пекарь), а неудача в воздушном бою и есть его последний блин.

Подводя итог нашему впечатлению о книге, скажем, что она поражает достоверностью в прорисовке деталей. Авторы, поставив вопрос «а что было бы, если...», практически не только продолжили традиционную для фантастов мысль об изменении пространственно-временного континуума, но и создали некий альтернативный учебник истории, подкрепив его фактологическим материалом. Простой и убедительный язык доступен восприятию, а детали (даже статистические подробности) не выглядят «сухими» под влиянием художественной обработки. Произведение может реализовывать воспитательную функцию, поскольку в нём присутствует патриотическая направленность.

Литература

1. Злотников Р., Махров А. Разговор с вождем. – М. : Издательство «Э», 2015. Все страницы в работе приводятся по этому изданию.
2. Гансовский С. Млечный путь // Техника-молодёжи, №11–12, 1974.
3. Кожин А.Н. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. – М. : Наука, 1985.
4. См. об этом мою работу «Авторское слово современных фантастов (на материале романов И. Белогорохова «Милиционер социума» и С. Лукьяненко «Застава»)» // Российский колокол, №3–4, 2017.

Ближнее зарубежье

Российский
колокол

Дмитрий Спирко

Родился в Донецке, живу и работаю в Донецке и Киеве.

После окончания СШ №26 г. Донецка, в 1982 году начал трудовую деятельность на Донецком машиностроительном заводе им. 15-летия ЛКСМУ, электромонтером по ремонту электрооборудования.

С 1983 по 1985 год проходил воинскую службу в рядах Советской Армии, в звании младшего сержанта мотострелкового подразделения.

В 1991 году окончил Донецкий институт советской торговли по специальности «Экономика торговли».

В 1997 году окончил Харьковский государственный институт физической культуры и спорта по специальности «Физическая культура».

С 1985 года по настоящее время работал и работаю на должностях согласно имеющейся квалификации в организациях и предприятиях различных форм собственности, в том числе общественных – в которых примером профессиональных достиже-

ний в означенный период является результативная деятельность в МО «Научно-культурно-спортивный Союз «Формула» – генеральный секретарь, МО «Гуманитарный Проект» – учредитель, Совет Национальной Лиги профессионального бокса Украины (НЛПУ) – член, Федерация бокса Украины (ФБУ) – генеральный секретарь, советник президента ФБУ, советник председателя Госкомспорта Украины, помощник-консультант народного депутата Украины (четвертого созыва).

Имею звания: мастер спорта СССР, судья национальной категории, судья международной категории Европейской Ассоциации любительского бокса (EABA).

Лучшим личным результатом в спортивной сфере деятельности является успешная карьера моего сына Александра Спирко – чемпиона Европы (версия WBO), Интернационального чемпиона (версия WBO), абсолютного чемпиона мира в возрасте до 25 лет по версиям WBC, IBO, IBF по боксу среди профессионалов, а также призера чемпионата мира и Европы по молодежи, десятикратного чемпиона Украины, многократного победителя престижных международных турниров по любительскому (олимпийскому) боксу.

Литературный стаж:

2015 год – вышел сборник стихотворений «Стихия».

2016 год – «Где-то, летает моя Половинка», «Калейдоскоп».

2017 год – «Лазурь – наш Берег».

Этот сборник стал лауреатом Международной Киевской книжной выставки как лучшая книга в номинации «Поэзия».

В этом же году Международным объединением «Искусство и Просвещение» и Фондацией Национально-патриотического единения и духовности я, как автор книги, был награжден почетным знаком «Свободи і Миру на Всесвіт від України» и отмечен благодарственным письмом Украинской библиотечной Ассоциации за вклад в развитие культурного фонда Украины.

В 2018 году планируется выпуск стихотворного сборника «Чудотворение».

От автора.

Счастливым Днём

А День в самом деле Счастливый!
Приветливый Свет над Горой!
Стих с первого взгляда игривый,
Как Солнечный Луч Золотой!

Сияют Лазурные Дали
Своей Неземной Красотой!
О Рае хоть раз все мечтали –
И мы мечтаем с Тобой!

Смотрю на Мир Неба и Моря –
Какой он Свободолюбивый!
Все это в Твоем вижу Взоре!
И День в самом деле Счастливый!

Вечность

Мерой Времени простирается
Эхо Знания в Таинстве Вечности!
Во Вселенском Круге вращается
Шар Земной в Неземной Бесконечности.

Счастье Мудрости Музыкой Чувств
Душ Сияние освящает..
Вдохновенные Трели Искусств
Память Будущего окрыляют.

Лепестки Несмолкаемой Нежности
Красотой Своей Жизни волнуют.
Восхищенные Ликом Безбрежности,
Упоенье Любовью даруют.

Наслаждается сердце Полётом,
Гимн Счастливый Свободе слагая.

Миг волшебен бесчисленным счетом
Истин Радости – Истины Рая!

Мерой Времени простирается
Эхо Знания в Таинстве Вечности!
Во Вселенском Круге вращается
Шар Земной в Неземной Бесконечности.

Божественная Церемония

До чего же прекрасный Этюд
Представляет Природа нам!
Птицы гнёзда заботливо вьют.
Всходит Солнечный Круг по утрам.

Скачут Кони по зрелым Просторам.
Вьётся в гору с горы тропа.
В Ночь, Созвездия млечным узором
Как несчётных Времён толпа.

Шумят музыкой волны морей.
Грезят Таинством кроны лесов.
Веет Ветер Планетою всей.
Реет Знание Знаменем Слов.

Эти вольные Светом Пределы
Первозданных Миров Гармонии –
Совершенства Благие Наделы –
Акт Божественной Церемонии

Жизни Вечной. Её раскатов
Грозных ливней, Расцвета Цветов.
Откровений Рассветов, Закатов –
Сущих, Вещих, Заветных Основ.

До чего же прекрасный Этюд
Представляет Природа нам!
Незабвенный волнений Салют –
Благодарность Вселенским Дарам!

Вот такой Этюд

С Неба падают Снежные Хлопья –
Парашютиками желаний.
Капель Счастья Зимние Копии –
Охранители Грёз и Мечтаний.

Дружно реют Рьяные Крылышки.
Строй за строем лихие солдатики
Нападают всюду! Что есть силушки!
Все с Любовью! Любви фанатики!

С Неба падают! Падают! Падают!
И свершают за Чудом Чудо.
И собою без меры Мир радуют
В Сценах Сцен вот Такого Этюда.

С Неба падают Снежные Хлопья!

Все вокруг Москва

Шелестит Листва
Под Аккорды Ветра.
А вокруг Москва...
Не отдам ни метра!

Голубое Поле
Белых Облаков.
Облака на Воле –
Высь без Берегов.

Летний День. Мечтается
О Лихом Конне.
В то, как с ним врываемся
В Мир, что был во Сне.

Где же эта Роща,
Соловьиный Сад?
Быть бы Сну попроще –
Был бы Были рад.

Где ж эти Тропинки,
Что в Дремучий Лес?
Где из Сна Картинки
Сказочных Чудес?

Вот он, След Подковы!
Одуванчик вот!
Вот и Луг Ковровый –
Цвета Хоровод!

Вот Они – Березы!
Вот Махровый Пень!
Вот Метаморфозы!
Чудо в Летний День!

Что хочу, то вижу –
Облака на Воле!
Дай-ка стану ближе
К Голубому Полю!

Шелести, Листва,
Под Аккорды Ветра.
Все вокруг Москва!
Не отдам ни метра!

Половинка

Где-то летает моя Половинка...
Где-то летает. Большая Земля!
В образах ласточки или снежинки,
Лучика или слезинки дождя.

Может быть, в бусинку воплотилась,
Чувств драгоценного ожерелья.
Может быть, звёздочкой заискрилась
В чистоте взгляда танца веселья.

Может, исследует таинств просторы,
Знаний ценя наслаждения,
Может, с мольбой устремляется в горы,
Где уже ждёт озарение.

Где-то летает моя Половинка...
Где-то летает, счастье храня.
Лучик сверкает! Снежинка не тает!
Ласточка знает: ты есть у меня.

Калейдоскоп

Сферы Звёздные Высших Страстей –
Торжество Надземных Открытий.
Взлёты Мысли, Взлёты Идей –
Искры Истин Времен и Событий.

Во Вселенском Калейдоскопе
Бесконечная Явность Секретов.
В Страже Времени, в Гороскопе –
Космос сути вопросов, ответов.

Лучи Вечности силой щедрой.
Нескончаем Поток Кульминаций.

Кругозором Несчётны Ряды
Мириад всё взрывных вариаций.

Волей Бога Рифмы Явлений
В Гранях Таинства Света Гармонии
Сочетают Миры Откровений
В Совершенствах Небесной Симфонии.

В глубине цветковых созерцаний
Возгорается снова и снова
Красота Костров Мироздания –
Жизни, Разума, Духа и Слова.

В Осиянии Святость Рождения
Властей Избранного Узора –
Мечты, Радости, Вдохновения
И Любви Всевышнего Взора.

Волшебством Иллюзорного Мига
Все стремления расцветают!
И Природы пишется Книга,
И Бессмертья Огни полыхают.

Посмотрите в Калейдоскоп!

Если не Бог!

Если б у Неба были Границы,
Вили бы в Небе Пути свои Птицы?
Грели бы Землю Солнца Лучи?
Грели бы мы о любимых в ночи?

Если бы в Звонах Колоколов
Истины Праведной не было нот,
Разве томился бы в Сферах голов
Мыслей Несчетных Круговорот?

Если б Мечты не взлетали вдаль
Крыльями Радужных Чувств,
Свет бы снимал с Мира вуаль?
Жило бы Счастье Искусств?

Если бы Души знали Пределы,
А Путь обрывался датою,
Были б Несметны Вселенной Наделы?
Вечность была бы Богатою?

Если бы в этих Чудо-Причинах –
Первопричинах и Льда, и Огня –
Не было Звёзд на Небесных Картинах,
Кто сотворил бы Тебя и меня,

Если не Бог?

Еще одно Предание

Осень! Покровом висят над Москвой
Тучи свинцовые Неба.
Время Своей Всемогущей Рукой
В Быль воплощает Небыль.

Тучи ответственные за Естество
Города Мощью Стихии!
В Силах Природы – Само Торжество
Силы Великой России.

Бурею грянет вот-вот Тишина!
Сбудется душ Ожидание.
И Вековечных Просторов Страна
Еще одно сложит Предание.

О Шторме, который вне Меры!
О стойкости Праведной Веры!

Лазурь

Лазурь – Небесный колорит
Земного Вдохновения.
Свет Цветом Радуги разлит.
Божественно Явление!

Лазурь – Лучей Любви тепло!
Волнуют Волны Благодное Море.
Свободы Распростертое Крыло
Парит в Неиссякаемом Просторе.

Лазурь – Желаний Красота
Природой Чувств расцвечена.
Души Бездонная Мечта
Прибоем Счастья встречена.

Лазурь!

Лоно Карпат

Спокойные Склоны Карпат!
Все Линии Форм филигранны,
Под Небом Уютным лежат
И лиственной хвоей шикарны!

От Явленной Их Красоты,
Как Диво, приходит Прозрение
О том, что лишь в Дымке Мечты
Гнездится о Счастье Волнение.

Таинственным Иносказанием
Стелется Гор Аромат.
С Особенным, Вечным Вниманием
На Мир Горизонты глядят.

Зовущих Лугов Пелена –
Гармонии Дней Ликование.
Бурлящих Потоків Страна
Веков расточает Дыхание.

Заглавною Мерой Дорога
Стремительных ищет решений.
И в каждом Селенье от Бога
Есть Место для Откровений.

Каплица – Молитвенный Храм!
Лоно Святое Карпат.
И Душу влечет к Облакам,
Что с Птицами в Вечность летят.

Москва

Сильна во Времени Великая Столица
Народной властью роковых правителей.
У Действа есть История, есть Лица
Достойных Славы Её славных жителей.

Смысл Действа – Призрак Срочности Земной.
И Дни Достойные в Сплошной Ночи Сияют.
Сражается Пора Чудес с постылою порой,
И Души суету и бренность побеждают.

Благою Явью в Чувствах истекает
Суть Пламенеющих Духовностью Огней,
И Верой в Бога Волю награждает,
И шпорит к Звёздам Радужных Коней.

«Огонь со Льдом» – Московский Жизни Сок.
Нет в Мире жестче и нежней слияния.
Москва летит! Несчётен Неба Срок
Судьбы Честной и Мира Созидания.

Летит Простором Лет Охотник-Птица.
Без взмахов взмах Ее крыла.
Сильна во Времени Великая Столица.
Природа Тем Полётом ожила.

Летающая Москва живет! Жива Планета!

На Крыльце Крыма

Удар за ударом, с наскока
В Пирс Ялты бьет Моря Волна –
Безмерной мощью глубока
И Ветром надрывным сильна.

Шквальным взмывают Салютом
Брызги Всё Большого Вала,
Ставшего Тем Абсолютом,
Что есть Самой Сутью Начала.

И Город Причину Творения
Встречает, являя себя
Достойным и Места Рождения,
И Воли Жить, Чувства любя!

Как в Бурю сияло Лицо,
Так завтра и в Солнечный Шторм
Воспримется Крыма Крыльцо
Во Множестве радужных Форм.

Ну а Сей Час с наскока,
В Пирс Ялты бьет Моря Волна.
Взорвавшись, взлетает высоко
И Пирс заливает сполна.

Между Берегом и Горизонтом

Между Берегом и Горизонтом
Дышит Небом Лазурное Море.
Облака бело-белым фронтом
В голубом почивают Просторе.

Несут волны из далей секреты
На бравадных своих гребешках.
Мечты Солнца лучами согреты,
Как приветные чувства в стихах.

Ветерков дуновения встречные
Насыщают Сонм Грез ароматом,
И стремления Душ безупречные
Сочетаются в Счастье Богатом!

Растворяются вольные птицы
В этом Таинстве Чудо-явлений.
Расширяются Жизней границы
На страницах Мира Творений.

Между Берегом и Горизонтом!

Пусть

Пусть Счастливыми сбудутся Сны!
Мир наш – Замок Волшебств и Чудес.
В нём разгадки загадкам верны.
Есть все Счастья у Небес!

Пусть в Рассветах цветут Мечты,
А в Закатах нежатся Грёзы!
Лучи Солнца – Лучи Красоты,
Так же святы, как радости слёзы.

Пусть случаются часто Открытия
Новых Истин в Плеядах Искусств,
Не имеют пределов развития
Тонкорунные Прелести Чувств!

Пусть свершаются Действа Причин!
Вдохновение – Лучшее Свойство!
Ввысь взвивается Серпантин
Данью славного беспокойства.

Пусть Душа Цветок Райский лелеет
В Неземном Первозданном Саду!
Океан Бытия не мелеет,
Если разум с страстями в ладу.

Пусть свой след оставляют Кометы
Благодатной, бескрайней стезей!
И слагаются Звёзды в Букеты,
Самой Яркой Любви Звездой!

Пусть летит во Вселенную Весть
О Дарованных Богом Днях!
Нот Гармонии Жизни не счесть,
Её Свет рожден в Вечных Огнях!

Все в Твою Заповедную Честь –
Человек!

Россия! Небо! Полет!

Мира Живая страница –
России Великая Эра.
Её устремлений граница –
Истории Высшая Мера.

Правде всегда был враг.
Чести всегда будет Слава.
Бранных Достоинств Стяг –
Суть легендарного нрава.

Мудры Россией народы!
В просторах добрых деяний
Душ их Святая Природа –
В благодати притязаний.

На Вольную Трепетность к Богу!
На Щедрость без дна! На Удачу!
На Вечную к Счастью Дорогу!
На Риск и на Сверхзадачу!

Судьбы пронзают Время.
Земля облетает Свой Круг.
России завидное бремя –
Ноша Побед и Заслуг.

В Пылу Троекратных Волнений
Путь Совести всех Светлей.
Во встречном ходу поколений
России шаг всё верней.

Зори! Любовь! Мечты!
Россия! Силы во взлёт!
Истина! Свет Красоты!
Россия! Небо! В Полёт!

Самый Лазурный День

Облака белокрылой грядой
Распростерли над Морем тень,
На себя приняв Солнечный зной
В этот Самый Лазурный День.

Легко Ветер вдохнул в Паруса
Ободрившую Жизнь прохладу,
И слились в Горизонт Небеса
С Морем, путникам Дня в награду.

Вечный, Мудрый, Загадочный Лес
С горных пиков и горных террас
Созерцал Сотворенье Чудес
Под ручьев стихотворный Глас.

Божий Взор снизошел Красотой
На сиявшую Счастьем Землю.
И, плененный Мечтой Такой,
Я теперь только Вечность приемлю

В Этот Самый Лазурный День!

Совершенное Чудо

На Летящий в Космосе Шар
Свет доставил Жизни Причину.
Лучезарный Вселенной Дар
Претворил Бытие в Величину.

Расцвело Бытие в Гармонии
С Распростертыми Звездными Шаями.
Стало Явью Небесной Симфонии
Освященной Несметными Далями.

Жизнь наполнила Шар Вдохновением.
Не одна не сравнится Планета
Со Вращающимся Творением
Несказанно Красивого Цвета.

В Сочетании Призванных Сил,
Смысл Причины – Прекрасный Мир.
В Этот Мир Автор Света включил
Мысли Чувств и Любви Эликсир.

Так в Просторах Сияющей Вечности,
Путь и Время на Циклы дея,
Летит Шар Неземной Безупречности,
Совершенное Чудо – Земля.

Это Ялта

С Расстояния Тысячей лет
Золочёный всплывает Шар
Через Горный Хребет
В Синий Неба Нектар.

Сад Рассветных Цветов
У Богатого Моря
К Счастью Жизни готов,
Чувствам Радости вторя.

Заиграли Лучи в Лепестках.
Свет Аккордам не знает меры.
То, что было Желанно во Снах, –
Стало Явью Чудо Премьеры!

Взяла Высшие Ноты Душа.
До чего же роскошная Сцена.
Путь в границы Высот верша,
Мечта ищет у Вечности Плена.

Весь кристальной росой
Любви Берег покрыт.
Нежен Страстный Прибой.
Утро. Чайка кричит –

Ялос! Здравствуйте, Дни!

С Расстояния Тысячей лет
Золочёный всплывает Шар.
Через Горный Хребет
В Синий Неба Нектар.

Это Ялта!

Ялтинский Сонет

Полёт Чайки возвестил
О рождённом Дне –
Зарю Неба поделив
С Гребнем на Волне.

Романтичность сильных Крыл,
Ловя Чувств потоки,
Лучей утренний порыв
Воплотила в строки.

Засиял Любви Сонет
Во Чудес Свершение.
Светел Солнца Силуэт.

Море! Стих! Парение!
Берег принимал Рассвет
И Души Волнение.

Как же ярок Жизни Свет
В Ялте Вдохновения!

Будьмо!

Тучи легли над Днепром,
Над всею его лентой!
Пусты мосты и паром,
Так Дел иссякает рента.

Пасмурна волн Тишина,
Устало катит Течение,
И только Реки Глубина
Имеет теперь значение.

Не видно той Редкой Птицы,
Что смелой осмелилась быть
И вскрыла Руслу Границы,
Полет чтоб осуществить.

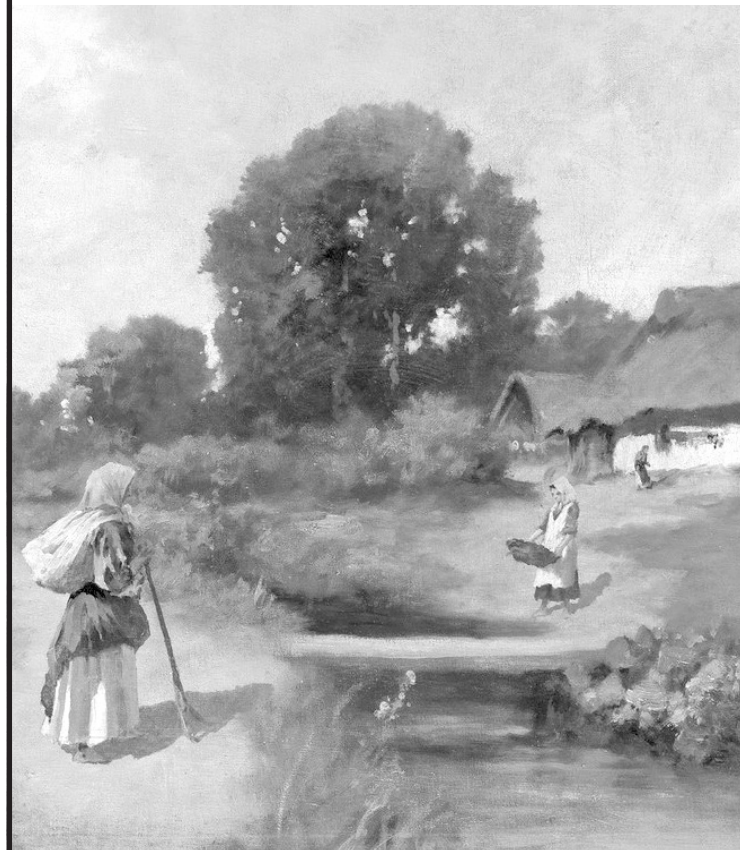
Немее Душа в неверии
Факту, что Щирый Днипро
Устало катит течением
Не в Море. В какое-то Дно!

Но нет! С Лавры виден Луч,
Пробивший Туч пелену.
И стал Днепр в Силах Могуч!
А был у ненастья в плену!

Недаром по Берегу Кручи,
Верой полны над Днепром!
Сгинут возлегшие Тучи!
Мосты оживут и Паром!

И Дел не иссякнет рента,
И будет искрящейся Лента
Родного всем нам Днепра!

Голоса провинции

Российский
колокол

Максим Жуков

Родился в 1982 году в Астрахани. Там же окончил школу и училище связи. Проходил военную службу в горячей точке. После армии печатался в региональных изданиях и участвовал в областных литературных конкурсах. Публиковался в московском журнале «Российский колокол». Лауреат Всероссийской литературной премии «В поисках правды и справедливости». Автор книг: «Свобода и цепь», «По образу и подобию», «Солнечный луч» и «Космический режим».

Бродские Рассказ

Неделя пронеслась подобно скоростному электропоезду, и столичные друзья, в недавнем прошлом коренные астраханцы, настаивали на том, чтобы я задержался у них до конца

майских праздников. К сожалению, увидеть парад Победы в Москве в этом году не получается. На днях мне звонили родители. Отец сетовал на плохое самочувствие своей матери. Сам он несколько дней не выходил из дома, хворал. Собрав единственный чемодан, я без промедления отправляюсь в родной город.

Предпраздничное настроение сменяется всё большей тревогой. Города и сёла, выбеленные солнцем, притягивают меня словно магнитом. Хочется отвлечься, и потому я представляю себя в заброшенных депо или на неизвестной железнодорожной станции, где курят пассажиры в домашних тапочках и трико. Ещё я вижу себя бредущим по бесконечному сочно-зелёному полю, окутанному слабой дымкой паровозной гари. «Скорей бы уже приехать...».

Утром после изматывающей, почти бессонной ночи, проведённой в душном плацкартном вагоне, предпочтительнее не толпиться у выхода, а пропустить самых торопливых вперёд – пусть они постоят с чемоданами, сумками и рюкзаками около купе проводников, сопровождающих вагон. В проходе то и дело мелькают сосредоточенные лица пассажиров, всего полчаса назад казавшиеся беззаботными. Гремят складывающиеся спальные полки, попутчицы затевают чай. В мою сторону направляется, чуть раскачиваясь, подвыпивший пенсионер в клетчатом пиджаке и широких камуфляжных брюках. Заранее извиняясь, он несёт рыболовные снасти, задевающие пассажиров.

Подрагивая в такт замедляющему свой ход поезду, я обращаю внимание на рыбака. Мне кажется, где-то я видел этого седого добродушного мужчину с едва уловимым запахом моря. «Возможно, лет тридцать назад, когда мы с отцом ловили на плотинах рыбу и я едва не утонул, он был свидетелем моего падения в реку. А может, это даже дядя Володя, доставивший нас с отцом после неудачной рыбалки домой». Как сейчас помню, мы ехали на старом советском «Урале» с чудо-люлькой, напоминавшей обилием торчащих удочек заросли камыша. А я, вытягивая шею, будто голодный птенец,

пытался разглядеть сквозь камыши витиеватую дорогу, огибающую кирпичный завод.

Воспоминания прерываются резким толчком, заставляющим вцепиться в раскладной стол, за которым я остался один. Книга с выцветшей обложкой, приткнувшись к окну, открывается на месте закладки – открытки с репродукцией картины Исаака Бродского «В.И. Ленин в Смольном». Старая открытка с пожелтевшими от времени краями досталась мне от прабабушки, которую я совсем не помнил. Разве что её маленькую руку, сжимающую новогодний подарок – шоколадку с этой самой открыткой.

Лениво поглядывая в окно, я продолжаю наблюдать за медленно проплывающим перроном в облаках горячей астраханской пыли, оседающей на загорелых лицах счастливых ребят, оживлённых разговором женщин, торговок с сушёными грибами и воблой, обходительных полицейских и цыганок в ярких нарядах. Покидая вагон, я на прощание обвожу грустным взглядом верхнюю боковую полку со скоплением матрасов и плоских невесомых подушек. Сколько же газет я прочитал на своей «боковушке», выставив в проход длинные ноги! А сколько кроссвордов одолел под монотонный стук колёс и вежливые предложения проводницы в белом переднике взять горячего чаю!

На перроне пахнет раскалённым асфальтом, соленьями, рыбой и витает неуловимый аромат цветочных духов. Закинув чемодан на плечо и сдвинув на нос потёртую дорожную кепку, я неспешно направляюсь к выкрашенному в серебристый цвет Ленину. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь пышную крону одинокого тополя, высвечивают невзрачную скульптуру вытянувшегося в ораторской позе вождя. Я вспоминаю другого Ильича – на площади в центре города, мимо которого скоро неспешно покатит военная техника, сверкая лакированными боками.

С вокзала – прямоком к бабушке, в битком набитой «газели». Извлекаю из кармана джинсовой куртки жалобно пискнувший телефон. Мобильник жалуется на длительную

разлуку с электросетью. А жаль – хочется послушать через наушники музыку.

– Захотелось снова отвлечься?

«Кто это говорит? Неужели внутренний голос? Ну всё, я, кажется, переутомился».

На самом деле автор слов – молодой сухощавый парень в деловом строгом костюме. Только вместо рубашки на нём футболка с броскими западными фразами в духе выдающегося поэта Иосифа Бродского.

«Бродский» разговаривает сам с собой, используя в качестве собеседника гарнитуру, повисшую на ухе подобно червяку:

– И что я теперь должен делать? Стелиться перед тобой? Нет, я сидеть дома завтра не собираюсь, ты поняла?

Потерянный взгляд парня мечется по скучающим пассажирам, в большинстве своём тоже не выпускающим из рук электронные устройства. Симпатичная девушка в лёгком платье с ухмылкой смотрит на говорящего. Без тени смущения она осведомляется:

– Ты сам с собой разговариваешь?

Для разъяснения она показывает свой телефон с красным значком на экране:

– Сети нет, а ты не унимаешься, болтунишка.

– Вот сеть, – отзывается деловито «поэт», поправляя сумку, истыканную старинными значками.

Маршрутное такси останавливается на перегруженной улице. Водители нещадно давят клаксоны и выкрикивают ругательства не только на русском, но и на казахском, татарском, корейском языках. В очередной раз я убеждаюсь в том, насколько многонациональный у нас город. А ещё дружный – в стрессовых ситуациях водители не превышают своих полномочий, оставаясь людьми.

Водитель, обращаясь к юноше, интересуется:

– Слушай, надо других водителей предупредить о заторе. Раз у тебя «труба» ловит, разреши сделать короткий звонок?

– Да без проблем, – отзывается парень и передаёт телефон загорелому, крепко сбитому водителю. Девушка тоскли-

во изучает автомобильную пробку. Наверняка она, в отличие от остальных, куда-то опаздывает. Две женщины бальзаковского возраста мило беседуют, старушки копаются в своих котомках, полупьяный мужик с лицом неудавшегося актёра пытается вздремнуть.

Водитель эмоционально делится своими впечатлениями с теми, до кого удаётся дозвониться:

– Затор по всей Николашке. Стоим, понимаешь? А я тебе что? На крыльях перелечу до Жилгородка?

– Было бы неплохо, – ехидно бросает девушка и решительно открывает дверь. Водитель, заметив между двумя иномарками свободное пространство, резко газует и тут же ударяет по тормозам, отчего дверь с лязгом захлопывается. У меня падает распухший чемодан. Из сумки выскальзывает книга. Бабушкина открытка от резкого толчка устремляется в сторону похрапывающего пассажира.

– Уже приехали? – пробуждается он, а заметив открытку, мямлит:

– Чей Ленин?

– Мой! – отзываюсь я торжествующе.

Старушки вопросительно смотрят на алкоголика, проявившего интерес к вождю. Заплетающимся языком он вспоминает:

– Революционный порыв Бродского, помнится, сослужил Ильичу хорошую службу: его идея отобразить победу Советской власти в простой реалистичной манере нашла понимание в Наркомпросе. Художник создал целый ряд портретов Ленина, но открытки удостоили только этот...

С этими словами он передаёт мне книжную закладку. Водитель, в очередной раз, предприняв опасный манёвр, выруливает к месту, ставшему причиной аварии. Грузённый металлоломом «КамАЗ» загородил дорогу, а его, словно мускулистые титаны, подпирают смятые в гармошку два чёрных джипа.

– Вот это да! – восклицает водитель, возвращая сотовый телефон владельцу.

Пассажиры, все, как один, принимают к окнам. Пожилые женщины причитают. Знаток творчества Исаака Бродского напряжённо молчит. Девушка судорожно обмахивается платочком.

– Приехали. Это надолго. Можете выходить, – крикнул водитель пассажирам.

Салон опустел. В нём – только я. За окном маршрутки – разгорячённые виновники аварии, размахивающие сотовыми телефонами, полицейские с рулетками, зеваки. Перекошенный столб, видимо задетый «КамАЗом», отчаянно балансирует над машинами, грозя устроить ещё одну аварию.

У меня в голове всплывают воспоминания.

Москва. Павелецкий вокзал. Выхожу вместе с шумной толпой на заснеженную площадь. Подчиняясь людскому потоку, торопливо спускаюсь в метро. В подземном царстве метрополитена множество ответвлений, легко заблудиться несмотря даже на многочисленные указатели. Люди, по большей части приезжие, не отличаются разговорчивостью. Поэтому подсказать дорогу никто толком не может. Поблуждав по сияющим туннелям и проехавшись на захватывающих дух эскалаторах, я выбираюсь к Новинскому бульвару. Со стороны ЦДЛ бросается в глаза памятник Иосифу Бродскому. Вот с него у меня и начинается настоящее знакомство с Москвой.

Бродский возвышается на гранитном постаменте, в свободном костюме, в очках. Руки поэта спрятаны в карманы, взгляд устремлён в небо. У подножия лежат свежие цветы. Бронзовый памятник кажется мне своеобразным символом, особым местом встречи для тех, кто любит и уважает его творчество. Памятник установлен напротив американского посольства, что само по себе символично. Ведь в своё время, когда при советском режиме Бродскому устроили травлю, он уехал в Америку, оставив в России родителей, друзей и всю свою прежнюю жизнь.

Высоко подняв голову, поэт вглядывается в сумрачное небо столицы, посыпающее головы жителей крупинками снега. Я замираю рядом с поэтом и вместе с ним люблюсь су-

мерками. Некоторые прохожие замедляют шаг и тоже задирают головы – из любопытства.

Начинаю обходить памятник. Складывается чувство, что скульптор выразил свою боль за судьбу поэта, которого при жизни не понимали, не осознавали глубину его таланта. Искусно обработанные глыбы гранита, постамент и бронзовая фигура придают композиции необыкновенный философский подтекст. Бродский смотрит на небо, словно на жизнь, задыхаясь от счастья быть и чувствовать...

Далее мой путь лежит по широкому тротуару мимо величественных зданий, скромных булочных и роскошных салонов мебели.

Покончив с московскими воспоминаниями, я покидаю «газель», протискиваюсь сквозь толпу прохожих, глазающих на аварию, к магазину морепродуктов. Отсюда рукой подать до улицы Ахшарумова, где большую половину жизни проживает моя бабушка – Галина Николаевна.

Стараясь сократить путь, я прохожу через дворы мимо сараев, голубятен, беспорядочных нагромождений кирпичных, железных и даже деревянных гаражей. В одном из них кипит работа: пожилой мужчина дёргает ногой кикстартер, что-то одновременно подкручивая под бензобаком. Не выбирая выражений, он ругает покрытый ржавчиной мотоцикл, отказывающийся заводиться. С удивлением узнаю в земляке того самого рыбака из поезда.

– Дядя Володя? – приглядываюсь я. Его полное обветренное лицо краснеет от тщетных попыток оживить древний мотор. Густые брови гневно сдвигаются. Он резко спрашивает:

– Молодой человек, что вам, собственно?.. Ах ты ж боже мой! Виталий, ты ли это? Отважный рыбак, едва не утонувший с целой сумкой рыбы? Как же, как же, помню. Ну, с чем приехал?

Я вынимаю из чемодана одно из первых изданий «Воскресения». Роман с выцветшей обложкой и специфическим запахом, присущим старым книгам, завораживает Влади-

мира. Он бережно берёт его в руки, неторопливо листает страницы. Дойдя до тисненной закладки с репродукцией Бродского, дядя Володя возвращает мне книгу. Изображение Ленина наводит его на иные мысли, связанные с предстоящим праздником.

– Пойдёшь на парад? – спрашивает он меня.

– Не знаю, – пожимаю плечами, – я сейчас к бабушке.

– Передавай ей привет. Почитай, лет восемь не виделись, хотя живём рядом. Она говорила, увлекаешься поэзией?

– Есть такое. Перечитываю в свободное время Пушкина, Пастернака, но больше – Бродского.

– Бродского? Его сборники стихов долгое время находились под запретом. Но мне сын привозил один редкостный экземпляр. Если завтра соберёшься на парад, то приходи сюда часиков в восемь. Я тебе принесу книгу, а заодно подброшу до площади Ленина.

– На этом? – удивляюсь я, оглядывая мотоцикл.

– На нём, родимом.

Попрощавшись с хозяином гаража, мысленно снова возвращаюсь к тревожному телефонному звонку. Держу путь к серому пятиэтажному зданию, окружённому низкими чахлами деревьями, возле которых прогуливаются парочки с георгиевским лентами и медалями.

В тёмной прихожей меня встречает бледная Галина Николаевна в домашнем халате. Я прижимаюсь к ней небритой щекой, нежно целую и извиняюсь за то, что уехал, не попрощавшись. Она, мучаясь одышкой, машет рукой – мол, ничего, привыкла. Выглядит она уставшей и на моё предложение сходить в магазин или аптеку отвечает решительным отказом. Приглашает в зал к письменному столу, устланному газетами и платёжными квитанциями. Я сажусь в кресло и, прижимая руки к груди, стараюсь оправдаться:

– Бабушка, честное слово, я...

– Ладно. Приехал. Сам жив-здоров, и это главное. Мне-то о душе подумать пора, так чего уж церемониться?

– Не говори так, ба...

– Вот на днях скорая приезжала... Думала – всё, ни руками, ни ногами пошевелить не могу. Вдруг слышу, входную дверь кто-то открывает. Покойный дедушка твой, Николай, появился. Помолодевший, в светлом костюме. Подошёл к моей кровати и пристально смотрит, пытаюсь, видимо, что-то сказать. «Коль, ты за мной?» – спрашиваю. Он так ласково меня приобнял и потянул за руку. Я так и свалилась с кровати. Даже зашиблась. Чувствую – сердце так и скачет в груди. Глядь, а Коленьки и след простыл...

Бабушка умолкает, теребя влажный платок. Я крепко обнимаю её, с трудом сдерживая подступившие слёзы...

На следующее утро просыпаюсь на удивление рано. Сладко потягиваясь, выхожу на балкон. Задорное щебетание птиц в тёплых лучах солнца, аромат акаций на майском ветру привносят волнующее томление. Скоро парад! Мимо нашего дома не спеша, тихо переговариваясь, идут ветераны.

– Виталий, пора завтракать, – зовёт меня бабушка.

– Ба, а ты на площадь Ленина поедешь?

– Да куда уж мне, старой? Я во дворе на скамеечке посижу. А ты сходи сам, развейся. Потом мне расскажешь, как погулял, что видел и что запомнилось.

Поразмыслив немного, она просит:

– Внук, достань-ка из-под дивана чемодан. В нём твоя военная форма. Надень её на парад, а то что ж – в московских обносах пойдёшь?

Вытаскиваю чемодан и беру китель, увешанный аксельбантами, позолоченными пуговицами и наградами. Среди них выделяется чёрный крест с надписью «За службу на Кавказе». Прижимаю к себе армейскую рубашку – не маловата ли? Открываю дембельский альбом с фотографиями, сделанными в Волгограде перед отправкой в Чечню. Снимки согревают сердце, я перебираю их, позабыв обо всём. Вот Артеменко, наш командир взвода. Хороший мужик, справедливый, а главное, из тех, кто не боится замарать руки, если требуется срочно выкопать траншею или установить в короткие сроки ограждение на ГСМ. Прокофьев с усталой улыбкой. Мы с

ним не вылезали из нарядов за пререкания с командиром. Никифоров – наш неугомонный «кефир»... А вот... Мои руки с фотокарточками охватывает нервная дрожь. Мы с Володей в Чечне на фоне вертолётной площадки. Подтаявший снег чернеет на глинистом пригорке, обрамлённом пожухлой травой. Рядом валяются осколки стеклянных ампул с отломанными горлышками, разбухшие от крови клочки ваты и обрывки бинтов. За нашей спиной к вертолёту несут тяжело раненого. При виде бледного тела на носилках мне становится страшно. Зачем? За что?.. Никто не знает, и уж тем более не эти двое на снимке. Тоже мне нашли время для фотосессии.

Выхожу во двор в своей сержантской форме. Сворачиваю к гаражам, где бродит хмельной дворник с метлой и подкармливает голубей. Приближаюсь к открытому нараспашку гаражу. Из его полутьмы слышится тарахтение мотоцикла и довольный голос дяди Володи, обходящего исправно работающую технику.

– Работает! – обращается он ко мне. – Как Галина поживает?

– Спасибо. Держится молодцом.

– Да, держи вот, писатель, – дядя Володя передаёт мне обещанную книгу. С благодарностью беру потёртый сборник стихов. Открываю первую попавшуюся страницу, читаю:

Ни тоски, ни любви, ни печали,
ни тревоги, ни боли в груди,
будто целая жизнь за плечами
и всего полчаса впереди.

– Кстати, до парада полчаса, – говорит дядя Володя, накинув пиджак с орденами и медалями, одобрительно кивая и на мои скромные заслуги перед Отечеством.

«Надо же, через полчаса я буду на площади Ленина, которого рисовал уже другой Бродский...» Додумать я не успеваю. Мы стремительно набираем обороты. Выбравшись со двора, наш мотоцикл с рёвом разрезает нарядные улицы. Я, как и прежде, устроился в коляске и разглядываю мелькаю-

щие здания, похожие на разноцветные подарочные коробки. Упёршись ногами в дно люльки, я крепко держу трепещущий на ветру красный флаг с серпом и молотом.

Впереди появляется площадь Ленина, я переживаю: с каждым годом парад на 9 Мая проходит в нашем городе не столь помпезно, как раньше. Меньше проезжает по улице Ленина военной техники, да и марширующих солдат поубавилось. В социальных сетях в Интернете проскальзывают до невозможности глупые призывы транслировать мероприятие через виртуальную сеть. Чтобы никуда не ходить, не покидать виртуальную няньку, вдалбливающую в неокрепшие умы, что, дескать, скучно смотреть на одни и те же машины, а на марширующих людей и подавно.

Площадь едва вмещает восторженных горожан. Красные полотнища флагов развеваются над машинами, задевая каски подтянутых солдат. Тысячи рук подняты с сотовыми телефонами. Маленькие экраны бликуют от яркого солнца, придавая торжеству ощущение Победного салюта. За стройными «коробками» моряков, лётчиков, пехоты следует военная техника. Но особое волнение я, как и каждый пришедший в этот день на площадь, испытываю при виде шествия Безымянного полка. Скорбная колонна проходит под шум людской овации. Над морем портретов погибших за родину разливается наполненное человеческой благодарностью «Ура-а!».

Праздник есть праздник, и мы с дядей Володиём сливаемся с пёстрой толпой, в которой особенно выделяются актёры, переодетые в западных сказочных персонажей. Они весело раздают георгиевские ленты, памятные значки и футболки. Чуть в стороне от них, у белокаменных стен Астраханского кремля, я вижу других, отнюдь не вымышленных персон, хорошо узнаваемых и любимых: Пушкина, Лермонтова, Маяковского и даже Льва Толстого в грубой мешковатой одежде. Скорее всего, есть и другие, затерявшиеся между участниками праздника. Замечаю, что к классикам подходит гораздо больше людей, чем к мультгероям.

– А где же Грибоедов, Максим Горький и этот твой, Бродский? – недоумевает дядя Володя. – Как он там говорил в фильме «Довлатов»: мы последнее поколение, которое может спасти русскую литературу?

«Действительно. Где же Бродский?».

Неожиданно из толпы появляется вчерашний «поэт» в сером костюме, в чёрных лакированных туфлях, бликующих на солнце, и пачкой листовок. Желая проверить догадку, с трудом выбираюсь к фонтану, на бортике которого прогулочным шагом ходит тот самый «Бродский» из маршрутки.

– А, это ты? – обращается ко мне парень и протягивает распечатанные стихи Иосифа Бродского. Другим он раздаёт сочинения Пушкина, Цветаевой, Блока... Я вздохнул читаю их, не замечая, как подхожу к гранитному постаменту памятника Ленину. На его ступеньках взволнованный подросток громко объявляет: «Иосиф Бродский...»

Пограничной водой наливается куст,
и трава прикордонная жётся.
И боится солдат святотатственных чувств,
и поэт этих чувств бережётся.
Над холодной водой автоматчик притих,
и душа не кричит во весь голос...

Сквозь шум толпы едва разбираю последние строчки стихотворения:

И с полей мазовецких журавли темноты
непрерывно летят на Варшаву...

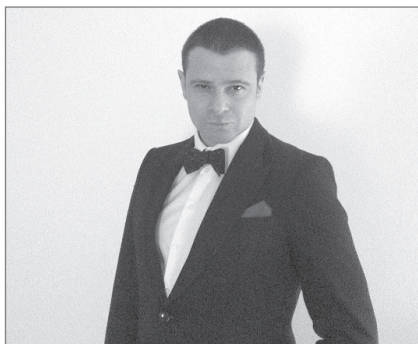
Публицистика

Российский
колокол

Анатолий Ливри

Доктор наук, эллинист, поэт, философ, автор пятнадцати книг, опубликованных в России и Франции, бывший славист Сорбонны, ныне преподаватель русской литературы Университета Ниццы – Sophia Antipolis. Его философские работы получили признание немецкой «Ассоциации Фридрих Ницше»

и неоднократно публиковались Гумбольдтским Университетом, а также берлинским издателем Ницше «Walter de Gruyter». Открытия Анатолия Ливри – эллиниста признаны «Ассоциацией эллинистов Франции Guillaume Bude», и с 2003 года его работы издаются её альманахом под редакцией нынешнего декана факультета эллинистики Сорбонны профессора Алена Бийо. В России Анатолий Ливри получил две международные премии: «Серебряная литера» и «Эврика!» за монографию «Набоков-ницшеанец» («Алетейя», Петербург, 2005), в 2010 опубликованную по-французски парижским издательством «Hermann» (готовится к публикации в Германии на немецком языке).

Одновременно в Петербурге издано продолжение «Набокова-ницшеанца» – переписанная автором на русский язык собственная докторская диссертация по компаративистике «Физи-

ология Сверхчеловека», защищённая в Университете Ниццы в 2011 году. Анатолий Ливри – корреспондент «Литературной газеты» в Швейцарии.

Его повесть «Глаза», написанная в 1999 году, получила в 2010 году литературную премию имени Марка Алданова, присуждаемую нью-йоркским «Новым Журналом». В 2012 году в московском издательстве «Культурная революция» опубликован роман Анатолия Ливри «Апостат». А в 2014 году в издательстве «Алетейя» вышел в свет сборник стихов «Сын гнева Господня».

В ноябре 2015 доктор Анатолий Ливри стал лауреатом Международной российской премии «Пятая стихия» в номинации «За гражданское мужество». Доктор Анатолий Ливри удостоился этой чести в России за свою борьбу за традиционную семью в Европе, а также за свою борьбу против университетской коррупции Франции.

В Петербурге опубликован новый сборник стихов доктора Анатолия Ливри «Омофагия» («Алетейя», 2016, 146 с.) <https://www.ozon.ru/context/detail/id/35084096/> Одна из статей, открывающих книгу Анатолия Ливри, принадлежит экс-ректору Литинститута им. Горького Сергею Есину.

Русисты-расисты

*Ἀλλ' οὐ μὰ τὸν Διόνυσον ἀνέξομαι τοῦτου τοῦ σοφιστοῦ*¹

Юлиан Отступник

Каждый философ – неизбежно историк: препарируя официальные версии прошлого и выявляя истинные события минувшего, он предсказывает будущее. Поэт просто невольно предчувствует грядущее. Однако здесь позвольте мне выступить под маской зоолога: десятилетия, как

¹ Клянусь Вакхом, уж этот софист так легко от меня не уйдет! (греч.).

специалист по этологии шакалов, я прожил среди западных славистов-русофобов, изучив все их рефлексy. Да, страсть к истреблению славян – это условие *sine qua non*², чтобы сделать карьеру в западной русистике: шарлатану профессорского звания, часто не владеющему русским языком³, требуется неоднократно доказать, что им движет истерическая ненависть не только к славянам, но и ко всем индо-

² Непременное условие (лат.).

³ Для примера тотального незнания базовых правил русского языка французскими «русистами» – выступление по радио профессора русистики Режи́с Гейро из Клермон-Феррана, однажды не исправленное его «неграми»: Это действительно (SIC! даже здесь ошибка!) большое творчество (SIC! Не по-русски!). И глубокое творчество. Ильязд – это человек, который был и футурист (SIC! Не по-русски! Профессор русистики Режи́с Гейро абсолютно не владеет творительным падежом), и дадаист (SIC! Не по-русски! Профессор русистики Режи́с Гейро не владеет творительным падежом и другими склонениями русского языка, которые обязан знать француз-первокурсник, изучающий русский язык), был близок к сюрреалистам, он был близок к экзистенциалистам (SIC! Повторение! т. к. профессор русистики Режи́с Гейро не владеет русским языком, он боится пользоваться «более сложными» оборотами, где – а Гейро это знает – он наделает ещё больших ошибок...), он боролся против литристов, но он навсегда остался Ильяздом (SIC! Не по-русски! Буквальный перевод французской фразы: «Mais il toujours restait Untel»). По-русски надо говорить: «Он всегда оставался самим собой». Президент Совета французской славистики Режи́с Гейро за многие десятилетия общения с русскими не перенял даже базовой системы русского мышления. Режи́с Гейро абсолютно профессионально непригоден не только для русистики, но и для филологии в целом. И он потом нашел свое «я», когда начал издавать свои книги. Эти книги *livre d'artiste* (SIC! Президент Совета французской славистики Режи́с Гейро не способен высказывать базовых мыслей по-русски. Абсолютная профессиональная непригодность!). Это человек очень обширный (SIC! Вообще не по-русски!). Конечно, его следы везде (SIC! Вообще не по-русски! Буквальный перевод с французского «L'on trouve ses traces partout»). Он знал очень много людей, очень много человек он знал (SIC! Пошла «циркулярная ахинея» – признак шизофрении), а все-таки редко говорили о нем (SIC! Что это?!). Но сейчас постепенно, постепенно становится ясно, как все это органически соединено (SIC! «Соединено» с чем?! Почему «органически»?!. Что это за ахинея?!). Мне кажется, что это самая полная выставка, но не только самая полная, но и самая умная выставка (SIC! Опять не по-русски! Опять калька с французского!). Смотрите, как все эти экспонаты показаны. Только стекло, бумага и стена. То есть стена, бумага и потом стекло (SIC! Снова «циркулярная ахинея» – признак шизофрении). Это очень просто, очень скромно, но очень эффектно. Ничего нет лишнего, все очень просто, спокойно (SIC! Опять не по-русски! Что именно «спокойно»?!). От всего этого пахнет, так сказать, пахнет спокойствием, чувством тишины (SIC! Опять не по-русски! Снова калька с французского! «пахнет чувством тишины»?!), молчания (SIC! Опять не по-русски! Опять калька с французского! «пахнет чувством молчания»?!) или «пахнет молчания SIC»?!. Тогда надо говорить «молчаниеМ», очень приятно быть здесь. Кажется, что все эти книги влияют на нас очень добро и приятно (SIC! Опять не по-русски! Снова калька с французского! Как это «влияют добро и приятно»?!). Это очень странно (?!). Сейчас, сегодня много (SIC! Опять не по-русски!), конечно, человек (неисчислимость, значит «много людей», безграмотный профессор русистики Гейро!) в зале. Люди снимают, фотографии и так далее (SIC! Опять не по-русски!). Но, когда мало человек (неисчислимость, значит «мало людей», безграмотный профессор русистики Гейро!) в этом зале, например, кажется, что все эти бумаги, страницы книг, влияют на нас очень положительно (SIC! Снова «циркулярная ахинея» – признак шизофрении). Это очень поразительно. (SIC! Набор слов).

европейским народам: желание их «улучшить», подвергнув, если необходимо, геноциду.

Например, каждый французский славист – не учёный, а функционер кормящего его государства – расист, взращённый на ненависти к индоевропейцам, дышащий, кропающий свою псевдонаучную графоманию единственно ради искоренения народов Евразии метисацией, в первую очередь ради ликвидации русских. В противном случае аппаратчика казённого французского расизма даже не пропустят на кафедру! И мифическая фраза Троцкого о превращении России в пустыню, населённую <белыми> неграми, обретает предельно реальный смысл на факультетах русистики Франции, становится единственно приемлемой целью университетских глобалистов, дрессирующих молодёжь столь же безграмотную, как и её профессора. Да, смешать восточных славян с африканцами, завезя миллионы «конгоидов» в Российскую Федерацию с Украины, уже предоставившую Евросоюзу официальные гарантии будущей метисации своих граждан⁴: единственная цель отмены виз между этой страной и Евросоюзом – депортация через Лампедузу обитателей Африки на Украину, а после дальше, на восток. Французские человеконенавистники и их поделушки с российскими паспортами мечтают об уничтожении ДНР с ЛНР как преграды своим преступным замыслам получения всего за два-три поколения миллионов мультатов от Киева до Владивостока. Расистская секта видит в «белой» популяции своего единственного конкурента, и, чтобы стереть индоевропейцев с лица земли за несколько десятков лет, они не остановятся ни перед разжиганием новых войн, ни перед оболваниванием славян через российские университеты, получающие гранты от своих западных партнёров и московских миллиардеров-меценатов.

«Это невозможно!» – воскликнет мой «трезвый» оппонент. А вы перечитайте дебаты французских, бельгийских

⁴ «EU-Ukraine Refugee Crisis: Ukraine's Klimkin sides with Germany in migrant crisis debate» (vidéo), Ukraine Today, 07/09/15: <https://www.youtube.com/watch?v=kFTfyce796w&list=PLBT6-Amkd2Wlnsw27LeARcpYuTb05Rq00>

или шведских газет 70–80 гг. прошлого столетия, сравнив их с дискурсом, которым фаршируют нынче головы в Москве и Петербурге. Один к одному! А после этой интеллектуальной зарядки имейте мужество прогуляться – без полицейского сопровождения! – по Сен-Дени, Моленбеку, Ринкебу – и вы ясно увидите, что конкретно уготовляют русским и прочим славянам. Вот почему, кто бы ни сидел в президентском кресле РФ, для космополитов он навсегда останется «фашистом» или «крайним правым», эдаким исчадием преисподней – фантастическим «Гитлером»⁵, противящимся разрушению рубежей государства, обоих полов и этносов. И так пребудет, пока Россия не превратится в пространство, населённое мулатами, квартиронами, окторонами, седецимионами и чистыми «конгоидами», – обязательно содомско-толерантного исповедания! – организовавшими закрытые, разделённые по расовому и сексуальному типу сообщества, яро ненавидящие друг друга. Лишь таким «русский» станет наконец терпим мондиалистами.

Существует ли некая «доктрина» космополитических расистов? Да, и её можно сформулировать так: «Человеческих рас нет в природе... однако, единственно приемлемая раса, которую надо вывести, – детище тотальной метисации; каждый защитник своей расы совершает наивысший грех, который надлежит преследовать уголовным судом ... однако, насилие семитов и «конгоидов» над индоевропейцами – это исторические последствия доказанного в наших университетах многовекового расизма «белых», а потому являются

⁵ «Pour bien appuyer son propos, le magazine publie en couverture une photo photoshopée de Vladimir Poutine, les traits vieillis et les cheveux grisonnants, avec le titre qui tient lieu de moustache, lui donnant ainsi un air de ressemblance frappant, qui n'aura échappé à personne, avec le dictateur nazi allemand Adolf Hitler. Le directeur éditorial de «The Advocate», Aaron Hicklin, s'explique : «Nous ne cherchons pas à dire que 'c'est le nouveau Hitler'. Nous voulons juste dire 'voici l'homme qui continuera à aller plus loin si vous le laissez tranquille'». Le message est on ne peut plus clair... » : «Un magazine gay grime Poutine en Hitler et le nomme «personnalité de l'année» : un choix audacieux», Agoravox, le 14 novembre 2014, <https://www.agoravox.fr/tribune-libre/article/un-magazine-gay-grime-poutine-en-159283>

не преступлениями, а восстановлением расовой справедливости; семитская и «конгоидная» цивилизационные составные суть нерасторжимые части западной культуры, которая всем обязана им (отсюда остервенелая кинематографическая расистская фальсификация истории со внезапным возникновением «конгоидов» среди друзей будущего короля Артура <https://www.youtube.com/watch?v=jIM4-HLtUM0> или при дворе Густава III <http://www.dailymotion.com/video/x3s3b5a>) ... однако, абсолютно все цивилизации Запада порождены расистскими репрессиями, совершёнными ариями над остальным миром, а потому «белые», дабы вымолить моральное расовое прощение, обязаны принимать у себя миллионные афро-азиатские племена». Такая вот психопатическая мешанина возведена в ранг официальной идеологии любого западного университета и с чудовищной скоростью насаждается в России. Малейшая попытка уклонения от фанатических догматов, пронизанных расовой ненавистью к индо-европейцам, молниеносно карается изгнанием «еретика» из университетов и крупных издательств.

Ну и последнее, в этот раз, свидетельство из Европы: за десятилетия официального общения с французской славистикой я собрал и классифицировал сотни письменных стукачеств на себя в полицию и министерство высшего образования Франции «уважаемых профессоров», которых постоянно, через структуры «человеколюбивых» миллиардеров Прохоровых, зазывают в Россию. Каждое моё опубликованное открытие философа⁶, скандинависта⁷, германиста⁸, эллиниста⁹, богослова¹⁰, а в первую очередь русиста¹¹ навсквозь пропитано страстью не допустить геноцида индоев-

⁶ Dr. Anatoly Livry, «Le ménadisme créatif de Nabokov», Nietzscheforschung, Berlin - Boston, Walter de Gruyter Verlag, 2017, Band 24, SS. 389-397.

⁷ Dr. Anatoly Livry, «Strindberg, Lukian und die Toteninsel», Der Europäer, Basel, Perseus Verlag, N. 8, June 2012, pp. 16-17 and 20: <http://anatoly-livry.e-monsite.com/medias/files/strindberg-europaer.pdf>

⁸ Dr. Anatoly Livry, «Nietzsche et Wagner : lutte entre le paganisme et le christianisme », Schweizerische Zeitschrift für Religions- und Kulturgeschichte - Revue suisse d'histoire religieuse et culturelle, Université de Fribourg, Suisse, 2015, SS. 253-267.

ропейцев. Именно этот «грех» не могут мне простить расисты, пригласившие меня преподавать в Сорбонну как еврея, который – в обмен на пошлое профессорство – должен был принять деятельное участие в истреблении славян, кельтов, германцев, а также в прочей псевдонаучной проституции. Вот почему моё преподавание и издание профессорских доносов с печатями Французской республики и Сорбонны поможет не только понять истинную личину университетских ставленников издыхающих учеников троцкиста Пьера Паскаля¹², но главное – предотвратить расистское стирание славян с лица планеты.

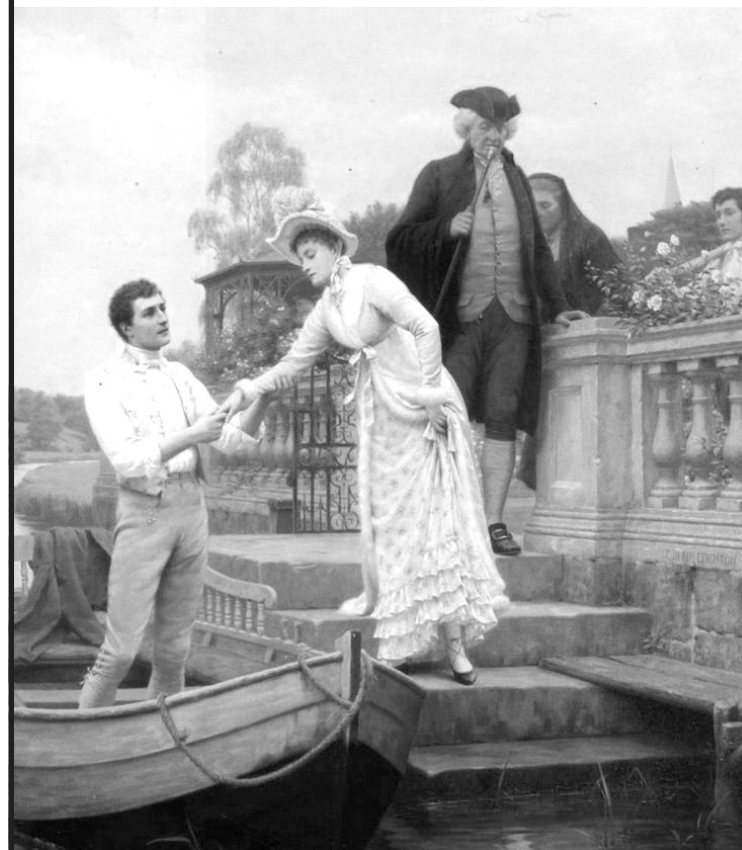
⁹ Dr. Anatoly Livry, «Tête d'Or et Hélios Roi, la rupture du Cercle de l'Éternel Retour», Bulletin Guillaume Budé, l'Association d'Hellénistes et de Latinistes français, in charge of publishing: Prof. Alain Billault, then director of the Faculty of Greek Studies at Paris IV-Sorbonne, Paris, 2008 – 2, pp. 167-193: http://www.persee.fr/doc/bude_0004-5527_2008_num_1_2_2310

¹⁰ Dr. Anatoly Livry, «Nietzsche et le «Juif», Schweizerische Zeitschrift für Religions- und Kulturgeschichte - Revue suisse d'histoire religieuse et culturelle, Fribourg University, Switzerland, 2016, pp. 421-434: <http://anatoly-livry.e-monsite.com/medias/files/livry-szrkg16-1.pdf>

¹¹ А. Ливри, Физиология Сверхчеловека. СПб.: Aletheia, 2011. 310 с.: http://www.ng.ru/non-fiction/2011-06-02/6_game.html

¹² Dr. Anatoly Livry, «L'ANARCHO-TROTSKISTE PIERRE PASCAL ET SON ENGEANCE», Moscow, Géopolitica, December 1, 2017: <https://www.geopolitica.ru/fr/article/lanarcho-trotskiste-pierre-pascal-et-son-engeance>

Интервью

Российский
колокол

Елена Дегтярёва

«Мы обречены быть теми, кто мы есть...»

Несбыточные мечты, бесконечные путешествия, сказочные миры, таинственные люди, далёкое будущее и бесконечное настоящее – обо всем этом фантастические рассказы и сказки Татьяны Генис. Как и многие из нас, автор верит в судьбу, которую человек способен изменить лишь в очень редких случаях.

Хотим предупредить сразу, что читатель не встретит здесь ни злодеев, ни принцесс, ни привычного «жили-были» или «в некотором царстве». Татьяна находит своих сказочных героев в том, что простому человеку может показаться обыденным, неприметным. Лишь писатель способен разглядеть чудо там, где, казалось бы, его и вовсе нет. Маленький неприметный камушек в форме сердца, деревянная куколка, волшебное зеркало, копеечка – вот её герои. И каждый рассказ непременно с ноткой грусти и ненавязчивым философским выводом.

– Татьяна, Ваша книга называется «Длинное путешествие». Хотелось бы спросить, а Вы любите путешествовать? И каким было Ваше самое длинное путешествие?

– Путешествовать я люблю, но времени на это не хватает. Если задуматься, вся наша жизнь – это одно длинное путешествие, которое не имеет конца.

– Как рождаются сюжеты для Ваших рассказов, сказок? Откуда черпаете вдохновение?

– Вдохновение я не черпаю, оно само меня захлестывает с головой и уносит в водоворот сюжетов.

– «Наконец, моя мечта сбылась, и я больше не буду грустить и страдать, ища место в этом мире», – так рассуждает герой одной из Ваших сказок. Хотелось бы узнать, сбылась ли Ваша заветная мечта?

– Нет, моя заветная мечта не сбылась, но я надеюсь, что когда-нибудь она всё же осуществится.

– Многие из нас верят в то, что у каждого своя судьба, которая предначертана свыше. Вы же в своих рассказах пытаетесь доказать, что можно «разорвать путы, предначертанные судьбой» и стать свободными. Не так ли?

– Совершенно верно. Я верю, что наши судьбы уже предрешены, но также я уверена, что судьба дает возможность человеку сделать выбор и тем самым дарит ему возможность разорвать роковые цепи. Все мои герои хотят изменить свою судьбу и стать счастливыми, когда впереди их ждут лишь несчастья.

– Ваши произведения не просто фантастические, сказочные и мистические. Они, на мой взгляд, глубоко философские. Вы увлекаетесь философией?

– Да, я немного увлекаюсь философией и психологией и пытаюсь сделать моих героев глубоко понимающими всю глубину жизни и умеющими видеть истинные лица окружающих их людей.

– Мне показалось, что сказка «Ледяная роза» навеяна детскими воспоминаниями об услышанной когда-то прекрасной истории о девочке Герде, попавшей в царство Снежной королевы. Или я ошибаюсь?

– Мои рассказы многим людям напоминают что-то знакомое. В детстве я не любила сказки, а стала интересоваться ими, лишь повзрослев, видя не только поверхностную красоту, но и глубокий смысл, скрытый между строк.

– Ваши сказки предназначены для взрослой аудитории. А хотелось бы написать что-то сказочное для маленьких читателей?

– Хотелось бы, но писать для детей – это очень сложно.

– Увлечение литературой для Вас – хобби или основная работа?

– Хобби, и порой очень не хватает времени или просто сил на написание рассказов.

– Есть ли в Вашем писательском багаже произведение, которое Вам особенно дорого? И в каких жанрах, кроме сказок и рассказов, Вам бы хотелось попробовать себя?

– Конечно, есть такие рассказы, которые мне очень дороги и, которые я, наверное, еще не скоро покажу людям. Мне всегда хотелось написать детективную повесть или роман, без мистики и сказочности. Я хочу описать жизнь такой, какая она есть.

– Сказочный мир Ваших героев полон волшебства и печали. Вы пессимист по жизни или все же оптимист?

– Я скорее пессимист, именно благодаря этому начала писать рассказы. Когда ты видишь мир в розовом цвете, то писать не о чем. А если ты принимаешь жизнь такой, какая она есть, и понимаешь, что ничего не можешь исправить, то начинаешь писать рассказы, пытаешься найти другой мир, не такой, как этот.

– Какую награду за свое творчество хотели бы получить?

– Мне кажется, для каждого пишущего человека самая лучшая награда – это найти своего читателя, группу людей, которым будет нравиться то, что ты пишешь.

– И, если можно, хотелось бы узнать: Генис – это творческий псевдоним?

– Это моя фамилия, которая имеет прибалтийские корни.

Спасибо Вам за приятную беседу. Надеемся, что Ваша читательская аудитория будет расти с каждой новой книгой. А мы с нетерпением будем ждать Вашу детективную повесть или роман!

«История в событиях и лицах»

Перед нами книга, способная, на мой взгляд, заинтересовать тех читателей, которых в современное время с небольшой долей иронии называют «сделаны в СССР». Им, безусловно, будут понятны и знакомы такие слова, как: «сталинки», «хрущевки» и многое другое. Может быть, у кого-то проснется ностальгия, а кто-то возмутится. Но равнодушным никто не останется. А чтобы чтение было более интересным и понятным, мы решили задать несколько вопросов автору книги и уточнить некоторые моменты.

Знакомьтесь, Александр Ломтев – писатель, журналист, путешественник. Автор книги «Финский дом. Хроники уходящих времен».

– Александр, Вы назвали свою книгу «повестью без сюжета и главного героя». Разве так бывает? Что Вы хотели этим сказать?

– Понятно, что это своего рода игра с читателем: он сам выберет главного героя, сам откроет для себя сюжетную линию. Для меня главный герой – тот самый финский дом, в котором и вокруг которого происходят события, становящиеся

веками в жизни, как каждого его обитателя, так и страны в целом. В этом смысле для меня равны и дядя Вася, выточивший, может быть, сам не зная того, деталь для первой атомной бомбы; и диктор Мальский, отсчитывающий секунды перед её взрывом, – все они части той мозаики, которая и становится историей страны, историей народа.

– Что именно вам хотелось запечатлеть в «Хрониках уходящих времен»?

– Да вот как раз историю страны через истории людей в конкретном, довольно знакомом, месте...

– Кто был первым читателем «Финского дома»?

– Хм, корректор и «по совместительству» литературный критик Татьяна Криницкая. Потом повесть прочитал один из тех, кто имел прямое отношение к работе Ядерного центра. Ему показался весьма необычным взгляд на глобальное, так сказать, с уровня быта, но повесть понравилась.

– События хроник охватывают период с 1946 г. и до наших дней, не так ли? Почему именно это время?

– А мне кажется, что это один из наиболее интересных периодов жизни СССР – очень контрастный и противоречивый и в каком-то смысле поучительный...

– Некоторые истории (жизнь в «сталинках», квашение капусты), описанные в книге, очень похожи на реальные воспоминания из детства. Я ошибаюсь или Вы все же делитесь тем, что Вам особо дорого и что память хранила все эти годы?

– Любой писатель, даже если он фантаст, опирается в первую очередь на свой житейский опыт, на свои представления и знания. На то, что кажется ему наиболее важным, значительным или характерным.

– Ферাপонтыч, дядя Вася – вымышленные герои или существуют прототипы?

– Это собирательные образы. Хотя и у Ферапонтыча, и у дяди Васи есть реальные прототипы – это всё же не прямое копирование.

– В книге есть интересная теория о том, что «есть два вида людей, ну или подвида. Нет, пожалуй, всё же – вида. Один – изначально, генетически способный на убийство. В принципе, вне зависимости от воспитания, условий жизни и темперамента. Другой – не способный на убийство ни при каких обстоятельствах, разве что ради спасения своей жизни. Зачем природе понадобилось создавать два вида – это другой вопрос, может быть, процесс эволюции этого требует... Убийцы – это брак. Ну как генетическая болезнь». Могли бы Вы сказать, кому принадлежит эта теория?

– На эту мысль меня навели публикации о так называемых детях-индиго. Возможно, краткая в космических масштабах история человека разумного – лишь самое-самое начало его развития и процесс эволюции человека и человечества будет очень длительным. К чему он приведёт, даже представить себе трудно. Эту теорию я довольно обстоятельно продумал и хочу отразить в новом романе.

– В «Хрониках...» написано: «Наверное, это формула жизни: «Человечество – вечный странник, который заблудился, откуда идет, не знает куда, и его все время мучит вопрос: зачем?» А какая формула жизни у Вас?

– Жизнь невозможно уложить в одну формулу. Есть масса вопросов, которые волнуют человека от рождения до смерти, но самый животрепещущий и самый безответный – зачем? Как прожить правильно, если не знаешь, зачем она – жизнь?

– Несколько глав книги посвящены событиям, происходившим в Чечне. Могли бы Вы рассказать, откуда брали материал?

– Как журналист, я специализировался в том числе и на горячих точках. Бывал в Косове, Южной Осетии, Приднестро-

вье и так далее. А в воюющей Чечне с информационными и гуманитарными миссиями иногда жил неделями. Однажды, за одну командировку, встретил там свой день рождения, Новый год и Рождество. Так что впечатлений и фактов более чем достаточно.

– Хочется спросить, если бы не стали писателем, чем бы хотели заниматься?

– У меня много увлечений, так что тут проблемы не возникло бы. Может быть, художником – у меня состоялось четыре персональных выставки графики. А может быть, работал бы с дядей Васей на секретном заводе – я электро-монтёр-ремонтник четвёртого разряда. Или был бы кинологом. На заре юности мне довелось работать инструктором в милицейском питомнике служебных собак. Кто знает...

Заканчивая нашу беседу, хочу поблагодарить Вас за откровенные ответы и пожелать благодарных читателей и творческого вдохновения!

Маша Зяблова

Как детство писателя может превратиться в интересную историю для ребят

Сегодня мы беседуем с талантливой и находчивой детской писательницей – Людмилой Одинцовой. За её плечами работа художником-мультипликатором, иллюстратором и арт-директором. Встречайте её в роли писателя. Поговорим о чудесной сказке Людмилы про песика Пуха.

– История «Приключения Пуха на Земле и в Космосе» – выдуманная или реальная?

– Пушок – моя первая собака, вполне реальный пес. А то, что он рассказал, думаю, немного приукрашено. Рассказчики так часто делают – сочиняют, чтобы было веселее и интересней, а потом сами начинают верить, что так и было.

– О чем была ваша первая книжка?

– О летающей собаке по имени Пух. В 2011 году в издательстве ЭНАС вышла первая часть с цветными картинками. Хотя нет. Самую первую книжку, графический роман, я написала и нарисовала в четыре года. О цыпленке Цыпа, который заблудился в снежном буране. В романе было три иллюстрации и пять неразборчивых слов. Только он не был опубликован ни в печатном виде, ни в электронной версии.

– Как Вам помогает ваше образование и опыт работы иллюстратором в писательском деле?

– Когда-то давно я работала художником-мультипликатором, этот опыт помогает мне рисовать иллюстрации и сочинять истории. Я представляю себе мультик. Иллюстрации – это отдельные кадры, а текст – озвучка и голос за кадром.

– Ваше детство было таким же, как у маленьких героев вашей книги или другим?

– Некоторые читатели сразу догадываются, что девочка Люда – это я. Точно так все было, не было только компьютеров. Я свое детство вместе с собачкой перенесла из прошлого в настоящее. Эх, надо было и Пуху попутешествовать во времени! Раз он умеет летать со скоростью света или даже чуть быстрее, то теоретически это возможно.

– Какие детские писатели Вам нравятся?

– Очень-очень многие. Я в детстве читала запоем все подряд и потом с громадным удовольствием перечитывала любимые книги своим детям, когда они были маленькие. От Бориса Житкова и Льва Кассиля до Алана Милна и Льюиса Кэрролла. Совершенно очаровали меня когда-то повести сейчас уже малоизвестного современным детям Юрия Коринца «Там, вдали, за рекой» и «В белую ночь у костра». В шесть лет я прочитала «Карандаша и Самоделкина» Юрия Дружкова и мечтала, что я рисую и мои картинки оживают. Через двадцать лет эта моя мечта сбылась. И, конечно, любила читать о

животных – Чаплина, Даррел, Сетон-Томпсон. Была еще одна замечательная книга Константина Иосифова «Чудо-компасы» о навигации птиц и зверей. Кажется, со времен моего детства она так и не переиздавалась, а ведь научные проблемы, о которых автор рассказал доступно, увлекательно и с чудесным чувством юмора, до сих пор актуальны.

Елена Муханова

«Тонкий психолог женской души»

Наверное, не ошибусь, если скажу, что очень приятно, когда женщинам посвящают не только поэтические строки, но и произведения, в которых центр повествования – женщина и её психология, пусть даже с лёгкой ноткой иронии. На мой взгляд, Андрей Вадимович Шаргородский отважился на смелый поступок: он создал психологический портрет современной женщины, разложив причины наших слёз по полочкам. Мужчины по-разному реагируют на женские слёзы, но вряд ли кому из них приходило в голову узнать природу этого «мокрого явления». И вот нашёлся человек, мужчина, писатель, который не смог пройти мимо этого, казалось бы, обычного явления. И с ним наше сегодняшнее знакомство.

Андрей Вадимович Шаргородский – известный российский писатель, неоднократный лауреат и дипломант различных литературных премий и конкурсов, член Российского и Интернационального Союзов писателей, автор книги «Женские слёзы: двести пятьдесят оттенков мокрого».

– Андрей Вадимович, могли бы рассказать, как возникла идея написания такой книги?

– Честно говоря, для меня до сих пор остаётся загадкой, как я решился писать о таком. Как обычно это бывает, просто сел за стол – и через трое суток произведение было закончено. Во всяком случае, идею этого произведения я долго не вынашивал в голове и к написанию книги заранее не готовился.

– Скажите, Ваш сборник «Женские слёзы: двести пятьдесят оттенков мокрого» – это наш ответ по-русски на известный эротический роман британской писательницы Э. Л. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого»?

– В какой-то мере да. Хотя произведения, как вы сами понимаете, настолько далеки друг от друга, что роднит их только аналогия в названиях.

– Откуда такой интерес к женской психологии?

– Мне выпало счастье быть женатым на трёх прекрасных женщинах. Пройдя долгий жизненный путь в окружении этих прекрасных созданий, могу сказать только одно: тайна мироздания – это такая мелочь по сравнению с тайнами женской души, что я лично больше никому не пожелаю даже пытаться в этом разобраться.

– Почему выбрали для своей книги тему женских слёз?

– Потому что именно женские слёзы и являются зеркалом женской души. Только слёзы женщин могут быть мерилем психологического состояния прекрасной половины человечества. Ничто больше вам не подскажет о женщине столько, сколько это могут сделать женские слёзы. Это сложно! Очень сложно! Но это факт!

– В своей книге Вы пишете: «В жизни каждой женщины наступает момент, когда она начинает плакать о возможной (или уже реально произошедшей) измене». А как реагирует на измену мужчина?

– Вы меня провоцируете признаться в своих грехах! Но всё же я вам отвечу. Мужская измена не несёт в себе ничего! Абсолютно ничего, кроме самоутверждения в том, что ты одержал победу. Однако спустя некоторое время мужчина, изменивший любимой, очень сильно в этом кается, потому что, кроме пятисекундного ощущения блаженства, в измене ничего нет! Это очень сложная тема, однако, позволю себе добавить, что в 90% измен мужчин виноваты их жёны или любимые женщины. Почему? Да потому что только любимая женщина способна кардинально изменить или скрасить в постели монотонность многолетних отношений!

– Как Вы думаете, существует ли теория о мужских слезах?

– В книге об этом написано. Мужские слёзы до банальности просты и ничего интересного в их происхождении нет. Намного интереснее психологическая готовность мужчин ко всякого рода сексуальным экспериментам! Об этом, кстати, моя следующая книга «Метаморфозы промежности».

– «Эпилог» «Женских слёз...» начинается такой фразой: «Попытавшись приоткрыть дверцу в чудесный и сказочный мир душевных переживаний женщины, мы осознаем, что эта жалкая попытка не сможет претендовать на понимание или одобрение». На какую реакцию со стороны женской читательской аудитории Вы рассчитываете?

– Я понимал, что, написав это произведение, я получу такую реакцию со стороны женщин, что мало не покажется. Но, как обычно, я недооценил женщин. На различных литературных площадках, где опубликовано данное произведение, звучат как робкие хвалебные отзывы, так и призывы «кастрировать этого Шаргородского». Я знал, на что шёл, и поэтому я удивлён.

– А Ваша жена читала книгу? Если да, то какой была её реакция?

– Да, жена прочла её первой и, как это ни странно, книга ей понравилась. Именно это сыграло решающую роль в публикации данного произведения.

– В основу рассказа «Семеро по лавкам» легли реальные события и судьбы?

– Да, это реальная история. Я некоторое время был депутатом и работал в различных комиссиях. И вот там я услышал эту историю, которая и легла в основу рассказа.

– Детектив «Фартовин» начинается с диалога между мужем и женой о жанре детектива и мелодрамы. Жена считает, что все детективы пишутся мужчинами исключительно для мужчин и не способны привлечь женское внимание. Это реальный диалог? И можно ли считать появление детектива «Фартовин» способом доказать обратное? Т.е. этот детектив написан специально для женской аудитории?

– В основе этого детектива – желание привлечь внимание людей к преступной деятельности секты саентологов, которая принесла много бед людям в различных странах. Всё остальное в моём детективе – это желание сделать расследование более интересным для восприятия читателя.

Так незаметно наша беседа подошла к концу. Спасибо за откровенные и интересные ответы. А мы с нетерпением будем ждать Ваши «Метаморфозы...».

Елизавета Булавина

Надежда Белякова – автор и художник сказок «Ругачевские чудеса»

Удивительные, чудесные, добрые истории, полные смысла, – это сказки Надежды Беляковой. Их главными героями в новом сборнике «Ругачевские чудеса» становятся обычные люди – жители провинциального городка Ругачево. Писательница, художник-иллюстратор по образованию, сама создает великолепные иллюстрации для своих книг.

Надежда Белякова в интервью нашему журналу поделилась секретом, как рождаются ее сказки, рассказала читателям о себе и своем творчестве.

– Надежда, сказки Вы пишете с детства?

– Да, с детства. Но в отношении меня было бы вернее спросить: «Сочиняю ли я их с детства?» Потому что я их сочиняла, рассказывая мои сказки друзьям по песочнице, а уж потом, в первом классе, научилась писать и читать.

– А когда были опубликованы Ваши первые работы?

– Я начала публиковать мои сказки в конце 90-х годов в разных литературных журналах и тогда же выпустила мои два первых сборника сказок для детей. Но я пробовала разные способы публикации, потому что мне хотелось соединить в самом способе публикации мои разные профессии, чтобы осуществить давние мечты о несбывшемся. Объединить опыт художника, автора сказок и песен, опыт работы на Центральном ТВ в редакции телепередач для детей как художника-постановщика.

Поэтому, издав пару книг, я резко и надолго свернула с общепринятого пути публикации молодого автора и занялась авторской анимацией, где я смогла развернуться как художник и как сценарист, режиссер и автор песен, композитор. Также я увлеклась созданием аудиоспектаклей по моим сказкам. И в результате издала мои двадцать музыкальных аудиосказок, которые пользуются успехом, активно покупаются. Правильно ли это было для моих сказок, помогла ли я им приблизиться к читателям тем, что свернула с издательского пути, не знаю, а то, что получила огромное удовольствие, – это точно! Но в последнее время занимаюсь только издательскими проектами, издавая как книги для детей, так и повести, рассказы для взрослых читателей; «Ругачевские чудеса», «Конкурс», «Отделение виолончели» и другие.

– Вы сами создаете такие удивительные иллюстрации для своих книг?

– Да, я сама иллюстрирую мои книги и сказки – я профессиональный художник книги, иллюстратор. Я окончила Московский Полиграфический институт, поэтому – могло ли быть иначе?

– Как возникают образы для иллюстраций?

– Образы для иллюстраций именно возникают. У меня всегда было впечатление, что сказки очень похожи на ангелов. Сами решают, к кому явиться. Кому помочь, а кому можно доверить свои тайны.

Наверное, и меня они так выбирают, в надежде, что не подведу – старательно запишу все, что они нашепчут мне бессонными ночами, поработаю над текстом, честно обойду множество издательств, буду долго и старательно иллюстрировать сказки. И, когда я задумываюсь над этим, появляется забавное подозрение, уж не считают ли мои сказки-ангелы меня изрядной занудой, если доверяют мне такой многолетний труд. Поэтому лучше не задумываться обо всем этом, а просто сочинять, рисовать и радоваться жизни!

– Вы ведь еще и создаете анимацию по своим сказкам, как проходит эта работа и насколько она сложна?

– Создание анимации – это не только многодельное творчество, оно объединяет в себе очень разные профессии, от сценариста и режиссера до художника и актера, композитора. Значительную часть занимает техническая работа в содружестве со звукооператорами и монтажерами – вся студийная работа. Это коллективный труд. Но, видимо, полученная в молодости закалка во время работы на еще советском телевидении привносит в мою работу над анимацией удивительную радость и удовольствие от встречи со студийным пространством, с появлением в моей жизни задач режиссера. Словом, анимация – самый сложный коллективный труд, но, когда я работаю над анимацией, во мне чуть-чуть просыпается та самая старая полковая, гарцующая от радости лошадь, услышавшая звуки духового оркестра, исполняющего военные марши.

К тому же авторская анимация, как и аудиосказки, – это удивительный способ публикации моих сказок. И очень авторский, творчески насыщенный способ рассказать мою сказку выразительными средствами: рисованием, звучанием моих песенок, завораживающей игрой актеров. А актеры со мной работают над созданием аудиосказок прекрасные, удивительно талантливые! А порой – даже знаменитые.

Мои авторские анимации участвовали в различных анимационных фестивалях. И полученные моей анимацией ди-

пломы и награды подарили мне много радости. Я не ищу коммерческой выгоды, потому что это отдельная работа, ради которой мне пришлось бы поступиться творческой занятостью. И главное для меня – облегчить моей работой встречу зрителей-читателей с моими сказками. Поэтому я бесплатно в открытом доступе выкладываю мои сказки-анимации и аудиосказки на моем авторском сайте skazky.ru СКАЗКИ И РИСУНКИ НАДЕЖДЫ БЕЛЯКОВОЙ.

– Где находите вдохновение для своего творчества? Откуда берете идеи для новых сказок?

– В жизни, в нашей повседневности, конечно! Как часто бьешься над разрешением какой-нибудь проблемы в жизни, а ответы приплывают в виде новой сказки, в которой сокрыт намек-ответ на вопросы, которые перед каждым из нас стоят жизнь.

– Как близкие относятся к Вашему творчеству?

– Как-то раз моя мама была так обрадована одной из моих публикаций, что трогательно призналась мне, что всегда мечтала жить в семье писателя, поэта. И поэтому вышла замуж за моего отца, в те годы (50-е годы) подающего надежды поэта, выпускника Литературного института. Но их семейная жизнь не сложилась. И вот спустя многие годы мне, уже взрослой женщине, она, нежно прижимая к груди журнал с моей сказкой, обрадованно призналась, что ее мечта сбылась: она живет в семье писателя и поэта. И это признание дорого стоит! Конечно, мне очень важна моральная поддержка моего мужа, его вера в меня, за что я ему очень благодарна.

– Вышел новый сборник Ваших сказок «Ругачевские чудеса» в серии «Современники и классики» Интернационального Союза писателей. Расскажите, пожалуйста, о нем нашим читателям.

– Я несказанно признательна ИСП и всем сотрудникам издательства, которые помогли выходу моей книги «Ругачев-

ские чудеса!» И не только за их высокий профессионализм, но и за удивительную чуткость и такт в работе с автором над корректурой и макетом будущей книги.

Эта книга писалась легко. В ее создании есть что-то от веселой поездки художников на этюды, чтобы писать с натуры. И, как ни парадоксально, во многом, несмотря на всю сказочность и фантазмагоричность историй, в основе книги «Ругачевские чудеса» лежат житейские наблюдения над современной жизнью провинциальной России и изумление восхищенного автора перед миром фантазии и бескрайностью мечты тех, кого мы наивно называем «простой народ». Это выплеск восторга автора и внутреннее соревнование под девизом: «Я тоже народ! А значит, я тоже так могу!» – И автор позволил себе парить в мечтах над обыденностью, летать, любить, радоваться и страдать вместе со своими персонажами.

Удалась книга или нет – решат читатели, но то, что написана она с любовью и уважением к нашему народу и к стране в целом – это очевидно с первых же страниц книги «Ругачевские чудеса».

Это первый выпуск книги, в которую вошла только часть историй, творящихся в Ругачеве. Надеюсь, что вскоре выйдет и новое, расширенное и дополненное издание «Ругачевских чудес», которые, в сущности, являются сказками для взрослых. Но сказками не в современном понимании «сказки» как жанра сугубо из области детской литературы, а теми самыми традиционными сказками, как в старинные-стародавние времена, которые рассказывались на потеху всему честному народу. Чтобы долгие зимние вечера и ночи на посиделках чудесным образом сокращались, чтобы дорога становилась легче и короче, когда специально нанимаемые перед долгой дорогой купцами сказители рассказывали сказки, присочиняя для красоты сюжета, не ведая границ для своих фантазий.

Вот с такими чувствами и мыслями, вместе с подмеченными особенностями провинциальной жизни, и была написана эта книга – «Ругачевские чудеса».

Эдуард Зуев: «В нашей жизни тесно переплетается и смешное, и грустное»

Интересный талантливый поэт Эдуард Зуев, автор сборника поэзии «О грустном и смешном», дал нашему журналу интервью, в котором рассказал о своей жизни и творчестве.

Книга Эдуарда Зуева вышла в серии «Современники и классики» Интернационального Союза писателей. В сборник вошли басни, стихотворения о войне, детские и шуточные стихи и лирическая поэзия.

– Расскажите, как давно Вы пишете? Какие книги уже были изданы?

– Так получилось, что свои первые стихи я написал в ранней юности. Мне было лет 13–14, но романтические отношения, первая любовь, нежные чувства ещё не коснулись моего сердца. Свои первые стихи я написал о войне. Тема войны была частым гостем в нашем доме. Оба моих деда служили в армии, а одна из бабушек осталась на оккупированной территории, одна с пятью детьми. Как семья коммуниста, все, включая детей, были приговорены к смерти. Уже готовы были виселицы, и только стремительное наступление наших

войск спасло их всех от смерти... Лишь потом, когда я повзрослел, в моих стихах появились лирические нотки и даже целые романтические сказки в стихах. К сожалению, многое уже забыто.

Писать я начал рано, но с большими перерывами, и уж точно не планировал издавать свои произведения, печатать книги. Но, уступая многочисленным просьбам моих читателей, всё же в феврале этого года в канадском издательстве «Altaspera» вышла книга моих стихов «СтихоТворения». Кроме того, в издательстве Интернационального Союза писателей издан и другой мой сборник «О грустном и смешном». Есть ещё несколько публикаций в альманахах – вот, пожалуй, пока и всё.

– В серии «Современники и классики» вышла Ваша книга «О грустном и смешном». В какое время были написаны стихотворения из этого сборника? Долго ли над ним работали?

– Как я уже отметил, в моём творчестве были значительные перерывы, наверное, не было вдохновения, потребности или стимула. Но вот однажды моей младшей дочке в школе задали нарисовать рисунок и обязательно сочинить к нему стишок. Мы нарисовали собачку, и я решил, так сказать, тряхнуть стариной и написал маленький стишок о дружбе маленькой девочки и собачки. К моему великому изумлению, сие моё творение очень многим понравилось. Я написал ещё, потом ещё, затем рискнул и выложил в социальные сети и там получил много положительных отзывов. Вот с тех пор потихоньку и продолжаю писать. Так что большинство моих творений написано за последние четыре года.

Я всегда старался и стараюсь написать интересную историю. Кропотливо собираю материал, а это порой занимает много времени. Поэтому некоторые мои произведения пишутся по несколько месяцев. Бывает, даже бросаешь какую-то тему, начинаешь новую, но потом возвращаешься к старой.

– О чем все-таки Вы пишете больше – «о смешном» или «о грустном»? Какие идеи вкладываете в свои произведения?

– Наша жизнь настолько удивительна, что в ней порой тесно переплетается и смешное, и грустное. Но даже в это непростое для нас время хочется, чтобы человек всегда оставался человеком в самом лучшем смысле этого слова. И если после прочтения моих стихов кому-то станет на душе хоть немного легче, теплее или кто-то задумается, я буду искренне рад.

– Вы о себе написали, что один воспитываете двоих детей. Наверное, это очень непросто, помогает ли кто-нибудь? Как Вам удастся одновременно работать, уделять внимание детям, заботиться о родителях и писать такие замечательные книги?

– Да, так сложилось, что мне пришлось заботиться о своих близких и родных одному. Сначала было тяжело и даже страшно, но ко всему привыкаешь, вот и я привык и через это многому научился. Теперь уже дети подросли, и я вместе с ними перешёл на другой уровень: приходится отпускать их в одиночное плавание, в этот сумасшедший, полный тревог и неожиданностей мир. Пишу в основном по ночам, когда все спят. Когда пишу, мне нужна тишина, чтобы никто не беспокоил.

– У Вас получаются очень остроумные шуточные стихи и басни. Какое место занимает юмор в Вашей жизни? Наверное, Вы оптимист?

–Скорее я реалист. Конечно, мне не чужд юмор, и я, как и все мы, люблю посмеяться, но реалии нашей жизни не всегда дают эту возможность.

– Что Вас мотивирует заниматься поэзией? Как возникают идеи для написания басен?

– Наша жизнь. Когда смотришь на происходящее в мире, в нашей стране, хочется не остаться безучастным, высказать

свое мнение. Возможно, его услышат немногие, но ведь кто-то услышит, а значит, есть шанс что-то изменить к лучшему.

Отсюда и любовь к басням. Ведь где еще, как не в басне, можно иносказательно поведать то, что в обычной жизни не всегда будет услышано. В аллегоричной форме, порой с иронией, рассказать то, что тебя, да и не только тебя, волнует.

– Традиционный вопрос о творческих планах. Над чем сейчас работаете?

– Пишу, пишу новые басни, лирические стихи. Надеюсь издать более полную книгу моих произведений.

Рецензии

Российский
колокол

Елизавета Булавина

Сборник сказок Надежды Беляковой «Ругачёвские чудеса»

Белякова Надежда: «Ругачёвские чудеса» – М. : Интернациональный Союз писателей, 2015. – 177 с. (Современники и классики)

Надежда Белякова является членом Союза писателей России и членом Союза художников России. Окончила Московский Полиграфический институт по специальности «художник-иллюстратор и книжный оформитель». С детства писала сказки, детские стихи. Повзрослев, стала писать прозу и сценарии. Надежда Белякова – автор книг: «Сказки Мухи Жужжалки», «Сказки», «Сказки Надежды», «Сказки библиотечного Сквознячка», «Ругачевские чудеса», «Конкурс», опубликовалась в различных литературных, детских журналах. По её сказкам созданы 20 аудиоспектаклей, которые транс-

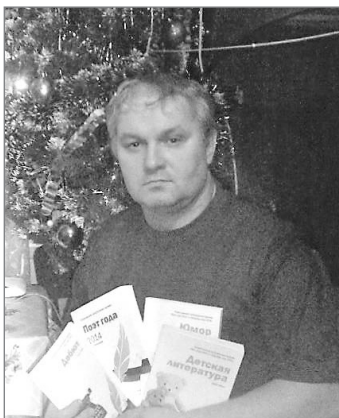
лировались на радио и были опубликованы на 10 аудиодисках сказок и песен Надежды Беляковой.

Книга «Ругачёвские чудеса» – это новый сборник рассказов писательницы, во многом похожих на сказки-притчи для взрослых. В этой книге органично сочетаются внимательное наблюдение над современной жизнью провинции в сочетании со смелой фантазией автора. Персонажи сборника – наши современники, жители провинциального городка Ругачёво. То и дело жители становятся свидетелями или участниками удивительных историй. Настоящие чудеса происходят с обычными людьми не просто так. Чудеса помогают вскрывать и преобразовывать людские пороки – пьянство, разврат, неразборчивость при выборе спутника жизни. Учат современную молодежь относиться с уважением к старшему поколению, их истории, завоеваниям и достижениям.

Невероятные истории, происходящие с героями сказок, заставляют задуматься над вечными темами нашего бытия. Это семейное счастье, любовь, преданность любимому человеку. Но всё же это сказки. А у каждой сказки должен быть счастливый конец. Добро побеждает зло, а люди честные и добрые в награду получают исполнение своих желаний.

Сборник рассказов «Ругачёвские чудеса» адресован широкому кругу читателей. Книга способна подарить каждому частичку добра, которая порой нам всем так необходима. Легкость повествования и доля юмора автора делают чтение приятным, а забавные приключения увлекают и заставляют сопереживать героям. Эти сказки-притчи ещё долго не отпускают читателя. Сознание снова возвращается к ним, и в голове невольно рождаются новые мысли о смысле этих историй.

Иногда очень хочется, чтобы такие чудеса случались и в нашей жизни. Потому что они дают не только серьезные жизненные уроки, но и приносят радость, счастье и восстанавливают справедливость и дарят чувство светлой легкости бытия.

«О грустном и смешном» – сборник басен и стихов Эдуарда Зуева

Зуев Эдуард «О грустном и смешном» – М. : Интернациональный Союз писателей, 2017. – 118 с. («Современники и классики»).

«О грустном и смешном» – это сборник поэта Эдуарда Зуева, в который вошли произведения разной тематики: басни, детские стихи, лирика, стихотворения о войне.

Главное место в сборнике занимают басни. Их герои – животные, которые ведут себя как люди. Необычные курьезные истории, рассказанные автором, в реальности случаются каждый день, и читателям предоставляется возможность посмотреть на себя и на общество со стороны и сделать выводы. Каждая басня несет свою мораль – простую житейскую мудрость, смысл которой умещается в одно четверостишие.

У автора прекрасно получилось создать сатирические образы разумных животных и наделить каждого персонажа человеческими слабостями, желаниями и пороками. Например, здесь можно встретить Козла, взявшего в жены Львицу; че-

ресчур любвеобильного Индюка, попавшего в суп; Гуся на романтическом свидании со Свиньей и других забавных героев.

Автор высмеивает современное общество и его порядки, ложь и лицемерие. В одной из басен затрагивает такую актуальную тему, как аборт. В другой – дает совет читателю:

Мораль проста, как дважды два,
Нужна повсюду голова:
Волкам не верь, не следуй за толпой,
И будешь и счастливый, и живой!

В сборнике Эдуарда Зуева есть и стихи для маленьких читателей. Многие из них поэт посвятил своей дочери. Наверное, поэтому стихотворения получились такие добрые и по-особому теплые. В некоторых из них также присутствует юмор, понятный для ребенка. Легкий слог, запоминающиеся рифмы, увлекательное повествование – все это вызывает у детей интерес к поэзии и любовь к чтению. В сборнике есть и стихи-колыбельные, которые можно читать детям перед сном:

В небе бескрайнем, в небе ночном
Месяц уснул молодой,
Мама Луна вместе с дядюшкой Сном
Его охраняют покой!

Вместо перины – облачный пух,
Вместо подушки – туман,
Пледом укрыт из светящихся мух,
Спит золотой мальчуган!

Книга неспроста получила название «О грустном и смешном»: в нее вошли стихи, посвященные Великой Отечественной войне. Здесь автор пишет о патриотизме, героическом подвиге солдат на фронте, выражает ненависть к фашизму. Тема войны трогает за живое и близка каждому, поэтому до сих пор остается актуальной.

Лирические стихотворения – «Грустить не надо!», «Лирическое», «Баллада о сказочной стране» и другие – поведают читателям о дружбе и предательстве, о Родине, о справедливости и, конечно, о любви.

В отдельный раздел выделены шуточные стихи, такие, как «Из записок кота Нарцисса», «Бобер», «Лисица и куница», «Приключения кота Бориса». По сути, они похожи на басни, но написаны в юмористической форме. Таким образом поэт дает возможность читателям вволю посмеяться и отдохнуть за чтением.

Сборник Эдуарда Зуева, несмотря на то, что имеет возрастное ограничение 18+, прекрасно подойдет для семейного чтения. В нем найдутся произведения, интересные и взрослой аудитории, и юношеству, и детям. Время, проведенное за этой книгой, пролетает незаметно, оставляя только положительные впечатления.

Елена Дегтярёва

Ломтев Александр: «Финский дом». – М. : Интернациональный Союз писателей, 2017. – 156 с. (Серия: Современники и классики)»

«Повесть без сюжета и главного героя» – так характеризует свою книгу Александр Ломтев. Хотя мне показалось, что есть и сюжет, и главный герой. Сюжет – это жизнь, а главный герой – человек, живущий в определенном историческом периоде.

Книга производит впечатление историко-литературного дневника, который запечатлел наиболее значимые моменты в жизни её автора, неразрывно связанные с историей страны. Самостоятельные, на первый взгляд, главы работают на создание целостной картины жизни страны послевоенного времени. Хочется отметить очень точный и емкий подзаголовок книги, полностью соответствующий жанровому построению произведения.

«Хроники уходящих времен» – это художественное воспроизведение памятных событий в хронологической после-

довательности. В повести «Финский дом», давшей название всей книге, автор начинает свое повествование с 1946 г. и заканчивает 2010 г. Послевоенные годы разрухи постепенно сменяются мирной жизнью. На смену землянкам приходят уютные финские домики. Первые многоквартирные «сталинки» уходят в историю, а на их месте как грибы вырастают хрущевки.

После суровых сталинских времен наступает хрущевская «оттепель». Развивается наука, образование, начинается освоение космоса. Жизнь не стоит на месте. Автор лёгкими мазками показывает, как постсталинский человек оттаивает и, оставаясь советским, всё же постепенно становится иным. И вот уже 2010 г. Всё изменилось до неузнаваемости: улицы застроены многоэтажками, финский домик «оброс спутниковыми тарелками», и в прошлое ушло многое из того, что казалось незабываемым. Но даже через много лет воспоминания о детских годах, проведенных в одном из таких домиков, навсегда останутся в сердце автора, в сердцах людей его поколения. «Я буду помнить этот финский дом всегда. В этом доме, в светлой с огромным окном «зале», я летал. Ну да, летал. В детстве я умел летать...»

«По секрету: я и сейчас летаю. Только редко, чтобы никто не узнал. Всё равно не поверят. И только во сне... В большой светлой комнате старого финского дома...»

К хроникам можно отнести и повесть «Ичкериада» (финалист Бунинской премии), и литературно-философское повествование «Не бойся». Несколько кадров из неснятого фильма о Чечне возвращают читателя в недалекое время, когда мирную панораму гор, снежные вершины, звенящую тишину внезапно разорвали залпы войны. Блокпосты, автоматные и пулеметные очереди, «груз 200» – все это проносится, как ужасный сон или страшный фильм.

Но события приходят и уходят, а нам остаётся память, которую бережно хранят книги.

Путешествие с Татьяной Генис

Генис Татьяна: «Длинное путешествие». – М.: Интернациональный Союз писателей, 2017. – 152 с. (Современники и классики).

В сборнике представлены фантастические, мистические и загадочные рассказы; сказки, в которых мир полон волшебства и печали; повести, где человек сам вершит свою судьбу.

Наверняка многие из нас привыкли к тому, что сказка – это волшебный мир, в котором добро непременно побеждает зло. Свою современную версию сказочных историй и мистических рассказов предлагает читателям Татьяна Генис в книге «Длинное путешествие».

Это «Длинное путешествие» покажется чудесным мгновением, проведенным в прекрасной компании необычных героев. Вы не встретите привычных богатырей и великанов, злодеев и ведьм. Вас ждёт интересное знакомство с красивым камушком в форме небольшого сердечка темно-красного цвета, который способен думать, чувствовать, мечтать и попытаться осуществить свою мечту – «стать человеком». Вы повстречаетесь с деревянной феей, превратившейся в маленькую искру на пути к своему счастью. Эти забавные герои

«сумели разорвать путы, предначертанные им судьбой» и стать свободными и счастливыми.

Нереальное и сказочное ждёт вас в полуразрушенном старинном замке, куда отправились девочки – Кира и София. А волшебное зеркало покажет, что происходит с теми, кто любит собственную красоту и не может устоять перед своим отражением.

Сказка о «Ледяной розе» наверняка разбудит детские воспоминания о приключениях Герды и Кая, оказавшихся в снежном королевстве.

Однако творчество Татьяны Генис не ограничивается созданием только мистических и загадочных рассказов, сказок. Она отличный рассказчик историй, в основу которых легли реальные истории. Например, рассказ «Фотографии...» о любви молодого мужчины-инвалида к девушке Анне, живущей по соседству. Казалось, что печальная одинокая жизнь бывшего спортсмена, получившего травму в пьяной драке, уже ничего не предвещала. Как вдруг появилась она – Анна. И мир заиграл новыми красками. Но одно неловкое движение разрушило призрачное счастье, оставив лишь память на фотографиях.

Необычная, интересная книга, которая читается буквально на одном дыхании, оставляя приятную лёгкую грусть. Если вам захочется помечтать, поразмышлять о смысле жизни, любви, дружбе, то эта книга для вас.

Маша Зяблова

Увлекательное чтение о маленькой собачке

Одинцова Людмила: «Приключения Пуха на Земле и в Космосе». – М. : Интернациональный Союз писателей, 2017. – 387 с. ISBN 978-5-906857-50-7

Если вы отправляетесь в длительное путешествие с детьми на машине или поезде и думаете, чем занять их в пути, то новая книжка «Приключения Пуха на Земле и в Космосе» – отличное решение. Она завораживает с первых строк – окружающие оставляют суету, прекращают с мелкими делами, которыми занимали себя в пути, сосредотачивают внимание и слушают.

Главный герой, маленькая и пушистая собачка Пух, покоряет ваше сердце в считанные минуты. Он добродушный, смешной, живой и с отличным чувством юмора. В его компании вы никогда не заскучаете. С ним постоянно происходит что-то интересное и забавное.

Рассказ от первого лица, а именно собачье повествование, просто находка автора. Ты словно смотришь на все глазами щенка и проживаешь все с ним вместе. Начинаешь переживать за него, как за себя. Вот он под столом, вот лежит на новом и теплом месте, вот едет на машине с папой и гоняет воробьев. Жизнь так и бьет из него ключом.

Живой, гибкий и простой язык понятен каждому малышу, даже если ему еще всего два годика. Все события словно перешли из реальной жизни на страницы книги, поэтому они такие родные и понятные ребятам. В каждой истории они узнают себя и еще больше начинают сочувствовать героям: песику и его хозяйке – девочке по имени Люда.

Авторские иллюстрации гармонично дополняют общую картинку и делают чтение увлекательным путешествием. Читается текст, потом небольшая пауза, чтобы рассмотреть картинку во всех деталях, – и двигаемся дальше. Дети просто в восторге, к слову сказать, и родители – и от книжки, и от своих увлеченных детей.

Без сомнения можно сказать, что книжка, созданная Людмилой Одинцовой, по праву может называться семейной. Её можно читать всем вместе, по очереди, громко и шепотом. Каждый в ней найдет своё – повод и посмеяться, и погрузиться, и задуматься, и найти ответ на сложную загадку.

Мы читали её в электронном варианте, а сейчас хочется, чтобы она заняла свое место на детской книжной полке в печатном виде. Рекомендуем к прочтению всей семьей.

Елена Муханова

«Загадочная женская душа»

Шаргородский Андрей: «Женские слёзы: двести пятьдесят оттенков мокрого». – М. : Интернациональный Союз писателей, 2017. – 164 с. (Современники и классики).

Интересная и необычная книга, которую с удовольствием прочтут женщины. Хотя, я думаю, гораздо больше понимания и толерантности она принесёт, если будет прочитана мужчинами. Название книги может натолкнуть на схожесть с модным сегодня известным романом британской писательницы Э. Л. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого». Однако это совсем другая история...

Открывает сборник ироничное повествование с одноименным названием, в котором автор анализирует природу женских слез с мужской точки зрения, рисуя психологическую основу женских проблем. Он попытался «приоткрыть дверцу в чудесный и сказочный мир душевных переживаний женщины», разложив по полочкам каждую «мокрую исто-

рию». Чувствуется большой опыт и глубокое знание женской психологии. Интересно авторское сравнение женской души с «твердотопливным котлом». «Получая от мира то, что предназначается для нее, она перерабатывает и, отбрасывая ненужное, отдает свое тепло людям, которые ждут этого как манны небесной. Без этого женского тепла вся жизнь в нашем грешном мире остановится и станет абсолютно бесполезной», – к такому выводу приходит писатель в «Эпilogue» своего рассказа о женских слезах.

В сборник вошло ещё несколько произведений: история любви уже немолодых людей с ироничным названием «Женщина в запое любит саксофон»; мистическая история об исполнении в веках пророческого проклятия Овидия, жестоко изменившего судьбы близких людей, – «Проклятие Овидия»; рассказ о судьбе воспитанников детского дома, сумевших найти и построить семейное счастье, – «Семеро по лавкам», и «Фартовин» – мистический детектив, сюжет которого придуман домохозяйкой. Несмотря на свою индивидуальность и неповторимость, произведения, вошедшие в сборник, объединяет главный объект повествования – женщина и все, что с ней связано. А ещё хотелось бы отметить, что каждое из них обязательно заканчивается эпилогом, в котором автор подводит итог и делает определенные выводы, которые кажутся бесспорными и очевидными:

«О том, что может выдумать женщина, не знает никто. О том, что по этому поводу думают мужчины, – известно всем. Совместить первое со вторым невозможно. Так же, как невозможно надолго оставлять в себе все эти истории, которые, даже если и происходили на самом деле, не имеют права на долгую память. Все в нашей жизни настолько быстро меняется, что лучше не думать о том, что будет завтра, а просто наслаждаться жизнью. Сегодня и сейчас!»

Накануне

Ольга Павленко

**«Самое высокое, что есть на Земле, —
это сущность добра»:
Светлана Ангарская «Просветленные».
Роман. Москва 2017**

«Исследовать и испытать мудростью Все, что делается под небом: есть тяжкое занятие, которое Бог дал людям, чтобы они упражнялись в Нем...» (Екк 1:13). Но многие ли из нас задумываются в суете жизни о необходимости такой работы для каждой личности?

Роман С. Ангарской «Просветленные» – это глубокий философский подход автора к осмыслению фундаментальных основ человеческого бытия – сущности и назначения человека, формирования его мировоззрения, отношения к миру. И попытка донести до читателя важность их правильного понимания.

Увлекательный сюжет с неожиданными поворотами, знание исторических особенностей описываемых эпох, реа-

листичность событий, образы героев, их переживания, нравственных искания, поступки делают произведение ярким и интересным. Автор переносит читателя в «бардачные годы перестройки», период социально-экономических перемен, времена потери нравственных ценностей и духовного разложения. Снимая фильм о судьбе Мишеля Нострадамуса, главный герой – известный кинорежиссер, находясь в состоянии духовного кризиса, изучает труды и биографию великого провидца и открывает для себя, и для всех нас, ту самую истину, которая помогает обрести глубокую веру в Создателя, понять смысл существования и цель жизненного пути.

«Самое высокое, что есть на Земле, — это сущность добра». «Совершенствуясь сейчас, творишь гармонию в будущем. А погрязая в пороках, умножаешь и грядущие кошмары... Значит, в пространстве надо сеять только добро и бережно хранить все хорошие состояния, жить ими. Вот в чем секрет человеческого счастья», – учил Нострадамус своих современников.

Сегодня эти слова актуальны как никогда. И если каждый осознает и примет «просветленной» душой эту истину, добро станет «главенствующей силой на Земле. Тогда уж точно спасемся...»

Светлана Ангарская – публицист, писатель, сценарист. Окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова, работала в центральной прессе, на радио и телевидении. Ее всегда актуальные репортажи, интервью, корреспонденции звучали в программах радио «Маяк», «Радио России», а также в телепрограмме «Время».

Любит путешествовать. Впечатления от поездок в разные страны и континенты она старается отобразить в своих произведениях. Ее герои – люди разных профессий и национальностей, но объединяет их одно – любовь к жизни и страстное желание понять и выполнить свое предназначение на этой земле. За роман «Просветленные» С. Ангарская в 2018 году

на фестивале «Аэлита» награждена премией «Орден Добра и Света» (вручается с 2012 года) за успешную творческую деятельность и создание произведений, сюжеты которых настраивают читателя на позитивное восприятие окружающего мира и отражают идеи гуманизма и добра.

Отрывок из романа С. Ангарской «Просветленные»

Замок маркиза де Флоренвиля стоял в красивом месте на возвышенности среди зеленых лужаек и садов. А с реки вела к нему старая, выложенная из потертых, прожженных солнцем камней лестница. Мишель, приняв предложение на званый обед, приехал на лодке и теперь, отпустив ее, поднимался вверх, осматривал двор, где всюду суетилась челядь, готовя разные угощения. Он бывал здесь часто, так как лечил жену маркиза и дружил с семьей, но в этот раз удивился пышности грядущего приема, хотя знал, что у маркиза единственная дочь на выданье. По-видимому, это повод посмотреть на сватающихся женихов, от которых не было отбоя. С Луизой он тоже дружил. Не только красивая, но и очень умная девушка, она отличалась образованностью, хорошим вкусом и добрым нравом. Озорная и веселая, способная на всякие розыгрыши, она была любимицей отца и всей челяди в замке. Погода стояла чудесная, яркий солнечный день радовал глаз сочной зеленью и пестротой цветов в клумбах. Столы для фуршета накрывали на красивой лужайке на свежем воздухе. На них было тоже множество букетов, что придавало значимость торжеству. Парадный двор переполняла толпа разодетых гостей. Женщины в пышных нарядах, отделанных кружевом с роскошными веерами, перьями, шарфами, мужчины в бархатных камзолах щеголяли оружием. Среди гостей было действительно много молодых вельмож и рыцарей, воротники рубашек у которых лежали на стальных оплечьях в знак принадлежности к братству. Присутствовали и представители духовенства в праздничных одеждах.

Маркиз сам встретил Мишеля и представил гостям как знаменитого врача, избавившего Прованс от чумы, и уже известного провидца. Многие смотрели на него с напряженным любопытством, а некоторые, особенно священники, с подозрительностью и неприязнью. Маркиз поднялся со своим гостем в парадный зал, где все уже было готово к приему.

— Мир все больше полнится слухами о вашем чудесном даре провидца, Мишель, — улыбаясь, говорил маркиз, но в голосе чувствовалось беспокойство. Он заметил напряженность гостей при появлении Нострадамуса. — И это все из-за публикации ваших центурий, недоступных, правда, пониманию многих простых смертных. Людские языки злы и толкуют ваши стихи по-разному.

— Да, да, — нахмурился Мишель. — Но все же...

Ханжа в церкви, профан в быту увечном

Не судьи мне.

Невеждам и ворью

Невнятен я, поскольку о предвечном

Не с ними я, а с Богом говорю.

— Да, так, но все же вам надо быть осторожней. Ведь так вы можете совсем напрасно прослыть человеком, находящимся в сговоре с сатаной. А за это сами знаете как...

— Я давно молю Бога о защите от злых людей, любящих допрашивать и преследовать...

— А может, вы все-таки много на себя берете? Нельзя быть таким категоричным. Вот давайте проведем совместный опыт. Доставьте мне удовольствие, прошу вас.

— Ну хорошо, — согласился врач.

Маркиз подошел к окну.

— Вон видите, на хозяйственном дворе в загоне два поросенка. Один черный, другой белый. Скажите, что будет с ними сейчас?

Глаза Мишеля снова посветлели, а раздражение сменилось задумчивостью.

— Белый будет съеден сегодня гостями, а черного обглодает волк.

— Странно, волка здесь нет и поблизости. Но дело не в этом, я хочу доказать вам совсем другое. Жак, — позвал он в открытое окно повара. Тот с готовностью подбежал. — Для праздничного ужина разделай сейчас черного поросенка, а белый пусть ждет своей очереди.

— Слушаюсь, — сказал повар и побежал выполнять приказание.

— Ну вот, Мишель, я и обрек ваше предсказание. И так во всем. Человеческая воля превыше ваших туманных пророчеств.

— Посмотрим, — только и сказал Мишель.

Вкусив десерты на поляне, гости поднялись в зал. Столы ломились от яств. Пиршество явно удалось, и повеселевшие гости, вдоволь выпив и закусив, весело болтали друг с другом о житейском. Вдруг в зал под музыку внесли новое блюдо — поросенка, зажаренного целиком. Установив блюдо перед маркизом, слуги отошли. Но прежде чем разделочник приступил к работе, маркиз встал и произнес:

— Друзья! Я попросил сегодня моего гостя, почтенного доктора Нострадамуса, предсказать, какой из поросят будет подан к столу: черный или белый. А их имелось в загоне два. Он предсказал, что зажарят белого. Я же приказал разделить и подать гостям черного. И сделал это для того, чтобы доказать ему, что он переоценивает свои предсказания. А многие переоценивают их взаимосвязь с сатаной. Все дело в человеческой воле.

Подвыпившие гости заулыбались — вот анекдот-то. Будет что рассказать потом. Они дружно и весело зааплодировали маркизу. Но Мишель, нахмурившись, встал и заявил:

— Неправда, этот поросенок, как я и говорил, белый, — указал он на блюдо, стоявшее перед маркизом.

Столы возмущенно загудели. Смущенный Флоренвиль позвал повара.

— Ну что, Жак, какого ты зажарил поросенка к нашему столу: черного или белого?

— Простите, ваша светлость! Волчонка конюх привез, на ярмарке выменял. Хотел гостей позабавить. Он и сожрал чер-

ного. А я не виноват. Все сделал, как и было приказано. Забил черного, разделал, на вертел нанизал. А он как учуял мясо, с цепи сорвался и обглодал тушку. Никто и не увидел. Ну не подавать же на стол такого! Я и разделал белого. Вот он, перед вами. Еще лучше получился, жирнее даже.

За столами стояла гнетущая тишина.

— Дьявольщина какая-то! — воскликнул старый аббат в вышитой сутане и встал из-за стола. За ним выскочили и другие священники.

Гости испуганно молчали. Мишель тоже встал и отошел в нишу к окну. К нему подошла Луиза, дочь маркиза.

— Ну что ж вы так, Мишель, огорчили папа! Он же хотел опровергнуть эти слухи о вашей связи с сатаной! Не лучше было бы согласиться на ошибку?

— И прослыть шарлатаном? Ну уж нет, — с горечью сказал Нострадамус.

— Что это, если не гордыня? — заметила умная девушка.

— Да, меня можно обвинить в этом смертном грехе, потому что я обычный человек, со своими недостатками, но я не колдун и не шарлатан, как многим это хочется представить. Бывают мгновения, когда Бог озаряет меня способностью к вычислениям, на основании которых я и делаю свои предположения о грядущих событиях. Плюс, конечно, моя интуиция, которая меня еще никогда не подводила, как и в этом случае.

— Ладно, не расстраивайтесь, Мишель, — сказала Луиза. — Люди глупы и суеверны, а священники любят страшить. В общем же получилось забавно, прямо анекдот какой-то, — засмеялась она.

Мишель тоже улыбнулся:

— Спасибо за дружбу.

— Ну а мне, милый Мишель, что вы скажете? Есть здесь мой жених? Кто он — Рауль, сын вон того напыщенного вельможи, или же, может быть, вон тот виконт Жан-Поль? Может, погадаем? Не получится, как с этими поросятами? — засмеялась она. Мишель задумался. Глаза его затуманились. Луиза — прекрасная девушка и единственная дочь маркиза.

И стоит ли ей говорить о ее судьбе? Тем более что она у нее непроста. Будет и замужество, и дети, и вдовство, и болезни. А сейчас еще все впереди. Предстоит встретить свою любовь, но, к сожалению, не здесь.

— А может, побезобразничаем и кого-нибудь разыграем? — предложила, смеясь, озорница.

— Не стоит, Луиза, шутить с такими вещами. Разве они виноваты, что любят тебя столь безответно?

— Да уж, любят, — отмахнулась она. — Этот Рауль любит только есть и пить. Взгляните, какой обжора. Молодой вельможа действительно с вождением обгладывал кость бараньей ноги, запивая вином. — А Поль любит только себя. Ни одно зеркало не пропустит, чтобы не посмотреться да не полюбоваться собой. Тот как раз в этот момент, достав зеркальце из кармана, поправлял прическу. Она забавно передразнила и его. — И другие не лучше, посмотрите вокруг. Вон тот маркиз совсем танцевать не умеет, а берется, все ноги мне отдавил. Посмотрите только, как вытанцовывает, скачет, как козел. Умора! Маркиз действительно наступил на ногу своей даме, и та скорчилась от боли. — А этот претендент сам маленький, прямо с ноготок, а носище словно пятерым рос, одному достался. И бант еще такой огромный нацепил на грудь. Куда с таким под венец. Смешно. — Нос и бант, на который крепился, по-видимому, какой-то орден, действительно были у низкорослого чересчур большими, — отметил про себя Мишель. — А этот, — не унималась озорница, — уже смолоду плешивый. Сверху все видно, сколько ни зачесывай. Тоже мне, сын герцога, а глупый. Все шуточки какие-то дурацкие рассказывает. Скучно, однако, — призналась девушка.

— Да, здесь тебе пары нет, — согласился Мишель. — Но ты еще найдешь своего принца. Причем такого, что как только он появится, у тебя зайдется сердце, да так, что уже будет не до смеха. Настоящая любовь у тебя впереди, жди ее, — только и сказал он тогда юной деве.

В таких случаях предсказывать не стоит, решает Мишель. Юность должна испытать все сама: взлеты и падения, встре-

чи и разлуки. Все нести на своих плечах: и радость побед, и горечь неудач. Тем более такая сильная натура, как Луиза. Сейчас жизнь для нее — открытая книга, в которой столько соблазнов и интересов. Как ее заполнить, зависит от нее самой. С Божьей помощью, конечно.

Димов закрыл свою тетрадь. Ему взгрустнулось. Он вспомнил о Валерии. Как-то она там? Конечно, он о ней тосковал. Впервые в жизни встретил женщину, которая его понимала и принимала целиком, таким, каков он есть. Другие всегда от него чего-то хотели, требовали, а он это требуемое дать не мог. Не то чтобы не хотел, просто был занят, всегда в работе, которая для него затмевала все. Они этого и не прощали. А Лера — она совсем другая: умная, тонкая. Она все понимает. И такая ему нужна.

Над морем нависали сумерки. Те самые, синие-синие. Море и небо слились в единое целое, и синева накрыла все пространство. Этого чудесного мгновения он ждал каждый день и, окунувшись в миг крошечной синевы, чувствовал прилив творческих сил. — Хорошо, однако, — встряхнул он головой. Еще лучше, если бы Лера была рядом. Конечно, ему ее не хватает. «С головой, говоришь, окунуться, — вспомнил он тесты, что она ему задавала в самолете. — Да, с головой, — подумал он, глядя на море. — Это мое, и его я никому не отдам. Мое творчество — моя судьба. И мои закаты синие-синие. Однако, как ее работа, чем сейчас занята?» В Интернете о ней ничего не нашел, только какие-то старые интервью. Хочется увидеть или хотя бы поговорить. Но рисковать нельзя. Ее он не хочет подставлять, она тут совершенно ни при чем и за его ошибки отвечать не должна. У нее еще вся жизнь впереди. И все еще будет. Она сильная, справится. Он шел домой мимо отеля, в бизнес-центр которого ходил пользоваться Интернетом. Вокруг прогуливалась загорелая, нарядная публика, весело смеялись женщины, базили мужчины. Праздная курортная жизнь, которой он теперь сторонится. Среди отдыхающих попадались и русские. И мало ли что? У него теперь волчья жизнь — каждого опасаться и от каждого бежать. — Ну ничего, справимся, — пообещал он себе.

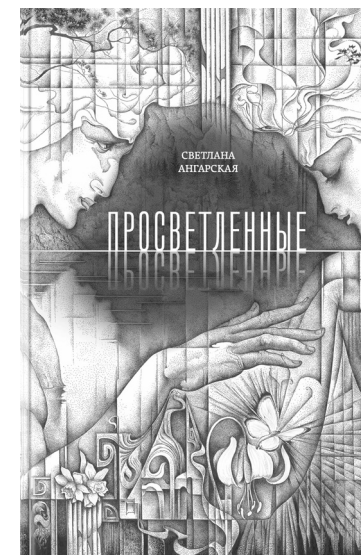
Около дома его ждали двое, те самые, что помогали ему здесь, друзья Анджея.

— Тобой тут интересовались русские, не знаешь таких? — показали они фото каких-то людей на пляже.

— Нет, — сказал Димов, разглядывая снимок. Вроде незнакомые. Двое парней и девушка на пляже кого-то фотографировали. — Ну все равно, особо нигде не светись, выясним. Вот ведь напасть! Но ничего, надо дальше работать. Анджей может объявиться в любую минуту. Он сварил себе кофе и, заперев комнату, выбрался через окно в сад. Здесь был небольшой закуток. Укрытый зеленью столик с сиденьем, где он и пристроился со своей тетрадью, включив фонарик.

В одном турнире как-то дважды
В июньскую жару
Сошлись два рыцаря отважных,
Чтоб испытать судьбу.
Прольется наземь кровь бордова.
Напрасен умудренный щит.
Седого льва от молодого
И золото не защитит.

В июне 1559 года в Париже стояла страшная жара. Двор выехал за город. Здесь были пышные торжества — король выдавал замуж свою дочь Елизавету за испанского короля Филиппа II. По этому случаю Генрих назначил рыцарские состязания. Король любил такие мужские забавы. Он находился еще в хорошей форме, и старость не успела погасить в нем юношеского задора и пыла состязательности. Да и какая старость — ведь ему только сорок! Он был силен и очень любил это демонстрировать. Два дня Генрих, состязаясь, одерживал решительные победы, и его не покидало чудесное настроение. Того, что соперники сражались зачастую не в полную силу со своим королем, он старался не замечать. И вот наступил последний день состязаний. Рыцарский турнир проводился на просторной площади перед загородным коро-

левским дворцом. С трех сторон ристалище окружали многочисленные зрители. Открыты были все окна дворца, из которых высывались дамские головки, их обладательницы, сидевшие на расстеленных коврах и подушках, сгорали от любопытства. Зрелище дополнялось множеством лент и полотен. Перед зданием была сооружена трибуна для почетных гостей. Там расположились королева с детьми и племянником. Здесь же находился и герцог Савойский. Перед началом турнира он вошел к королю и, низко поклонившись, сказал:

— Беру на себя смелость напомнить вашему величеству известный катрен Нострадамуса. Это пророчество звучит примерно так: «Молодой лев победит старого в поединке на ратном поле. Он проколет ему глаз через золотую клетку. Его ждет мучительная смерть». Генрих II уже облачался в свои доспехи. Под одеждой была скрытая от зрителей густая чугунная решетка с замысловатым узором. На железном плечье лежал воротник шитой золотом рубахи. Камзол и

раструбы сапог и перчаток были малинового цвета. Он был высок, статен и крепок. Возраст сказывался разве что только в некоторой медлительности движений. Король был в хорошем настроении и сказал, улыбаясь:

— Ну коли уж так суждено, то обязательно сбудется. Для меня трусить — значит изменять себе.

— Но разве нужно так уж безропотно покоряться судьбе? Много пророческих совпадений. Вы оба выбрали маски львов, а ваш шлем вообще — золоченая решетка. Ваш соперник, молодой английский граф Монтгомери, услышав о пророчестве Нострадамуса, просит вас отказаться от поединка. И это благородно — ведь он слывет опасным соперником. Зачем ради красивых зрелищ лишаться жизни?

Но король уже рассердился. — Вот как! Я ничего отменять не буду, надеюсь, и граф — мужественный и обязательный человек. Тем славнее будет победа вашего короля! — в запале заявил Генрих. Ввели коня. Король, ласково потрепав его по гриве, сказал: — Ну что, дружище, не подведи меня! Конь в ответ понимающе заржал. — Такая смерть лучше, чем любая другая. Я даже предпочел бы умереть от руки того, кем бы он ни был, кто храбр, отважен и благороден.

Герцог Савойский поднялся на трибуну. Королева умоляюще посмотрела на него. Но он только пожал плечами. Под звуки труб и литавр соперники выехали на площадь. Публика приветствовала их громкими криками и овацией. Всадники выглядели нарядно и устрашающе. Верхняя часть шлема у обоих представляла львиную морду. Однако у графа забрало было сплошным, с прорезями для глаз, а у Генриха — сетчатым, хотя и золоченым. Попона короля не имела рисунка, а у англичанина ее покрывала вышивка ярких геральдических птиц. Всадники разъехались. В наступившей тишине ударил гонг. Вскинув копья, король и граф помчались друг на друга. Первая схватка окончилась вничью, и король потребовал провести повторный бой. И снова гонг. Снова всадники понеслись друг на друга, но в этот раз развязка битвы оказалась мгновенной. И, как и предсказывалось, трагической.

Генрих изо всех сил ударил копьем в щит англичанина, тот еле удержался в седле, отклонившись назад. Замах его был уж не так точен, однако очень мощен. Копье графа срикошетило о щит короля, лопнуло и, сломанным концом войдя в отверстие забрала, вонзилось Генриху в глаз. Король рухнул на землю и забился в судорогах. Перед этим он пытался выдернуть острие, но сил не хватило.

— О боже! Будь проклят прорицатель, предсказавший все так жестоко и точно! — воскликнул в сердцах Монтгомери.

На трибунах, казалось, люди не понимали, что произошло, и застыли в ужасе. Королева закрыла руками лицо. Над ней засуетились придворные фрейлины и медики, лезли и мешались ничего не понимающие дети. Но она, оттолкнув всех, кинулась к королю.

— Убейте этого Монтгомери! — закричала она, склоняясь над мужем.

— Не трогайте его, — прохрипел сквозь стоны Генрих, — он ни в чем не виноват, это мой рок...

И вот стенания и крики ужаса разнеслись по площади. Французский монарх повержен англичанином. Горе нации... Позже, когда события уже улеглись на лоно истории, герцог Савойский нашел Мишеля Нострадамуса за его занятиями медициной в Монпелье.

— Я принес вам хорошую весть, господин Нострадамус, — сказал он, поднимаясь к нему в лабораторию. — Королева получила от церкви индульгенцию для вас и приказала передать, что она приглашает вас во дворец.

— Вот как? — удивился Мишель. — С чего вдруг такая милость?

— Вы предсказывали гибель короля, и если бы на это тогда обратили внимание, Генрих был бы жив.

— Так считает королева? — спросил астролог.

— Да, — подтвердил герцог. — Помните, два года назад вы подарили ей книгу своих катренов в сафьяновом переплете? Она ее тогда только пролистала. А я, попросив разрешения, прочитал и запомнил это предсказание. Перед поединком я

пытался предупредить короля, вспомнив ваш катрен, но он не поверил и погиб.

Екатерина Медичи, королева Франции, действительно получила от Мишеля Нострадамуса, одного из своих подданных, красивую книгу пророчеств, на- писанную в стихах, называющихся катренами. Она сама увлекалась астрологией и стихами. И ей это показалось интересным. Она полистала ее. Однако стихи не произвели впечатления, а предсказания остались непонятными и туманными. Да и имя автора звучало весьма странно. Нострадамус, видимо, крещеный еврей. Ведь в переводе с латыни это что-то вроде «богородицын», то есть сын Богородицы. Фамилия прямо кричала о его христианском вероисповедании. Это, несомненно, для защиты. Но Екатерина приняла его и, побеседовав, поняла, что это очень интересный человек. Нострадамус сумел развлечь ее не только своим остроумием, но и глубокими познаниями в медицине, астрологии и каббалистике. Ее величество сама интересовалась сведениями в области трав и настоев. Знала их лечебные, и не только, свойства, поэтому такой собеседник был ей очень приятен. Он подарил ей свои розовые пилюли и очень хорошие ароматные масла для тела собственного изготовления, чему она была искренне рада и, понюхав их, сказала: — Так может пахнуть только Прованс! О своем непонимании его книги она тогда говорить не стала. Но Екатерина обладала цепкой памятью, которая отличалась способностью схватывать ключевые моменты, поэтому она лишь запомнила что-то о турнире в июньскую жару и о роковом копье. И вот судьба снова напомнила ей об этом человеке и его незаурядных способностях. Она должна была срочно его увидеть. Всадники оседлали коней и отправились в Париж. Нострадамус ехал в легкой открытой повозке. Савойский сел рядом, чтобы поговорить. Его откровенно интересовал этот человек со столь необычным даром.

— Скажите, — обратился он к Мишелю, — как вы составляете свои катрены? Только подбираете рифму или используете еще какие-то возможности?

— Я делаю некоторые вычисления, их мне также подсказывает подсознание.

— Ведь вы знали, что пророчество о смерти короля сбылось?

— Знал, — подтвердил астролог.

— Наверное, тяжело жить с постоянным осознанием будущего?

— Не более, чем каждый человек живет с осознанием того, что, родившись, он должен когда-то умереть. Я стараюсь не делать предсказаний конкретным людям. И не советую им обращаться к гадалкам. Однажды озвученное может материализоваться в пространстве.

— Ну, если это так неизбежно, так уж зачем бояться?

— Дело в том, что есть люфт во времени, когда можно что-то поправить. То есть отодвинуть события или что-то поменять в них. Сила мысли — великая вещь.

Николай Чепурин
«Наследие бога войны». Книга 2.
«Взгляд из прошлого»
Интернациональный Союз писателей,
2018г.

«Зло всегда неумолимо. ... оно всегда будет играть в свои тайные грязные игры, желая заполучить себе в услужение весь мир...» «Наследие бога войны». Книга 2. «Взгляд из прошлого» Н. Чепурина, написанная в лучших традициях жанра фэнтези, продолжает рассказ о великом и вечном противостоянии Великого Небесного Света, его учеников и последователей, несущих во Вселенную добро, любовь, справедливость и Хозяина Преисподней с его армией демонических созданий – оплота зла, жестокости, ненависти. Сюжет произведения достаточно сложный, но развивается динамично и непредсказуемо, Одна эпоха сменяет другую, но происходящие во времени события взаимосвязаны и повествование становится логичным и завершенным. Автор все время держит читателя в напряжении, сосредотачивая внимание на диалогах, действиях персонажей, делая понятными их чувства, мысли, поступки. Войны, магические превращения, кровавые ритуалы, заговоры, предательство и... настоящая любовь, готов-

ность к самопожертвованию, преданность и чистота помыслов. Через внутренний мир героев, опасности, трагические события, фатальные последствия их непримиримой борьбы писатель показывает, как много порой зависит от выбора нравственных ориентиров и целей жизненного пути. Зло, щедро раздавая власть, богатство, опьяняет безграничной силой. Но... Вечности достойны только «чистые сердцем», сохранившие светлое и духовное начало.

Чепурин Николай Николаевич родился и вырос в г. Кировске Мурманской области, окончил кафедру юриспруденции Кольского филиала Петрозаводского государственного университета. Работал в частной юридической фирме, петербургской книжной сети «Буквоед». С января 2017 года сотрудник научно-фондового отдела Кировского историко-краеведческого музея с мемориалом С.М. Кирова. Пишет в жанре фэнтези. В 2018г. удостоен награды премии «РосКон», автору присвоено звание «Рыцарь Фэндом».

Отрывок из книги
«Наследие бога войны». Книга 2.
«Взгляд из прошлого»

*Я изгнанник,
 посланник древнего народа
 и бывший ученик Великого Небесного
 Света. Меня зовут Сапирмута.
 Отрывок из дневника Сапирмута.*

Глава 1. Третий ребенок

*Я вижу людей или псов,
 способных напасть на ребёнка?*

Джордж Мартин. Игра престолов

Когда Всевышний создал Вселенную, изгнав Изначальную Пустоту, Он зародил в ней жизнь. В те далекие времена Марс населял древний народ, называвший себя трионтами, но было это так давно, что уже в эпоху их эволюционных потомков это название затерялось во времени.

Трионты, существа с золотистой кожей, внешне весьма походили на людей.

Цивилизация прамарсиан, а именно так в будущем называли их, была достаточно развита для того времени. В центральной и южной частях восточного материка размещались крупные города и селения, процветали наука и образование, медицина и культура, ремесло и промышленное производство. Но уже после смерти Гирумешопа в 35 году постепенно всё это стало приходить в упадок. Закат эпохи трионтов был уже близок...

150 марсианских лет спустя

185 год на Марсе. Эпоха прамарсиан

Король Муфбак нервно мерил шагами комнату. Сцепив руки за спиной в замок, он уже в двадцатый раз прошелся туда-сюда. Наконец, обойдя вокруг огромного стола, за которым устраивались званые ужины во время королевских приёмов, трионт опустился на трон, стоявший во главе всё того же стола.

Откинув голову на спинку, обшитую мягкой и дорогой зеленой тканью, Его Королевское Величество прикрыл глаза рукой и погрузился в свои тревожные думы.

Поздний вечер уже давно сменился ночью. В камине, потрескивая поленьями, горел огонь. Единственным источником света были зажжённые свечи в нескольких канделябрах, расставленных симметрично на столе. Большая часть комнаты пребывала во тьме, кроме небольшого прямоугольника

на полу, куда падал свет звёзд, просочившийся в огромное боковое окно.

Внезапно промелькнула чья-то тень, на долю секунды заслонив собой прямоугольник света на полу. Через пару секунд Муфбак услышал тихие шаги, а ещё через пару его взору предстал трионт. Одетый в черный саван с капюшоном, он был едва различим в тусклом свете свечей.

Король вопрошающе посмотрел на него.

– Она только что родила, сир, – ответил явившийся из ниоткуда трионт. – Мальчик.

Муфбак вновь посмотрел на начальника своей секретной службы, прозванного Ходящим во Тьме. Стоявший перед ним трионт полностью оправдывал это прозвище. Он и его многочисленные шпионы были везде и нигде одновременно, что позволяло им оставаться сокрытыми от чужих глаз и ушей, а заодно всегда быть в курсе того, что происходит на планете. Вдобавок никто, за исключением короля, не знал настоящего имени главного шпиона, но и сам Муфбак никогда не называл его по имени.

– Стало быть, у меня родился сын, – наконец облегчённо произнес король, однако Ходящий во Тьме всё же уловил в его голосе некоторые тревожные нотки.

– Сир, но его мать...

– ...служанка, знаю! Я взял её силой.

– Сир, надеюсь, вы понимаете значимость тех последствий, если вдруг эта новость просочится за пределы этой комнаты?

Король наморщил свой и без того полный морщин лоб, отчего тот стал похож на выжатый фрукт. Рождение внебрачного сына могло помешать его замыслам, к осуществлению которых он приближался последние несколько лет. С этим ребенком и его матерью надо было срочно что-то решать, решать быстро. В голову приходили самые скверные варианты, Муфбак колебался. Всё-таки это был его ребенок.

– Милорд, – вновь обратился к королю Ходящий во Тьме, – вы должны принять решение... – главный шпион слегка замял-

ся, т.к. побоялся выразить мысль о дальнейшей судьбе младенца и его матери.

Король поднялся, обошёл вокруг стола и, остановившись возле своего шпиона, произнёс:

– Что я, по-твоему, должен сделать?

– При всём уважении, сир, вы должны распорядиться об их устранении, причем о таком устранении, чтоб не осталось ни следов, ни намёка на их существование, – Ходящий во Тьме опустил взгляд на пол и не поднимал глаз до тех пор, пока Муфбак вновь не заговорил.

– Ты говоришь об убийстве, – спокойно произнес король трионтов, – об убийстве моего сына и его матери.

– Мой повелитель, – шпион посмотрел прямо в глаза королю, – этому младенцу не суждено сыграть никакой политической роли в дальнейшем. Пусть он и ваш сын, но в то же время он сын прислуги, рождённый вне брака. Если хоть малейшая информация об этом вырвется из стен дворца, то о вашем предстоящем бракосочетании можно забыть. А следовательно, можно забыть и о возможности вторгнуться в земли гевридломов. Это сведёт на нет ваши планы. Ваша будущая жена – Потерянная Княжна, приемная дочь раца гевридломов Азун-Ти-Монга. Думаю, вы понимаете, как строго гевридломы относятся к соблюдению установленных правил и обычаев. Если они узнают о вашем незаконнорождённом сыне, да еще и от прислуги, то посчитают это оскорблением их чести, и тогда ни один трионт не сможет ступить свободно по их землям. К тому же, сир, ведь у вас уже есть дети – взрослый старший сын, будущий король, и прекрасная, юная, как молодая весна, дочь – принцесса трионтов.

Муфбак слушал Ходящего во Тьме и утвердительно кивал головой. Да, безусловно, главный шпион был прав, этот младенец и его мать должны умереть, умереть сегодня же. Но всё же какое-то непонятное чувство заставляло короля колебаться, что-то уверенно подсказывало – они должны остаться в живых.

– Сир, когда будете отдавать распоряжение об убийстве, думайте о нём не как о сыне, а как о нежелательном последствии своих плотских утех, – посоветовал шпион.

«Своих плотских утех? – эта фраза чуть было не вывела из себя короля. – Плотских утех! Я не животное! Мой третий ребенок будет ЖИТЬ!» – гневно подумал он.

Муфбак был так рассержен речами своего шпиона, что в какой-то момент хотел ударить его по лицу, но, взяв себя в руки, всё же сдержался.

– Нет, Ходящий во Тьме, мы поступим по-другому. Ты спрячешь их самым надёжным образом до приезда княжны, а уже после мы поменяем местами княжну с этой служанкой.

– Простите, милорд, но я не понимаю, что вы задумали. Княжна прибудет в сопровождении отряда гевридломов во дворец через три дня.

– Всё просто. Завтра днем ты отправишь им навстречу два своих отряда. Один из них под видом разбойников нападет на путников и, перебив всех гевридломов, попытается похитить княжну, но... Вот тут в дело вступает второй отряд, который под видом королевских солдат перебьет «разбойников».

– Вы хотите, чтобы я пожертвовал целым отрядом ради этого и отправил его на верную смерть?

– Да. И им совершенно необязательно знать о существовании друг друга. «Отряд разбойников» должен быть уверен, что выполняет прямой королевский приказ по срочной доставке княжны во дворец, а про второй отряд они даже догадываться не должны. В то время как «отряд королевских солдат» должен быть уверен в том, что спасает княжну из грязных лап разбойников.

После этого напуганную до смерти, но радостную от того, что осталась в живых, княжну доставляют ко мне во дворец. Затем состоится церемония бракосочетания, а на следующий день настоящая княжна исчезнет. Её место займет мать моего сына. Поскольку рядом не будет дотошных гевридломов, то некому будет заметить подмену, а спустя какое-то время мы объявим о рождении сына. И вот в такой комбинации

его ждёт успех и завидное будущее. Ах да, чуть не забыл, раз уж мы не хотим распространения информации, приказываю всех свидетелей, знавших о существовании этой служанки и её сегодняшних родах, ослепить и отрезать им языки. Что ж, пожалуй, это всё. Теперь ступай, Ходящий во Тьме, у тебя много дел.

– Слушаюсь, сир, – шпион поклонился и, сделав шаг назад, буквально растворился в тени.

Муфбак облегчённо вздохнул и направился в свои покои. Эта маленькая тайна теперь останется тайной. В этот момент он ещё не догадывался, что ошибается, а спланированные им события пойдут несколько иначе.

Княжна Чирта поправила украшенный кружевами и лентами подол своего белоснежного платья и вновь опустилась на своё место в королевском экипаже.

Трионка была раздражена и даже не пыталась этого скрыть. Предстоящее бракосочетание с королем ей вовсе не нравилось, и, несмотря на, казалось бы, убедительные доводы приемного отца – раца Азун-Ти-Монга о том, что она станет не просто королевой, а в первую очередь его глазами и ушами при королевском дворе, ей вовсе не хотелось замуж. Чирта имела иные представления о том, чем должна заниматься молодая привлекательная девушка её возраста, а уж если и говорить о замужестве, то только по взаимной любви.

Девушка тяжело вздохнула и слегка пристукнула ладонью по кожаному покрытию сиденья.

Сидевший напротив гевридом поднял на неё свой единственный глаз и спросил:

– Чем ты так недовольна, сестра?

– А то ты этого не знаешь? – язвительно отозвалась Чирта и, поправив непослушную прядь, упавшую на лицо, снова заговорила: – Как можно выходить замуж за того, кого ни разу не видела, о ком ничегошеньки не знаешь, кого вовсе не любишь и, самое главное, за того, кто мне в деда годится?

– Когда доходит дело до политики, то о любви и других высоких чувствах можно и нужно забыть, потому что политика всегда была, есть и будет оставаться сплошной грязью, умело скрываемой под ложью красивых речей и громких обещаний. Печально, но факт, – ответил Мон-Ти-Монг.

– И это вместо того, чтобы поддержать или подбодрить меня! Тоже мне умник нашелся, – княжна смерила его уничтожающим взглядом.

«Хотел бы я что-то изменить, но вряд ли это сейчас в моих силах, – подумал гевридом, глядя на названную сестру. – Такова её доля».

Чирта вспомнила события последних нескольких дней: её вызвал отец и поставил перед фактом, что она станет женой короля и королевой трионтов. Несмотря на все возражения и просьбы не заставлять её делать это, Азун-Ти-Монг крепко обнял её и, поцеловав, сказал:

– Со временем ты всё поймешь, милая, и не будешь сердиться и осуждать мое решение, а теперь ступай, дитя, ступай.

Девушка провела всю следующую ночь в слезах, а под утро дала себе обещание, что больше никто и никогда не увидит её слёз, равно как никому и никогда она больше не покажет своей слабости.

Княжна вспомнила также, как этим утром в сопровождении Мон-Ти-Монга и небольшого отряда гевридомов она покинула Муэмум, прошла через ущелье Рукупутупис, миновала Лысое плато, полное зеленого тумана, поднимавшегося от поверхности, и по небольшой и узкой горной тропе спустилась к тракту, где их ожидали два королевских экипажа, чтобы увезти отсюда прочь – в столицу Хьюф.

Экипаж быстро и уверенно мчался по тракту, покачиваясь из стороны в сторону и постукивая своими колесами по мощенной камнем дороге.

Чирта посмотрела на Мон-Ти-Монга. Он был одет в плащ с зелеными полосами, пять шнурков, привязанных к его рогам, означали уважение к будущему рацу.

Шнурки динамично раскачивались туда-сюда, точно повторяя движения экипажа. Это зрелище стало действовать на девушку усыпляюще. Откинув голову на спинку сиденья, она подумала:

«Я же Потерянная Княжна. Один раз уже терялась, значит, можно и два раза. Как только наступит темнота – сбегу! Никогда в жизни не стану женой короля!»

Она уснула, не подозревая, что на неё у судьбы несколько иные планы, расходящиеся с её собственными.

Пять марсианских лет назад

Князь Пунгаш Фенгу – комендант королевской крепости Теазнорп – вместе со своей пятилетней дочерью ранним утром отправился в ежегодный летний поход в Кулибирунские горы. Они собирались пройти своим обычным маршрутом южнее Лысого плато и уже к вечеру вернуться обратно к тракту, где их будет ожидать экипаж.

Миновав южный склон, отец и дочь Фенгу попали в небольшую, местами заболоченную равнину. В её правой части рос редкий и чахлый перелесок, жалкие и унылые деревца которого кое-как, из последних сил пытались тянуться к свету и приспособиться к постоянно меняющимся климатическим условиям.

Кулибирунские горы были особым местом, и климат вместе с погодными явлениями там не отличались стабильностью. Даже летом в любой момент мог повалить снег или же разыгрывалась настоящая снежная буря, отчего в северных участках гор снежники не таяли круглый год.

В левой же части равнины находился небольшой пригорок, сплошь состоящий из песка, грязи, мелких и крупных камешков.

Маленькая Чирта, вырвавшись вперёд, взбежала на этот холм и радостно произнесла:

– Папа, папа! Гляди, как я высоко!

Пунгаш лишь улыбнулся в ответ и хотел что-то сказать,

но маленькая озорница уже спустилась по ту сторону холма и теперь скрылась из его поля зрения. Трионт быстро взобрался на пригорок и обомлел.

Прямо перед ним сплошной непроглядной стеной висел густой туман, простиравшийся до самого горизонта. Сердце бешено застучало в груди, а где-то впереди слышались всхлипы и детский плач.

– Чирта! Чирта! Где ты?!

Поднявшийся из ниоткуда ветер заглушил ответ, если таковой и был.

Князь бросился вниз с холма, но в этом тумане совсем не видел, куда бежит. Споткнувшись, он упал и кубарем покатился вниз, обдирая и царапая в кровь лицо и руки. У основания холма Пунгаш больно ударился спиной, тихий стон вырвался из груди, болело всё тело.

Погода окончательно испортилась: в этом страшном и коварном тумане разыгралась буря. Снег сыпал повсюду большими холодными хлопьями. Легкая летняя одежда, не предназначенная для зимних условий, моментально промокла, и ветер, словно ножом, резал по его и без того истерзанному телу.

Трионт заслонил лицо руками и, прикрыв глаза, попробовал пошевелиться. Жуткая боль отдалась в правой ноге, оказалось, он сломал её во время своего падения.

Снег всё сыпал и сыпал, припорошивая всё вокруг, и, сколько бы Пунгаш, измотанный и обессиленный, ни стряхивал его с себя, столько же вновь его окутывало. Вскоре на его голове не стало видно волос, а ноги полностью утонули в белой массе сугроба.

Пунгаш Фенгу сделал отчаянную попытку позвать на помощь, из озябшего и заледеневшего тела вырвался лишь сдавленный кашель.

«Зачем я только задумал этот поход?»

Конец был близок...

Княжна Чирта, вырвавшись вперёд отца, взбежала на небольшой холм и радостно произнесла:

– Папа, папа! Гляди, как я высоко!

Девочка развернулась и посмотрела вниз, там что-то блеснуло, и это привлекло её внимание. Она в один миг спустилась с холма и принялась высматривать, что же это было. Сама того не замечая, Чирта постепенно отдалилась от пригорка, с которого кричала отцу.

Внезапно возникший густой туман, опутавший всё вокруг, напугал её. Девочка всхлипнула и закричала. Откуда-то издаleка донесся крик отца:

– Чирта! Чирта! Где ты?!

Княжна не имела понятия, где находится, к тому же она была сильно напугана. Маленькая трионька что-то прокричала в ответ, но взывший ветер заглушил её крик, давая понять, что отныне он один здесь имеет право голоса.

Повалившийся отовсюду снег попадал в лицо, за шиворот и промочил насквозь одежду. Девочка озябла и еле двигалась в неизвестном направлении, с трудом перебирая ногами.

«Как же тут холодно... кхе-кхе... Mamочка, милая мамочка, если это конец, то забери меня... кхе-кхе... к себе скорее. Папочка, где же мой папочка?»

Ведомая лишь одной судьбе известной дорогой, маленькая княжна Чирта забрела под низкие кроны деревьев. Юркнув, как мышка в норку, она укрылась под пушистыми ветками одного из них, которые, словно крыльями, заслоняли её от разыгравшейся непогоды.

Свернувшись калачиком, Чирта обхватила себя ручками и отчаянно пыталась согреться. Ветер и снег не проникали сюда, а от дерева исходило такое сильное тепло, что продрогшее дитя в скором времени отогрелось и она, не ведая как, уснула.

В условленный час экипаж так и не дождался возвращения князя и его дочери. Прождав ещё какое-то время, подданные наместника Теазнорпа уже глубокой ночью вернулись в крепость. Тут же был собран отряд, который на рассвете отправился на поиски. О произошедшем немедленно послали гонца с донесением к королеве.

Поисковый отряд, прибывший рано утром следующего дня к месту похода, наткнулся на следы бури. Закоченевшее тело князя удалось отыскать. Погибшего отправили в столицу, а княжну так и не нашли.

Вот так маленькая Чирта стала Потерянной Княжной.

Когда Чирта открыла глаза, вокруг уже было светло. Она выползла из-под дерева, поднялась в полный рост и осмотрелась. Туман рассеялся. Перед ней лежала незнакомая, укутанная ещё не успевшим растаять снегом долина.

Девочка не знала, как здесь очутилась, т.к. во время вчерашней бури брела в неизвестном направлении. Не знала она и как вернуться назад. Ей стало страшно, слёзы сами катились по крохотному лицу.

– Папа! Папа! Где ты?!

Чувство страха сменилось возникшим внезапно чувством голода, Чирта ничего не ела со вчерашнего дня. К голоду добавилась жажда. Пересохшее нёбо создавало во рту неприятные ощущения.

Маленькая трионтка опустилась на колени и, зачерпнув в ладошку немного снега, поднесла его к губам, едва намочив их. Она хорошо помнила, как отец строго-настрого запрещал ей есть снег, говоря, что от этого можно заболеть.

Девочка облизала языком влажные губы, но это только раздражило её, и она, уже не думая о каких-то там запретах, быстро положила снежный комочек в рот.

Снег был ледяным, он быстро растаял и холодным потоком скрылся глубоко внутри Чирты. Она тут же закашлялась, и у неё заболело горло.

– Ну вот, – сипло произнесла трионтка, – теперь еще и простужусь. Буду чихать, кашлять и сморкаться. Как же хочу кушать!

Чирта посмотрела на дерево, под которым пережила бурю. На его ветках росли какие-то вытянутые бледно-зеленые плоды, похожие на земные огурцы, только без пупырышков. Плоды росли слишком высоко, чтобы девочка могла до них дотянуться и сорвать их. Она уже совсем расстроилась и вновь хотела заплакать, но вдруг вспомнила, как няня рассказывала ей о том, что все животные и растения – такие же живые существа. У них есть душа, они всё слышат и понимают, а тем, кто уважительно и бережно к ним относится, помогают.

«Значит, нельзя есть эти штучки, а то деревцу будет больно».

– Спасибо тебе, деревце, что укрыло меня от плохой погоды и обогрело. Прости, я не знаю, как тебя зовут и как к тебе следует обращаться, – решила поблагодарить дерево девочка.

Ответа не последовало. То ли деревце её не слышало, то ли просто не умело говорить, так это и осталось неизвестным, однако внезапный порыв ветра сорвал с ветки один из плодов и уронил к ногам Чирты.

– Спасибо, – обрадованно произнесла княжна, подбирая плод, – скажи, может, ты знаешь, как мне выйти отсюда?

Новый порыв ветра отвёл в сторону одну из ветвей так, что получилось, будто она указывает на противоположный край долины.

– Ещё раз спасибо, прощай, деревце.

Потерянная Княжна развернулась и отправилась в направлении, указанном веткой, осторожно ступая по снежному покрову, начинавшему местами обильно таять.

Лишь отойдя на достаточное расстояние от деревьев, Чирта осмелилась вонзить зубы в неизвестный плод. Укусив пару раз, она убрала оставшуюся часть в карман своей курточки.

– Неизвестно, сколько еще придется тут бродить, а это всё, что у меня есть, – пробормотала она.

Впереди начинался пологий спуск, весь поросший высокой травой и диким кустарником, сквозь который местами пробивались торчащие из земли огромные валуны и камни.

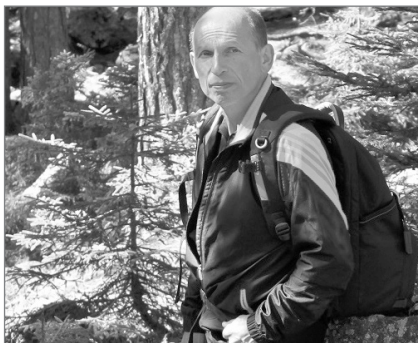
Далеко внизу Чирта заметила огонек: там кто-то развёл костер, и теперь от обильного пламени вверх поднимались разносимые ветром клубы дыма.

«Надо идти туда», – подумала княжна и начала свой спуск, аккуратно ступая и временами хватаясь руками.

Немного устав, Потерянная Княжна остановилась, чтобы перевести дух. Она как раз добралась до большого скопления камней, разбросанных в беспорядке. Камень, на который девочка только что ступила, показался ей достаточно устойчивым, и трионтка решила присесть на него.

Валун пошатнулся и наклонился в сторону. Чирта повалилась на левый бок и зацепила ногой соседний камень, сдвинув его с места. Хрупкое равновесие было нарушено, и теперь скопление твёрдых ископаемых лавиной ринулось вниз.

Спасло княжну небольшое деревце, росшее чуть левее, за ствол которого девочка успела ухватиться. Держась руками и ногами изо всех сил, Чирта с ужасом в глазах наблюдала, как мимо со страшным грохотом проносятся валуны.

«Становитесь лучше, пока еще есть время»

Михаэль Казакевич «Я разрушаю алтари», Интернациональный Союз писателей, 2018г.

«Каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу»
Ю. Левитанский

«Я разрушаю алтари», а дальше хочется продолжить: «А может быть стереотипы, догмы, закостеневшие в сердце и уме, лишаящие мысль крыльев для свободного полета и душу заточающие в плен тягостных и горестных проблем». Получилось даже в рифму. Но, наверное, так можно представить суть лирики М. Казакевича после знакомства с представленным сборником стихов «Я разрушаю алтари». Отвечая на самому себе заданные «вечные вопросы»: «Что жизнь твоя и счастье в жизни. И цель, и смысл бытия»? поэт искренне рассказывает о жизненных ситуациях, нравственных исканиях и полностью открывает перед читателем свой внутренний мир, приглашая поразмышлять. О чем?..

Перед нами серьезная лирика... философская, религиозная, патриотичная, связанная с памятными событиями истории родной земли, и глубоко личная – о чувствах преданных и преданных. На страницах книги – дыхание весны, свежесть летнего утра, серость осеннего дождя и суровость зимней

стужи описаны с нежной, трепетной любовью к миру родной природы, посещение мест, связанных с историей еврейского народа, и центров западной культуры, – в контексте личных переживаний и впечатлений. Тема любви – основная в творчестве автора, вернее, понимание любви во всех ее ипостасях, и в огромном желании помочь всем, поддержать, а главное, объяснить, как жить правильно и честно, то есть:

«Любить, не требуя взамен.

Дарить себя на радость людям.
Прожить еще, где нет измен,
Где свет души тебя так любит»
(«Мне ли вас судить»)

И очень поучителен для всех в одном из стихотворений («Кризисы среднего возраста») подробный анализ этапов жизни человека, каждый из которых имеет определенные цели и задачи. Рассуждая о важности подведения итогов и постоянной работы над собой, поэт делает очень важный вывод, что причина-то этих кризисов лишь суэта, самонадеянность и «смысла жизни маловато». И страшно, что, не поняв это, «некоторые прожив всю жизнь, ни для чего не родились».

А узнать, для чего родились, помогает вера. У Михаэля Казакевича она из глубины сердца, как «победа чувства над разумом». И потому любовью к Творцу в собственных откровениях тоскующей души, прошедшей тернистый путь разочарований и оставленности, покаянием и... благодарностью, что «чувствовать могу», желанием творить дела любви и милосердия пронизана вся духовная лирика.

Красота, напевность языка, стройность рифмы и яркость образов, глубокое содержание и важность обсуждаемых тем делают сборник стихотворений «Я разрушаю алтари» интересным и серьезным. А значит он обязательно найдет своего читателя. А автор, возможно, единомышленника...

*Михаэль Казакевич
Время губит, время лечит -
Это время нашей встречи,
Где о времени забудем,
Оттого, что в счастье будем.
«Дело не во времени»*

Родился мальчик в обычной интеллигентной советской семье и прожил всю жизнь в обычной двухкомнатной квартире.

О еврействе своём напоминали ему анекдоты и редкие жизненные ситуации. На них не надо заострять внимание - все так жили.

Учился хорошо. Мешали только языки. Конечно, родной язык в семье был русский, и книги, и друзья. Но вокруг него говорили на польском, литовском, еврейском, и их он тоже не знал. Приговором прозвучали слова учительницы русского языка во втором классе, доброй Веры Семёновны: «Мальчик хороший, но язык он будет знать только на «хорошо». Ну и что - есть ещё математика.

Книги «глотались», их было много. Те, что продавали тогда в магазинах. Потом увлечение песнями Высоцкого, спорт, походы в горы, КСП.

Никогда ничего не писал сам. Так всю жизнь. Окончание института, смерть матери, женитьба, сионизм и репатриация.

Устройство в новой стране. Работа, дети, машина, дом, поездки за границу - их много. Много забот. Потом тупик.

Кто я, зачем живу, для чего, что я постиг, что передам детям? Неужели только спирали своей ДНК? А есть ли Бог?

Вопрос веры никогда не вставал в жизни. Вся она была наполнена материализмом.

Ещё не знал тогда, что Богу нравятся больше люди, не верующие от рождения, а пришедшие к Нему сами. Он пошёл.

Его старание было замечено. Материальное подтверждение существования Бога получено. Дальше поиск учителя.

Конечно, русскоговорящего, так легче. Иврит, как и Тору, учат долго, всю жизнь, но половина её была пройдена - надо спешить.

В день рождения учителя захотелось поздравить его шуточным стихом, втиснув слова каббалы в текст песни Высоцкого. Получилось.

И с тех пор этот поток стал неостановим. Благо мудрости Божественной много, очень много. И началась другая жизнь.

Снова молодость, снова любовь и счастье писать вам стихи. Будьте мне здоровы, люди, как говорят в Одессе. Я вас люблю.

Ни ваша вера, ни ваши глупости, ни ваше отношение ко мне или к моим стихам, ни сексуальная ориентация этого не изменят.

Люблю «чертовски». Черти - они тоже проявление Божественной силы. Берегитесь их.

Этот мир был когда-то создан для вас, люди, чтобы вы были счастливы, чтобы искали и находили, и радовались.

Так станьте счастливы.

Станьте людьми.

*А покуда мы не будем,
Не помогут даже губы
И слова, хотя не грубы -
В это время время губит.
Там же...*

Я разрушаю алтари

Это мой путь

Путь пришлось выбирать среди сотен дорог.
Прошагал его гордо и трудно, как смог.

Я разрушаю алтари

Ничто не вечно без любви.
Ничто не прочно без молитвы.
Все строят стены в поле битвы –
Я разрушаю алтари.

Зверь зарывается в норе,
Дух растворяется в пустыне.
В меня вселилась страсть отныне –
Сжечь ложь одежд своих в костре.

Освободить себя от пут,
Презреть условностей границы.
Скрывают Бога лики – лица,
Глаза которых в страхе лгут.

Михаэль Казакевич

Я разрушаю алтари

Это мой путь

Мою маму война обошла стороной.
Из боёв не вернулись, сгорели деды.
Мы носились дворами сопливой шпаной,
И нагтели убийц моих предков ряды.

И зубами плюя, и слезами давясь,
Зазубрил я, что я не такой, как они.
И по жизни не стал пачкать руки о грязь:
Были слабыми руки и длинными дни.

И я строил себя, закаляя в делах,
И учился любить, прорастая душой.
А вокруг меня ложь колосилась в словах
И дедов моих прах неотмщённой слезой.

Путь пришлось выбирать среди сотен дорог.
Прошагал его гордо и трудно, как смог.
То не музыки звук – топот тысяч сапог.
Кому порт, кому пот, кому сладкий пирог.

И теперь, ртом беззубым орехи грызя,
Позабыв крови вкус и укусы змеи,
Жизнь готов повторить – ведь иначе нельзя,
Чтоб покоились с миром все деды мои.

Тяжёлый бой

Не просто ждать, не просто ждать, не просто ждать мессию,
Но приближать, но приближать, но приближать приход.
Не просто быть, не просто быть, не просто быть пассивным,
Но убеждать, но убеждать, но убеждать народ.

Не просто звон, не просто звон, не просто звон набата,
Проснись-отбрось, проснись-отбрось, проснись, отбрось дела.
Спеши на бой, спеши на бой, спеши на бой куда-то.
На бой с собой, на бой с собой, на бой с собой. Ура!

И если сдал тяжёлый бой вчера, сегодня, завтра,
И если враг, опасный враг все занял города,
Так чёрт с тобой, забудь себя, оставь себя, пожалуйста,
Молись быстрей, и громче пой, и бей в набат всегда.

Кто даст тебе, кто даст тебе, кто даст тебе проснуться,
Пойми его, пойми его, пойми его приказ.
И снова в бой, и снова в бой, и снова в бой вернуться,

Где не один, ты не один, я не один сейчас.

Звёздный ветер

Я готов вам петь про ветер,
Что во сне сегодня встретил.
Он летит сквозь всё на свете –
Свежий, звёздный, грозный ветер.

Я хочу вам спеть про звёзды,
Что мигают ночью слёзно.
Эти звёзды вечно светят,
Чтоб нашёл свой путь их ветер.

И я выйду вам навстречу
В мир, где звёзды слёзно светят,
В сон, где дует грозный ветер
На пустой ещё планете.

Всё надеюсь, что не поздно.
Солнце сменит скоро звёзды,
Но пока они мне светят,
Дует ветер, звёздный ветер.

Обещая всё на свете,
Ветры бродят по планете.
Приходи, ещё не поздно,
В мир, где светят ночью звёзды.

Полёт

Не ушами, а душами.
Как щитами готовыми,
Новыми, крепко склеены
Верую – не химерою,
Мы сомкнули наш строй в бою.

Помыслы остро точные,
Непорочные, держим прочно мы,
Вновь взлетая гурьбой
В мир другой, где не чувствуем
Одиночества, бог с тобой!

Ненависть, расстояния,
Вечный поиск, скитания,
Боль разочарования,
Тупики одиночества –
Вон из прошлого творчества!

Точно мы знаем отчество
И границы отчества
Раздвигаем теперь рукой.
Видим слово мы новое,
Звуки чудные нюхаем,

Пробуем тут без злобы мы
Птицами в новом космосе,
Но не вшами на глобусе.
Мы за вас тут помолимся,
Чтобы поняли – вы в гостях.

Слышишь ты?! Я люблю тебя!
А иначе там жить нельзя,
А иначе назад лети –
Нам с тобою не по пути.
Просто прочно душой прильни:
Скоро будут огни.

Искупительная жертва

На жертвеннике вечного огня
Чудесного, не гаснущего в храме,
Любовь горит последняя моя.
Её терзает лев, пронзив клыками.

Ты принял эту жертву за меня,
И дым её вознёсся в неба высь,
А завтра – завтра очередь моя.
Так лучше лев, чем стаи серых крыс.

Утро

Чтоб не отняли за долги
Желанье встретиться с тобою,
Прошу я Бога: «Помоги,
Нас наградив второй судьбою».

Чтоб загорелась в нас свеча –
Свеча любви во тьме вселенной,
Ты вытяни меня из плена –
Из плена лени, и печаль

Чтоб не коснулась нас крылом,
Не развела непониманьем.
Прости, опять я о былом,
А расстоянья, расставанья –

Пролог лишь к радости потом.
Потом, когда единый стих
Молитвой, матом, потом, болью
И общей нашею судьбою.

Я ангела зажал в горсти
И бросил вверх над головою.
Лети, мой друг, смелей лети.
Ночь кончилась. Готов я к бою.

Ошибки природы

Приятно, пригнувшись, приветствовать жизнь.
Скользить по волне её славно упругой.
Пищать, материться, когда дура вниз,
А вверх вознесёт... и по кругу, по кругу.

Руками хватать всё, что рядом лежит,
Глазами хватать, что другие схватили.
Увесить замками дома, где родить.
А счастье – ключами, что враз одарили.

Привычно застыли в позиции «вниз» –
Удары оттуда и блага оттуда.
Мы молимся волнам, чтоб вдаль не неслись,
И шарим руками вокруг... и по кругу.

Вдруг в мир наш спустилась другая душа
И вперила взгляд в небеса, отвергая.
Что видит она там, где нет ни шиша?
Что рядом лежит, ей уже не хватает?!

А молится в плаче, когда волна вверх,
А вниз унесёт, так смеётся и хвалит.
Нам странен тот смех, он не мат, её смех.
Он сводит с ума, он сбивает нас с правил.

Любовь для неё – это вовсе не секс,
И верит иначе, наверно, лукавит,
И волн не боится, и молится «вверх»,
И можно её только смертью исправить.

Тридцатью два – шестьдесят

Тридцатью два – шестьдесят
Протянулись бикфордовым нервом.
Захотел бы ещё,
Если б дали мне переиграть.

Ночью день начинать,
Разговаривать с Богом, стать первым.
Ничего не менять,
Ни за что ничего не менять.

Не светить, а сиять
Милосердия, мудрости светом.
И не слушать, внимать
Тихим Господа ясным речам.

И не деньги, а душу..
И любить не учить, всю планету.
Не себе, а друзьям.
Не продать, а дарить сгоряча.

Зажигая сердца,
Покоряя морские просторы,
Строя жизнь и дома,
И любовь, оставляя в горах,

Я пишу вам слова
И сплетаю их в песен узоры.
Огоньки этих слов,
Расцветая, не гаснут в глазах.

Законы Времени

*«И тогда обиделось Время —
И застыли маятники Времени»*

В.Высоцкий. Песня об обиженном времени

Над заходами и восходами,
В каждой капле-секунде распятыми,
Время вдаль нас несёт перекатами,
Перекрёстками, переходами.

Мы с рождения по течениям.
Плыть привычка сбивает нас стаями.
Между льдов, что к весне растаяли,
Непонятны нам утешения.

И нет берега, чтоб прибило нас.
Ускорения и замедления.
Не мешайте мне спорить со Временем,
Я без Времени не могу сейчас.

Лишь любовь моя, как спасение,
Отменяет вдруг это движение.
Вот тогда мы вдвоём вне Времени,
Власть теряют его мгновения.

Обтекает влюблённых волнами.
Строим замки любви мы рифмами.
И стоят они крепкими рифами.
Лишь ласкает прибой их стонами.

Но когда над суши кусочками
Сможем выстроить мостиков строчки мы
И любовь вдруг украсит их точками,
Отменяя законы тления,
Времяпад остановится Времени,
Заозёрится, без сомнения.

Визит дьявола

Догадки

Мне стали сниться дьявольские сны.
Во снах приходит, надо мной смеётся,
Играет, удивляет, не сдаётся.
Мне б дотянуть, дожить бы до весны.

Не предал, не убил, не воровал.
Гоню его из снов, кровать меняю.
Забуду и беспечно засыпаю.
Вновь смех его – и я лечу в провал.

Я бы его нечистым не назвал:
Холодный взгляд, надменная улыбка.
Опять сегодня совершил ошибку –
Один в большой кровати засыпал.

Он входит в дом, где умерла любовь.
Во снах тоски легко ему живётся.
Душа в его объятьях жарких бьётся.
Борюсь во сне с ним, но приходит вновь.

Надеемся мы все на добрый Рай,
И молимся, и даже в Бога верим,
Но глубоко в душе желанья зверя.
Под свет любви подставь, не умирай.

Быть может, ты и раньше заходил?
Но не было ведь сил сопротивляться.
Ну а теперь готов с тобой я драться.
Во мне любовь, что ты не победил.

Понимание

Благодарю тебя, мой друг.
За то, что ты не поленился.
И дважды в снах ко мне явился.
За то, что замкнут этот круг.

За то, что произнёс ты вслух
Два грозных слова на латыни,
Чтоб обозначить своё имя.
Оно мне не ласкало слух.

Ты видел всяких до меня.
Не по своей пришёл ты воле.
Ты чистишь после смерти горе,
Я горе жизни. Мне нельзя

С тобою рядом, хоть коллеги.
С костей ты душ сжигаешь эго,
Вонючее, гнилое эго,
Срубает гордости побеги,

А я тупым скребком элегий,
Полон бездарностью стратегий,
Тащу стихов слепых телеги
И строю всем вокруг ковчеги.

Ты нашей встрече не был рад,
Был занят, отдавал приказы,
Но оценил меня ты сразу,
Холодный свой лишь бросив взгляд.

Я понял, что ты не за мной,
Что это знак. Что это горе.
И заболел сынок мой вскоре.
Конечно, не был ты виной.
Микроб болезни стал причиной.
И на латыни его имя
Врач произнёс – кольнуло слух.
Тут у меня уж был испуг.

На колени

«Там, где живет гордыня, Бога нет.»

На колени пади ты, гордец,
Захлебнувшийся вонью сравнений.
Утони в испарениях сомнений,
Себялюбия ревностный жрец.

Воспарил высоко ты, жнец
Чужих постижений, пилигрим.
Перед Богом твоим и моим
На колени. Обвиняю! Ты лжец.

Я узнал буквы слов дорогих
Мудро книжных речений.
По законам миров и течений
Говорю я с Создателем их.

Разобрался ты в бедах моих?
Упади перед Ним на колени,
Обвиняя без тени сомнений,
В воровстве от желаний своих.

А теперь одному мне кружить.
Только звуки падений.
И удары, не слов ударения
Расставляет мне жизнь.

В колдовствах тебя злых
Обвинил наивысшей ступени
Удивительный гений.
Пастух ты баранов слепых.

Пропустите меня во вчера!

Пропустите меня, я схожу.
Да, моя! Да, конечно на этой,
Где мелькнул огонёк – не дышу.
Я за светом ведь еду, за светом.

Расступитесь. Куда вы? Постой!
Он мелькнул мне в начале перрона.
Я не помню, не видел, в какой,
Помню лучик весёлый, зелёный

Из надеждою тронутых глаз.
Их теперь не бывает на свете.
Так не смейтесь, ну нет их у вас.
Я от всех вас схожу на планете.

Я бегу во вчера, во вчера
На огня этих глаз колыханье,
Сквозь прощанья, заботы, дела
На сиянье, сверканье, дыханье.

Это жизнь, понимаете, жизнь –
Её смысл, её смех, её счастье!
Этот свет – он сквозь годы дрожит.
Он погас в вас давно безучастно.

Пропустите меня во вчера.
Я схожу с поездов на планете.
Я клянусь все оставить дела,
Растворить в этом праздничном свете.

Спешите стать счастливыми

*«Книга жизни моей перелистана, жаль
От весны, от веселья осталась печаль».*

**По мотивам песни А. Суханова «Романс старости»
на стихи Омара Хайяма**

Я смеюсь, как паяц, уходящим вослед.
Для меня этот мир не пристанище бед.
Я приветствую вас, открывая вам дверь.
Я умножил на ноль счёт потерь.

Книга жизни моей перелистана, пусть.
Заблудилась печаль и утеряна грусть.
Счёт потерян морщинам, но времени бег
Остановлен любовью под праздников смех.

А когда-то оно торопило нас в путь,
Но теперь сам себе не даю отдохнуть.
От меня ведь зависит: успеть – не успеть
Сказку вам рассказать, песню жизни пропеть.

Светом новой души освещу на бегу
Всё, к чему тут рукой прикоснуться смогу.
Под волной отыщу я той мудрости след,
Что мне душу подарит, а вам её свет.

Помогая найти ваших судеб маршрут,
Не замечу, как кончится песни мой путь.
Возвращу я последнюю душу Творцу.
Обветшала одежда – душе «не к лицу».

Человек в этом мире безмерно велик,
Если не замутнён его жизни родник.
Ну а тело – всего лишь одежда души.
Кто за мною идёт – поспеши, поспеши.

Морское

Стой, волна, я поторгуюсь за жизнь.
У меня, волна, торговля в крови.
Ты, волна, всё реже вверх, чаще вниз.
Хоть бела, как я, с собой не зови.

Поторгуюсь я за жизнь и за смерть.
Лишь свободы ты моей не проси.
За свободу я готов умереть
Без торговли, просто так – хватит сил.

Расставание

Ложь пустоты,
Одиночество тоже конечно.
Светом залит,
Чёрным светом пунктиров маршрут.

Эти пути
Пролетим без ракет мы бесечно,
Камнем скользнув
По воде, быстрый вымолив путь.

В смерть уходя,
От тебя отключаюсь навечно.
Помни меня.
Десять минут, девять минут... ждут.

Поберегись,
Видишь, катится время по встречной.
Нас разведут,
Уведя на запасный маршрут.

Вечность пронзив,
Отправляемся мы в бесконечность.
Восемь минут,
Мало минут, нас уже ждут... пусть.

Шторм с дождём и нет покоя

Босиком с волной сливаясь,
С силой этой, мощью этой,
Отрываясь от планеты,
Опускаясь, поднимаясь,
Покоряясь, растворяясь,
Но нисколько не смущаясь.

А зимой дожди косые
Море пьёт из туч высоких.
Отдают те тучи соки –
Волнам струи дождевые,
Грозовые, ножевые,
В лица с ветром – лобовые.

Между тучами и морем
Под дождями обтекаем,
Промокаем, высыхаем,
Волны ветром запивая,
То на дно его бросаясь,
То взлетая над простором

К чёрным рваным грозным тучам,
На волнах вращаясь круче,
Слыша рёв воды плакучий,
Волн разбитых, боль прибоя.
Нет, не может быть покоя
Выше, праздничней и лучше!

Море молится на тучи,
Тянет сок и солнца лучик
И мешает с солью, болью,
Крики слов его гремучи,
Тучам в уши – слышат тучи,
Поят море, землю поят.

Воля вольная

Половинку бы, четвертинку бы.
Развели меня, растреножили.
Воля вольная вмиг картинкою.
Как вдыхаю её, тревожную.

Как бросаю себя горстями в жизнь,
Так зерно в борозду отборное.
Седина по виску в бороду бежит.
Не привык я так, беспокойно мне.

Как на вёслах отплыл от берега,
Так ещё паруса не подняты.
Мне свою открывать Америку,
Только цели мои не поняты.

Вдоль бортов земля курс мой материт,
И душа заболит запойная.
Но ведь острова – то не материк.
Вдаль несёт меня воля вольная.

Половинку дай – брошу я свою.
Четвертинку мне – дам три четверти.
Чтоб одно создать, так всю ночь не сплю.
И несут в жизни даль черти мои.

Реки добра

*«Ах, Арбат, мой Арбат,
ты моя религия.»*

Булат Окуджава. Песенка об Арбате

Я теку как река: всё моё сознание,
Вся работа моя, мысли и дела.
Заходите в меня: вам моё послание,
И вода, и стихи, и любовь моя.

Волны к счастью несут, вольные и чистые.
Вы плывите по мне кролем, на спине.
Вы вливайтесь в меня ручейками быстрыми,
Плачем, просьбой искренней, днями и во сне.

Наполняюсь весной тающими мыслями,
Отражаю в себе свет добра и боль.
Этой болью взорвусь, просьбою неистовой,
Успокою волной, унесу с собой.

Всем грехи отпущу – в этом и призвание.
Мир омою собой, как святой водой.
Вы читайте меня: вам моё послание,
И спешите ко мне со своей бедой.

Под песни ветра и огня

Скоро в море шторм – снова без меня.
Здесь не устоять под напором волн.
Тяга есть в печи, слышно лесть огня.
Песнь огонь поёт, ожиданьем полн.

Славы снег, чтоб таял без огня,
Жизни бег, чтоб не унёс коня,
Моего седого-сивого,
Чёрной гривую игривого.

Жеребят моих, что в траве искал,
Ветерок забрал в поле чистое.
А мой конь не стар – подо мной устал.
Сколько раз спасал он от выстрела.

Славы снег растает без огня,
Жизни бег не унесёт коня,
Моего седого-сивого,
Чёрной гривую игривого.

Как взгляну назад – лес густой вершин.
Жизнь ведёт вперёд, в поле белое.
То не снег мне путь в жизнь припорошил,
Просто не спешу, чтоб ни делал я.

В слякоть, снег он славою маня.
Без меня накормите коня.
Крик огня – он тоже хочет есть.
Ветер песнь запел: «Ты здесь?» – Я здесь!

Правда о волнах

«Я когда-то умру – мы когда-то всегда умираем».

В.Высоцкий. Райские яблоки

Мы когда-то уйдём.
Всё вокруг пропадает куда-то.
Растворимся волной,
Окатившей прибрежный песок.

Остаются потом
Пара строк, позабытая дата,
Души наших детей,
Словно жизнью ушедших итог.

Средь моих постижений,
Как только глаза закрываю
(А мечты – знать, молитвы,
Их читает Творец между строк),

Вам оставлю я веру
И любовь – ведь о ней лишь мечтаю.
А любви этой блики
Холодный фильтрует песок.

И все мысли мои
Не постиг я, мне просто их дали.
У Него всё украл.
Я, по сути, ведь вор, не пророк.

Что б потом ни сказал
Я в бреде победившей печали,
Верьте: жив мир любовью,
Учитесь читать между строк.

Поднимаясь из моря,
Ударом судам угрожая,
Белой гривой играя,
Холодный лаская песок,

Мы уйдём сквозь него,
Унося представление о рае
И любовь нашу к вам,
От которой лишь несколько строк.

Мы когда-то умрём
(Всё вокруг убегает, играя),
Растворимся волной,
Окатившей прибрежный песок.

Это сказки, друзья,
О душе, долетевшей до рая.
Это правда, друзья,
О волне и любви между строк.

Не вылюбить

Не вылюбить любви заветную черту.
Не выкричать в строке испуга немоту.
Не выболеть всех ран, не вылететь из бурь.
Другой пройдет сквозь дверь, откинув нашу дурь.

Отчаянья глоток – заветный посошок.
И новый ждёт виток – исправить, что не смог.
В конце закон – свисток! И поезда гудок.
Прощайте, вот мой срок. Прости меня, мой Бог.

Прощайте, сдох мой стих, меня не уберёт.
Зажав свой умный рот, не смог я поперёк.
Впитали страх рабов – не нам постичь любовь.
Пропеть мотив – и в бой, рискнуть в пути собой.

Струйки тел

Как свечой сгорали деды в бою
И как факелом горели в кострах,
Я стою пред вами тут и пою,
Исчезая струйкой дыма во прах.

Растворяясь в мире мыслей и слов,
Раздвигая пониманья предел,
Рассказать я вам сегодня готов
Этих свеч святую боль – струек тел.

Лечу, я лечу

Не пропеллер включу – сам взлечу.
Пролечу вверх ногами над вами.
Над холмами, делами, долгами.
Страх нет – что за бред. Хохочу.

Вылетайте – я всё оплачу.
Всё мечтаю, стихи сочиняю.
Да, свободен! Но очень скучаю.
Прилетайте – назад не хочу.

Раздувают мне щёки ветра.
Улетаю от вас – наболело.
Нет, не умер, какое вам дело?
Просто больше не будет вчера.

Просто раньше здесь видишь рассвет.
Да прохожих так мало навстречу.
Не ногами – их долго калечил.
Сапоги все в грязи столько лет.

Стаи птиц свой меняют маршрут.
Забываю людей злые лица.
Поскользнуться нельзя и разбиться.
Только ветры проносятся тут.

Только звёзды и солнце с луной
Надо мной, над землёй, облаками,
На которых пишу я стихами:
«Будь со мной, будь со мной, будь со мной».

Жалость в сторону

Жалость в сторону! Стонами,
Жарким ветра дыханием,
Верую, ведь не знанием,
Болью боя и звонами,

Мутью низа сознания,
Стернями пред лущением,
Душ людских запустением,
Поздним жизни признанием

Требую я прощения,
Вашего понимания.
Крой меня откровением,
Жги меня созерцанием,

Голого, как Адам в Раю,
В поиске вечно пламенном.
Мой ответ будет каменным.
Выпрошу его, вымолю.

Зеленое солнце

Ищите слова, не просите награды.
Ключи подбирая, решите: «Так надо».

Дарите себя, не желая возврата.
Да будет расплатой когда-то объято
За жизнь-немоту, пустоту без предела
Любимое вами холодное тело.

Воруйте и лгите, и Бога гневите.
Ищите пути, проскользните по нити
Сквозь подлость желаний, сквозь сытую лень,
Сквозь гордость и зависть, сквозь сумрак и тень.

Есть только от голода, плакать от горя –
И снова за словом в огромное море.
Огромное счастье – растаять в просторе,
Где плещется жизни зелёное море.

В закатах искать приближение восхода,
В событий лавине зелёные всходы
Тех слов, что посеяли в жизни когда-то.
Пишите стихи, верьте в счастье, ребята!

Да будут над вами светить через годы
Зелёного солнца небесные своды.

Белый цвет

На белых клавишах снегов
Мотив свой Бог играет вновь.
Страстей, желаний кутерьма
Все души сводит тут с ума.

Путь белым скрыт теперь от нас.
Ищи, живи, пиши сейчас.
Сквозь вьюгу кровью на снегу –
Люблю, иду, найти смогу.

Забудь ты утра сны. Вокруг
И белый лес, и белый луг.
И белым облаком зима
Стирает красный цвет сама.

И вновь сквозь вьюги кровью лет
Ложится путь тропинкой бед.
Но стёркой время лечит их.
Лишь боль твою запомнит стих.

Спешите, люди, между строк
Понять всё то, что я не смог,
Ищите ваших жизней путь,
Не дайте Богу отдохнуть.

Страх поздних перемен

*«Так трусами нас делает раздумье
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным.»*
Монолог Гамлета в переводе Лозинского

Угасает подлунный вечер,
Под ковры заметая грусть,
Обещая скорую встречу.
Поздно. Сбудется ль? Только б пусть!

Врёшь, вторых витков не бывает.
Не подарят вторую жизнь.
Грусти грязь ковром прикрывают.
Ты под ноги смотри – держись.

Под луной отражённым светом,
На огне свечи плавя грусть,
Я себя ищу. Где я? Где ты!
Под коврами судьбы – и пусть.

Пусть недаром её нам дарят,
Но под ноги гляжу, боясь.
Не узнав, что есть та, другая,
Знай – и первая не удалась.

